

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2009. №2(5) Апрель—Июнь

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАН (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАН, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАН (г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О.М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 25.05.2009. Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз.

Зак. №420

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского Государственного университета

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Арыкова Н. Г.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1946—1985 ГГ. 2

Боронин О.В., Модоров Н.С.

ПОЯВЛЕНИЕ КАЗАХОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ АБОРИГЕНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ. 7

Дворников Э. П.

ИЗ ИСТОРИИ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ УМЕРШИХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО СОВРЕМЕННОСТИ 11

Кушнерик Р.А.

ПЕРВЫЕ РУССКО-ОЙРАТСКИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ (КОНЕЦ XVI—XVII ВВ.). 17

Куликова В. Ф.

ГЕТМАН МАЗЕПА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 22

Миколаускайте Л. В.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ В XIX В. 26

Модоров Н. С., Паклин М. И.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ ГОРНОГО АЛТАЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ 30

Мукаева Л. Н.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ XIX в. 33

Ожередов Ю. И.

К ИСТОРИИ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ШАР-СУМ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ 38

Пак Н. В.

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА И ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1956—1960 ГГ. 50

Полов А. В.

ИСТОРИЯ «БЕЛОЙ СИБИРИ» В НОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСТУПЛЕНИЯ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ 52

Селиверстов С. В.

ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ НА «ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО» МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ 57

Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С.

О СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧНОСТИ АЛТАЙЦЕВ В СВЕТЕ ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ 61

Черемнова О. Ю.

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «АЛТАЙДЫН ЧОЛМОНЫ» В 1922—1965 ГГ. 64

Шмаков О. Н.

КАДРОВЫЙ ВОПРОС В РАБОТЕ УРАЛЬСКОЙ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XX в. (по материалам Пермской губернии) 67

Шмакова Н. П.

ПЕРВЕНЦЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: ИЗ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ 70

Штанакова Е. А., Эбель А. В.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ОБРАЗОВАНИЯ МЕРЗЛОТНЫХ ЛИНЗ В КУРГАНАХ АЛТАЯ 72

Эбель А. В.

ПАМЯТНИКИ ГОРНОРУДНОГО ДЕЛА В ГОРНОМ АЛТАЕ 74

РЕЦЕНЗИИ 76

ИНФОРМАЦИЯ 78

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, Университет, редколлегия Журнала «Мир Евразии»,

Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

Н. Г. Арыкова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1946—1985 гг.).

В статье на основе опубликованных материалов предпринята попытка осветить историю изучения развития профессионально-технического образования в СССР в послевоенный период (1946—1985 гг.).

общее образование, профессионально-техническое образования, история и этапы изучения профессионально-технического образования

Октябрьская революция 1917 года открыла (как было принято говорить в советский период нашей истории) новую эру в истории человечества. Именно с ее победой на одной шестой части земного шара возникло государство, аналогов которому еще не было в мире. С его появлением во всех сферах жизни советского общества начались преобразовательные процессы. Не обошли они и профессионально-техническое образование.

До этого последнее жило и руководствовалось в своем развитии документами, которые были прияты, естественно, царским правительством. В частности, принципы организации и деятельности всех специальных учебных заведений интересующего нас профиля определяли «Общий нормальный план промышленного образования в империи» и «Основы положения промышленных училищ». Особенности же отраслевых учебных заведений определялись «Положениями о сельскохозяйственном образовании, о железнодорожных училищах, о мореходном образовании в Империи, о художественно — промышленных учебных заведениях» и др. Эти документы легли и в основу уставов учебных заведений, их учебных планов и программ [1].

Однако с ликвидацией старого режима в октябре 1917 года, в одночасье стала не приемлемой для пришедшего на смену ему новому государству — государству рабочих и крестьян — и существовавшая до этого система профессионально-технического образования, что стало вполне естественным актом, ибо наступившая в истории развития человечества «новая эра» требовала устранения не только старых порядков, но и новой системы народного образования, в том числе и профессионально-технического.

Не вдаваясь в подробности перипетий борьбы и дискуссий по осмыслению путей и особенностей развития советской профессионально-технической школы, этапов в ее развитии в довоенный период, отметим лишь только одно обстоятельство из этой значительной по разнообразию тематики: история развития советской профессионально-технического образования в СССР всецело руководствовалась в своем развитии периодизацией, утвердившейся в нашей стране после октября 1917 года. В соответствии с ней, периодизация истории развития профессионально-технического образования в СССР подразделялась на несколько этапов. Так, события, имевшие место в этой сфе-

ре нашего бытия в 1917—1920 гг., составили первый из них; 1921—1929 гг. — второй; 1930—1940 гг. — третий и 1940—1958 — четвертый период. Не встретив серьезных возражений, данная периодизация не долгие годы утвердила в отечественной историографии, во многом способствовав не только исследованию истории профессионально-технического образования в Советском Союзе, но и планомерному изучению истории подготовки квалифицированных рабочих кадров в СССР.

Какие же критерии легли в основу вышеуказанной периодизации истории советского профессионально-технического образования?

Согласно исследованиям отечественных историков, 1917—1920 гг. вобрали в себя время «ликвидировавшее старую, капиталистическую систему профессионально-технического образования» в Советской России и одновременно поиска ею новых путей и форм подготовки квалифицированных рабочих кадров в стране. Следующий этап охватывает время с 1920 по 1930 гг. Забегая чуть вперед, отметим, что хронологические рамки второго и третьего этапов будут откорректированы советскими исследователями в послевоенный период Но об этом — чуть ниже. Он озабоченовал собою «формирование единой советской системы профессионально-технического образования», а также «становление и развитие основных типов советской профессионально-технической школы» как особого рода «общеобразовательной школы в системе народного образования СССР». Именно на данном этапе началось, как свидетельствуют исследователи, массовое развитие внешкольных форм подготовки рабочих кадров на производстве, а также превращение ведущих типов школьного профессионально-технического образования в основную форму подготовки рабочих кадров из числа молодежи. В то же время началась и активная разработка форм и педагогических основ профессионально — технического образования. Именно в связи с этим и предложили советские историки отнести начало второго этапа с 1921 года — на 1920 год. «Поводом» для такого рода корректировки послужил им «Ленинский декрет» о создании «единого центра по руководству профессионально-техническим образованием — Главпрофобра...» [2, с. 11-12].

Определенные, причем, небезосновательные, уточнения были осуществлены учеными и по ко-

нечной дате данного этапа. Как известно, авторы указанной выше периодизации истории развития профессионально — технического образования в нашей стране руководствовались при этом «передачей» руководства Главпрофобром в руки «хозорганов» республики, ссылаясь при этом на то, что в 1930 году Главпрофобр был ликвидирован. Однако, значительная часть исследователей не согласилась с этим утверждением и аргументировала обосновала, что «данная акция ни в коеи мере не свидетельствовала об упразднении наркомовского влияния» на систему профессионально-технического образования в РСФСР. Свидетельством тому, утверждали они, являлось «вложение на учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР» всего руководства «в учебной сфере». Хозяйственным же органам были переданы лишь функции «планирования материально-технического обеспечения» профтехобразования. К тому же две «ветви управления им», как бы мы сказали, используя нынешнюю терминологию, подразумевая «Главпромкадр ВСНХ СССР» и секторы кадров наркоматов, пришедшие ему на смену в 1933 году, работали, как явствуют источники, «совместно, а иногда и совместно с Наркомпросом». И подобный управленческий «симбиоз» будет продолжаться до сентября 1933 года. До этого же времени не будет наблюдаться каких-либо кардинальных изменений и в системе подготовки кадров, а также в содержании учебного процесса в «основных типах» профессионально — технических школ, функционировавших тогда в стране [2, с. 14].

Третий этап, характеризуемый нами периодизацией истории развития профессионально-технического образования в СССР, вобрал в себя время с 1933 по 1940 год. Его примечательной стороной стало широкое развитие не только массовых форм обучения и повышения профессионально квалификации взрослых рабочих на производстве, но и постепенное сокращение школьных форм профессионально-технического обучения молодежи и целенаправленное превращение профессионально — технической школы в узко профессиональную школу при заводе, фабрике или каком-либо ином предприятии, со своименным этому процессу «углублением децентрализации и естественным ослаблением организационно-методического руководства подготовкой рабочих кадров в стране. Все вышеуказанные изменения в системе профессионально-технического образования, и это, вне всякого сомнения, были связаны с имеющей в то время в стране «генеральной реконструкцией» всего народного хозяйства СССР. Именно тогда — в годы первых «сталинских пятилеток» — создавалась в стране материально-техническая база социализма, предпринимались первые попытки достижения такого уровня развития производства и производительности труда, на основе которых мог бы окончательно утвердиться в СССР новый общественный строй, а утвердившись, получить дополнительный импульс для своего дальнейшего всестороннего развития. Словом, деятельность советской системы профессионально-технического образования в вышеуказанный хронологический период была всецело подчинена решению важ-

ной государственной задачи, содержание которой полностью отражал выдвинутый тогда партией лозунг: «Кадры решают все!».

Его претворение в жизнь (и это никак нельзя отрицать) помогло стране создать (уже к середине 30-х гг. прошлого столетия — *H.A.*) материально-техническую базу социализма, неотъемлемой частью которой явились квалифицированные рабочие кадры. Благодаря этому, Советский Союз, согласно заявлению его партийного руководства, вступил в стадию строительства «полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму», задачи, построения которого в СССР определил XVIII съезд ВКП(б) [3, с. 422].

Претворение их в жизнь потребовало от страны многоного, в том числе и квалифицированных рабочих кадров, в подготовке которых пока еще не были изжиты многие проблемы. Учитывая это, Президиум Верховного Совета СССР издает 2 октября 1940 года указ («О государственных трудовых резервах»), в соответствии с которым в стране должна быть создана система государственных трудовых резервов (от 800 тыс. до 1 млн. чел.), призванная положить начало современной системе профессионально — технического образования в нашей стране [4, с. 774].

Иначе говоря, время провозглашение создания последней явилось отправным пунктом начала следующего этапа в истории развития отечественного профессионально-технического образования. Он же, согласно господствовавшей тогда хронологической периодизации развития СССР, начался и проходил на волне «построения в нашей стране развитого социалистического общества». Хронологически данный период охватывал 1940—1958 гг., т. е. время весьма неоднозначно оцениваемого исследователями в истории развития Советского государства. Эта «неоднозначность» и стала определяющей для отечественных историков, в том числе и для тех, кто занимался историей развития профессионально-технического образования в СССР. Во-первых, октябрь 1940 года и последующее после этого время вплоть до трагического до Советской страны 22 июня 1942 года, проходило в «предгрозовой» обстановке, т. е. в условия надвигающейся войны, что, конечно же, не могло не отразиться на развитии отечественной системы профессионально-технического образования. Затем, когда грянула война, вся жизнь нашей страны была подчинена одной задаче — как можно быстрее разгромить врага и достичь над ним безоговорочной победы. На решение этой общенародной задачи были направлены все силы Советского государства. И когда долгожданная победа над врагом была одержана, перед советским народом стала очередная — не менее ответственная — задача: восстановить разрушенное войной народное хозяйство. Все это вышеуказанное и было учтено исследователями истории развития советского профтехобразования. И как результат этого «учета», и «родилось» у них delineение второго этапа истории развития профессионально-технического образования в СССР (датируемого 1940—1958 гг. — *H.A.*) на

два этапа. Первый из них, вобравший в себя время с октября 1940 по 1945 год, был обозначен ими как «становление и развитие государственной системы трудовых резервов в условиях Великой Отечественной войны». На нем, по единодушному мнению исследователей, отечественная система профессионально-технического образования решала свою первостепенную задачу: пополнение рядов советского рабочего класса квалифицированными рабочими кадрами из числа молодежи, с одновременной ее защитой от тягот и лишений военного времени.

Не возражая, в принципе, против такой постановки вопроса по обсуждаемой проблеме, большинство исследователей — в то время — выступило за «уточнение» начального рубежа второго периода истории развития профессионально-технического образования в СССР. В частности, они выступили против датировки его начала 1941 годом. В качестве главного аргумента они выдвинули своим оппонентам то, что в течение осени 1940 года (т. е. в октябре—ноябре месяцах — Н. А.), партийно-советские и хозяйствственные органы страны завершили в основном формирование сети новых учебных заведений, призванных создать (в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. — Н. А.) государственный трудовой резерв квалифицированных рабочих кадров, создали учебно-материальную базу профтехучилищ, завершили набор учащихся в них. Это подтверждалось и тем, что 1 декабря 1940 года начали занятия по подготовке квалифицированных рабочих кадров для промышленности, транспорта и строительства (причем по единому государственному плану — Н. А.) ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения, дальнейшее становление и развитие которых, равно как и всей системы государственных трудовых резервов в целом, продолжалось в годы Великой Отечественной войны.

Менее дискуссионным стал второй этап — 1945—1958 гг. — второго периода истории развития профессионально-технического образования в СССР. Его начало, естественно, было связано исследователями с победоносным завершением Великой Отечественной войны, с задачами четвертого пятилетнего плана восстановления развития народного хозяйства СССР в 1946—1950 гг., а также с выходом в сентябре 1946 года правительенного постановления «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», которое, без преувеличения, явилось конкретной и действенной программой перестройки профтехшколы в полном соответствии с теми задачами, которые решала страна на данном этапе своего социально-экономического развития. Претворение планов четвертой пятилетки потребовало от системы профтехобразования — с целью улучшения ее действенности — решения и некоторых организационных задач, в частности, объединения в 1946 году Главного Управления трудовых резервов с Комитетом по учету и распределению рабочей силы. В результате этого, «родилось» об-

щесоюзное Министерство трудовых резервов СССР, позволившее сосредоточить в дальнейшем в этом едином государственном органе учет трудовых ресурсов страны, их подготовку и распределение между регионами, предприятиями и т. д.

Заключительным рубежом второго периода истории развития профессионально-технического образования в СССР стал декабрь 1958 года. В хронологическом плане для него, для страны в целом — это был период «завершения социалистического строительства и построения развитого социализма», время создания соответствующей экономики и преобразования всей системы «социально-экономических и политических отношений на социалистической основе». Не говоря о верхней границе вышеизначенного хронологического периода, следует подчеркнуть, что в советской историографии его завершение зачастую датировалось концом 50-х — началом 60-х гг. прошлого века. Если брать во внимание историю развития профессионально-технического образования в СССР, то для нее 1958 год, и это, вне всякого сомнения, явился «определенющим рубежом». Дело в том, что именно в 50-е гг. XX столетия государственные резервы страны сыграли непреходящую роль в обеспечении ее народного хозяйства квалифицированными кадрами. Вместе с тем, в эти же годы отчетливо выявилось и отставание системы профтехобразования от их подготовки, что особенно здраво просматривалось на фоне возросшего экономического и культурного уровня страны. Это обстоятельство, естественно, требовало устранения данного «отставания», приведения в должное соответствие форм и подготовки и содержания образования рабочих с реальными требованиями экономики и научно-техническим прогрессом того времени. Но главное, что требовалось добиться в тот период — это установить более тесные связи между общим и профессиональным образованием.

И правительство пошло на устранение данных «недочетов» в системе профессионально-технического образования. Первым его шагом на этом пути, который, по общему мнению исследователей, знаменовал собою начало коренной перестройки системы профессионально-технического образования, стал Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 года.

Его принятие исследователи справедливо увязали с завершением второго периода в истории развития системы профтехобразования в нашей стране и началом следующего, качественно нового этапа в его развитии, хронологические рамки которого вобрали в себя 1958—1985 гг. В это время, по их свидетельствам, в стране свершилось многое, что, по мнению ученых, коренным образом изменило социально-экономический, культурный и духовный облик Советского государства. Существенные преобразования претерпела на данном этапе и система профессионально-технического образования. Именно в этот период имело место ее «всестороннее совершенствование» в полном соответствии с развитием советского социа-

листического общества, с требованиями и «запросами научно-технической революции». Именно в эти годы произошло кардинальное сближение двух образовательных систем (общего и профессионально-технического), благодаря чему родился новый тип учебного заведения (среднее профессионально-техническое училище), сразу же превратившихся в один из действенных «каналов» получения молодежью среднего образования в нашей стране. В указанные же выше годы окончательно оформилась в СССР система единой государственной политики в области подготовки квалифицированных рабочих кадров, что, в свою очередь, способствовало значительному усилению внимания к разработке научно-методических и теоретических основ профтехобразования.

Беря во внимание все вышеотмеченные моменты в развитии системы профессионально-технического образования, исследователи подразделили третий период, т. е. 1959—1985 гг., на два этапа: первый — 1959—1965 гг. и второй — 1966—1985 гг. Выделение первого из них было связано ими с появлением закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшим развитием системы народного образования в СССР», руководствуясь которым в стране был создан новый, единый тип учебных заведений — городские и сельские профессионально-технические училища. В соответствии с этим законом, все ПТУ стали работать на базе «общеобразовательной, трудовой политехнической восьмилетней школы».

Не была оставлена без внимания, в связи с этим, и система трудовых резервов в целом. Опираясь на вышедшее в июне 1959 года постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении руководства профессионально-техническим образованием в СССР», правительство преобразовала ее в государственную систему профессионально-технического образования, создав для этого и соответствующие общесоюзные, республиканские и местные (региональные) органы по руководству профтехобразованием в стране. Руководствуясь вышеназванным постановлением, правительство приняло меры и по упорядочению сети учебных заведений ПТУ и их специализации. В связи с этим, в них внедрялось новое содержание образования, существенно «преображалась» — улучшалась — учебно-воспитательная работа в профтехучилищах.

Новые и, без преувеличения, масштабные задачи поставил перед народным образованием XXIII съезд КПСС (1966 г.). Учитывая грандиозность планов социально-экономического преобразования страны, он взял курс на введение в СССР всеобщего среднего образования. Сообразуясь с этим, необходимо было привести в соответствие с поставленными XXIII съездом КПСС социальными задачами и профессионально-техническое образование.

Стремление соответствующих органов претворить планы, намеченные партийным съездом, послужило отправным пунктом начала нового этапа в развитии системы профессионально-технического образования в СССР. И связано это было с выходом в апреле 1960 года постановления ЦК

КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки квалифицированных кадров рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования». С его выходом, вполне справедливо подчеркивают исследователи, перед ним открылись новые и широкие перспективы дальнейшего развития, совершенствования системы и содержания образования в профтехучилищах. Руководствуясь данным постановлением, они начали постепенно, но целенаправленно, преобразовываться в средние учебные заведения, сочетающие в свое работе как профессиональное, так и общее среднее образование.

Этот, без преувеличения, знаменательный в развитии системы отечественного профессионально-технического образования процесс завершился, по общему признанию исследователей, к концу 70-х гг. XX столетия. И, надо, сказать, что он, по-праву был назван ими «выдающимся». Действительно, в 70-е гг. советская профессионально-техническая школа достигла в те годы, поистине, небывалых высот. Содержание и основные направления ее развития на данном этапе, естественно, определялись решениями XXIV и XXV съездов КПСС, а также постановлениями ее ЦК и Советского правительства. В их числе следует в первую очередь назвать следующие: «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» (1972 г.), «О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и по улучшению их работы» (1975 г.), а также «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» (1977 г.). В результате претворения их в жизнь (пусть и не полном объеме), тем не менее, заметно повысилась в 70-е гг. социально-экономическая и жизненная «функциональность» отечественной системы профессионально-технического образования, а профтехучилища превратились в общепризнанную и целесообразную форму подготовки квалифицированных рабочих, которая в полной мере отвечала «требованиям научно-технического прогресса», а также «задачам коммунистического строительства в СССР». В силу этого, система профессионально-технического образования заняла достойное место в общей системе советского народного образования. Новая ее роль и значение были признаны как решениями партийных съездов, так и «Основами законодательства СССР и союзных республик по народному образованию, а также «Конституцией СССР 1977 года. Словом в 70-е гг. прошлого столетия профессионально-техническое образование стало, по общему признанию исследователей, одним из важнейших каналов осуществления всеобщего среднего образования в стране, а средние профессионально-технические училища — ведущими учебными заведениями по подготовке квалифицированных кадров рабочих со средним образованием [5, с. 33].

«Учебно-производственный настрой» 70-х гг. по отношению к профессиональнотехническому образованию был воспринят и новым десятилетием, о чём в полной мере свидетельствовали мате-

риалы XXVI съезда КПСС, рассматривавшего социальную систему народного образования как важный фактор социально-экономического, политического и духовного процесса Советского государства. В целях скорейшего достижения поставленной цели, его партийно-советское руководство наметило целый ряд мер, которые должны были способствовать выведению общеобразовательной и профессионально — технической школы на новые рубежи [6, с. 161]. Свидетельство тому — постановление апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». «Реформа, — подчеркивалось в нем, — призвана поднять работу общеобразовательной и профессиональной школы на качественно новый уровень, устранить недостатки, имеющиеся в ее деятельности, обеспечить глубокое овладение учащимися основами наук, формирование у них прочных коммунистических убеждений, трудолюбия, нравственной чистоты, воспитания в духе любви к нашей социалистической многонациональной Родине и готовности к ее защите... Осуществление реформы позволит коренным образом улучшить трудовое воспитание и профессиональную ориентацию школьников на основе соединения обучения с производительным трудом, подготовку квалифицированных рабочих кадров в профессионально-технических училищах, дополнить среднее образование молодежи всеобщим профессиональным образованием» [7, с. 9-10].

Но, несмотря на заметные успехи в развитии профессионально-технического образования, темпы их были не достаточны. Об этом прямо говорил на заседании коллегии Госпрофобра СССР еще в августе 1983 года член Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев. Соответствующие государственные ведомства, подчеркивал он, пока еще не обеспечили безусловного выполнения постановления партии и правительства о развитии системы профессионально — технического образования и ее совершенствовании, они слабо контролируют деятельность своих местных органов. В связи с этим, он потребовал, кардинального улучшения работы

по профориентации молодежи, укреплению связи между ПТУ и общеобразовательной школой, а также внимательнее отнестись к подбору, расстановке в профтехучилищах.

Отмеченные недостатки в системе профтехобразования, послужили толчком к появлению в 1985 г. «Положения о среднем профессионально-техническом училище и базовом среднем ПТУ». Его выход обязал министерства и ведомства разработать свои планы по развитию профтехучилищ, их взаимодействию с базовыми предприятиями, а также по дальнейшему совершенствованию учебно-воспитательной работы в ПТУ, что положительно сказалось на работе по дальнейшему совершенствованию системы профтехобразования. В частности, в 1984—1985 гг. появились новые документы, разработанные Госкомитетом профессионально-технического образования СССР, призванные обеспечить активное участие ученых, творческой интеллигенции, общественных организаций в формировании достойного пополнения рабочего класса, в коммунистическом воспитании учащихся системы профтехобразования.

Не была обойдена эта проблема и XXVII съездом КПСС. «Авангардное место в советском обществе, — подчеркивалось в его Политическом докладе, — принадлежит рабочему классу. Благодаря своему положению в системе социалистического производства, политическому опыту, высокой сознательности и организованности... рабочий класс сплачивает наше общество, играет ведущую роль в ...коммунистическом строительстве» [8]. В силу этого, важная роль отводилась им системе профессионально-технического образования — кузнеце будущих рабочих, перед которой в условиях ускорения научно-технического прогресса и соединения (в недалеком будущем) общего среднего и профессионального образования открывались новые перспективы [8, с. 48-49]. Однако начавшаяся «перестройка» и в силу порожденных ею обстоятельств, все намеченное XXVII съездом КПСС так и оставалось перспективой. Более того, все, что имелось в стране, будет вскоре разрушено и канет в Лету.

Библиографический список

1. Кузьмин, Н. Н. Низшее профессиональное образование в дореволюционной России / Н. Н. Кузьмин. — М., 1975.
2. Профессионально-техническое образование в СССР (1917—1972 гг.). Хроника основных событий. — Л., 1972.
3. История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1985.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. — М., 1967.
5. Вопросы профессионально-технического образования. Материалы симпозиума 14-15.04.1981 г. в Липецке. — М., 1983.
6. XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. — М., 1981.
7. О реформе общеобразовательной и профессиональной школы. Сб. докладов и материалов. — М., 1984.
8. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1987.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 11.04.09

N. G. Arykova

FROM THE HISTORY STUDY OF STADEIS THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL EDUCATION IN THE USSR IN 1946-1985 gg.

In article, on the basis of publish materials, analyzed the history study of stadeis development of professional education in the USSR in 1946-1985 gg.

Common education, professional education, history and stage study of professional education

УДК 902

О.В. Боронин, Н.С. Модоров

ПОЯВЛЕНИЕ КАЗАХОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ АБОРИГЕНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

В статье на основе опубликованных источников и архивных материалов рассмотрены отношения коренных народов Горного Алтая с казахами во второй половине XIX — начале XX в.

Горный Алтай, коренные народы, родовая знать, переселенцы, казахи, Чуйская степь, взаимоотношения, земельные споры

После распада СССР и суверенизации его бывших союзных республик, историки последних стали активно переосмысливать прошлое своих новых государств. И в этом стремлении непредвзято проследить исторический путь становления своей родины, естественно, нет ничего плохого. Если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что всех жанрах исследований национальных историков на эту тему стали присутствовать, а нередко и превалировать эмоциональная рефлексия по поводу дальнего и недалекого прошлого бывших союзных республик в составе Советского Союза. Однако, как говорится, и с такими «издержками» можно было согласиться, поскольку стремление к рельефно выраженной национальной самоидентификации, в процессе которой допускаются —вольно или невольно — отступления от научной объективности, явление, конечно же, не новое: оно всегда имело место и носило, как правило, временный характер. Пример тому — мировая история. Она убедительно свидетельствовала и свидетельствует, что по мере национально-государственного самоутверждения «обиды» на собственное «безоблачное прошлое» все же забываются и историческая наука, «преодолев болезнь», возвращается к объективной методологии анализа и обобщения прошлого.

Оставила нам мировая история еще одно немаловажное наблюдение. Она подметила, что в отличие от дисциплин естественно-научного цикла перед исторической наукой всегда маячит соблазн интеграции с политикой, которая неизменно стремится подчинить последнюю своим первостепенным интересам и целям. И это ее стремление, опять-таки, вполне понятно: оно убедительно свидетельствует о том, что политические деятели во все времена по достоинству оценивали деконструктивный и созидательный потенциал истории. Памятая от этого, следует подчеркнуть, что исторические сочинения, направленные против России, также явление не новое, правда, с одним небольшим уточнением. Так, для исследователей дальнего зарубежья антироссийские сочинения были и остаются давним и даже излюбленным занятием. И приобщение к этому делу их собратьев по исследовательскому цеху из ближнего зарубежья не должно нас удивлять. Реалии нашего бытия не раз уже доказывали и продолжают доказывать, что многие «злопыхатели» (часто в меру своих сил и способностей) стараются, главным образом, за счет гальванизации до-

казатель историческую «самодостаточность» своих народов, якобы ущемленную в период их нахождения в составе российской государственности. Все этого сразу же всплывает в памяти, когда приходится сталкиваться с очередным такого рода исследовательским «сочинением»

Поводом для написания данной статьи послужило появление публикации «Казахская ирредента и казахская диаспоры на территории Большого Алтая». К постановке проблемы, увидевшая свет в сборнике «Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая». Материалы Второй международной научной конференции 23–25 ноября 2008 года (Горно-Алтайск, 2008). Ее авторы — Е. Б. Уябасаров и К. С. Калиева, вводя термин «ирредента», пытаются обосновать (на с. 219) законность притязаний Республики Казахстан на значительную часть российских территорий (Алтайского края, Астраханской, Оренбургской, Курганской, Омской областей и Республики Алтай), Китая (районы Алтая, Тарбагатая, Или, Кульджи, Еренкбырги, Барколь-Кумула в СУАР), Монголии (Баян-Ульгийский аймак) а также Узбекистана (районы Сырдарьи, Чирчика, Кызылкумов, Мырзашола). Чем же руководствуются они, выдвигая такого рода территориальные притязания (иначе и нельзя это воспринять) к вышеуказанным странам? Чтобы не быть уличенными авторами статьи в передергивании фактов, процитируем написанное ими. «Исследователи, — пишут Е. Б. Уябасаров и К. С. Калиева, — отмечают, что казахов, проживающих в сопредельных с Казахстаном территориях в России (Алтайский край, Астраханская, Оренбургская, Курганская, Омская области, Республики Алтай), Китае (районы Алтая, Тарбагатая, Или, Кульджи, Еренкбырги, Барколь-Кумула в СУАР), Монголии (Баян-Ульгийский аймак) а также Узбекистане (районы Сырдарьи, Чирчика, Кызылкумов, Мырзашола) ни в коем случае нельзя определять термином «диаспора», так как они проживают на своей собственной территории и данная группа населения определяется термином «ирредента» (с. 219). Подобное научное «открытие» наших казахских коллег, более, чем уверены, не будет способствовать устраниению «белых пятен» в нашей общей истории. Наоборот, оно еще больше усложнит понимание, казалось бы очевидных истин и понятий. А «перетягивание одеяла», основу которого составляют терри-

ториальные притязания, не лучшим образом может оказаться, как мы уже знаем из истории, на межгосударственных отношениях целого ряда стран. Не вдаваясь в «правомочность» утверждаемого авторами статьи положения о «своей собственной территории» применительно для всех указанных выше территорий, попробуем расставить некоторые акценты относительно «собственной территории казахов» в Горном Алтае т. е. Республике Алтай.

Согласно утверждениям отечественных и зарубежных исследователей, Горный Алтай с давних пор был полигэтническим регионом. Таковым он остается и по сей день. Коренное население данного края в этническом плане с давних пор не было единым, а делилось на несколько родо-племенных объединений, представители которых носили свое родовое или племенное название. Например, в долинах Большой и Малой Иши (притоки р. Катуни), Сары-Кокши, Кара-Кокши, Пыжи, Уйменя и других притоков Бии проживали «тубалары» («туба-кижи»); в бассейне р. Лебедя и особенно ее притока Байгола — «чалканцы» («чалканду», а жители р. Лебедя еще называли себя — «куу-кижи», т. е. люди р. Лебедя); по берегам Бии (от р. Лебедя) вниз — почти до самого г. Бийска, а также в низовьях Катуни — обитали «кумандинцы» («куманду-кижи»). Эти аборигены Северного Алтая будут названы учеными впоследствии «северными алтайцами». В противовес им появятся, естественно, и «южные алтайцы»: «тelenгеты» («теленгиты»), населявшие бассейны рек Чуи и Аргута (притоки Катуни). Поскольку большая часть их проживала в долине Чуи, то кроме вышеуказанного общего названия «тленгет», они называли себя и по территориальному признаку — «чу-кижи», т. е. люди р. Чуи; «алтай-кижи», расселявшиеся по среднему течению Катуни и в бассейнах некоторых ее притоков (Урсул, Сема, Майма), а также в системе рек Чарыша, Кана и Песчаной. Наряду с общим названием, аборигены, проживавшие в долинах Маймы, назывались еще и «маймакижи» или «мамалары», т. е. жители с р. Маймы; «тесесы», обитавшие преимущественно по рекам Чулышману, Башкаусу и Улагану. Немалая их часть называла себя «улаан-кижи», т. е. люди с р. Улаган; «телеуты», жившие по рекам Черге, Майме и другим рекам [1, с. 21-22].

В начале XIX века ученые обозначили весь этот конгломерат родо-племенных названий одним этнографическим термином «алтайцы». Сегодня этническая картина Горного Алтая (Республики Алтай) включает в себя русских (60%), алтайцев (31%), казахов (5,8%) и представителей других национальностей (3,2%). Из перечисленной выше палитры, нас больше всего интересуют казахи, их появление в Горном Алтае, а также их отношения, складывавшиеся со старожилами.

Первые их попытки «осесть» в Горном Алтае относятся, согласно источникам, к 30-м гг. XIX века [2]. Более ощутимым миграционное «давление» казахов на коренное население Горного Алтая становится во второй половине XIX века.

К примеру, в 1866 г. значительная их группа обосновалась в Черно-Ануйском стане Алтайской духовной миссии. Приняв православие, казахи осели, главным образом, в двух населенных пунктах: в Черном Ануе и в Тюдрале. С первых же дней жизни на новом месте «новоселы» повели себя «неподобающим образом»: она стали самовольно занимать земли алтайцев второй, третьей, четвертой и шестой дючин, угнать их скот, грабить «ясачников» и т. д. Эти действия «новоселов» вызвали естественную реакцию последних: они начали направлять жалобы уездному и окружному начальству на «незаконные действия соседей» и просили «выселить грабителей с Алтая». Однако всяческими «правдами и неправдами», последним удалось отвести от себя «угрозу» и они прочно закрепились на новом месте, значительно стеснив таким образом «хозяйственную нишу коренного населения» [3, с. 274-275].

Новая волна казахского «вторжения» в Горный Алтай последовала через 13 лет. Весной 1879 г. российско-китайскую границу перешла группа казахов (из рода Кирей) численностью до 1000 кибиток. Пришельцы из Западной Монголии, приехав в Чуйскую степь, сразу же повели себя весьма агрессивно по отношению к местному населению: они разоряли и захватывали кочевья алтайцев, угнали их скот и т.д. В связи с такого рода «бесчинствами киргизов», русские власти вынуждены были прибегнуть к военной силе, чтобы защитить «своих ясачных людей». В результате принятых мер, у казахов было отбито свыше 1100 угнанных лошадей, а также удалось вытеснить большую часть «пришельцев в пределы Цинской империи». И, тем не менее, в Чуйской долине осталась большая группа «киреитов» (рода Кобеш и Джелкаши). Их правители обратились к русским властям с просьбой разрешить их со-племенникам остаться «для житья в Чуйской долине», заверив первых, что они «впредь будут жить мирно». Однако просьба казахов не была удовлетворена. Но, вместе с тем, власти не приняли и каких-либо действенных мер к выселению (как это просили «чуйцы») «киргизов» из пределов Горного Алтая [4, л. 1-6].

Бездействие властей не только успокоило «киреитов» (подданных Цинской империи — Авт.), но и воодушевила их на новые «подвиги». Забыв о данном ими обещании («не предпринимать агрессивных действий по отношению к русским подданным»), оно возобновили грабеж и притеснения коренного населения Чуйской степи, что вызвало новый поток жалоб алтайцев на «бесчинства пришлых киреитов». Однако они, к сожалению тленгитов, остались без последствий [5, с. 63]. Да и что мог предпринять один, единственный урядник, олицетворявший свою русскую власть в Чуйской долине и проживавший в Кош-Агаче? Доводы же отдельных чиновников о необходимости «держать на Чуе воинскую команду» не находили, к сожалению, понимания и поддержки у центра [6, с. 28].

Очередной приток казахов в Чуйскую долину произошел в конце 80—начале 90-х гг. XIX века. В этот период сюда переселились сначала «кирги-

зы из рода Сарыкалдака», а в 1893 г. — 100 кибиток казахов «Чингистайского рода» [6, с. 28]. Говоря об этих переселениях, следует отметить одну их особенность: в отличие от казахов-киреитов, являвшихся подданными Цинской империи, теперь на Чую пришли казахи — подданные России (все они были приписаны к волостям Семипалатинской области — Авт.). К сожалению, этим различия между ранее и ныне пришедшими в Чуйскую степь казахами заканчиваются. Как и их предшественники (киреиты — Авт.), они повели себя «на новом месте» — по отношению к местному населению — тоже агрессивно. Их появление, по свидетельству источников, повлекло за собой дальнейшее стеснение алтайцев «в зверопромышленности и в сборе кедрового ореха». На этот раз русские власти проявили себя достаточно жестко. Реагируя на жалобы, они выдворили в 1894 году за пределы Горного Алтая большую часть «переселенцев». Однако часть из них, также, как в свое время киреиты, сумела закрепиться на Чуе и «выжить» [3, с. 275]. Согласно переписи 1897 года, в Чуйской долине уже проживало 559 казахов [7, с. 33]. Надо сказать, что к этому времени русские власти «смирились» с присутствием казахов на юге Горного Алтая. В 1898 и 1890 гг. ими поэтапно были приняты в российское подданство приковавшие на Чую киреиты. Приписав новоподданных ко 2-ой Чуйской волости, власти обязали их выплачивать ежегодно алтайцам по 500 руб. «за пользование их пастьбищными угодьями». Однако пришедшие в конце 80-начале 90-х гг. XIX века на Чую «сарыкалдаки» и «чингистайцы» официально будут «обустроены» (т. е. получат разрешение на жительство в Чуйской долине — Авт.) только в 1913 году. Согласно узаконению, они войдут в состав вновь образованной (в урочище Юстыд — Авт.) Киргизской волости. Тот же, кто не принял российское подданство, подлежал (в соответствии с договоренностью с китайскими властями — Авт.) немедленной высылке на сопредельную территорию Китая. Однако «отказники» проигнорировали этот пункт договора, ибо они не только не покинули Чуйскую долину, а в еще больших масштабах продолжили захват территории, на которой кочевали алтайцы [8, л. 46]. Захват алтайских кочевий, угон скота до предела обострили межэтническую обстановку в регионе, на что неоднократно указывали местные власти. Они же укажут впоследствии, что к 1917 г. на юге Горного Алтая будет проживать 2000 казахов [9, с. 91]. Правда, этот показатель не шел ни в какое сравнение с численностью алтайского этноса, проживавшего в то время в Чуйской долине. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: «Что же позволило казахам составить серьезную конкуренцию значительно большему этносу?» Ответ на него вырисовывается достаточно сразу. Этому, безусловно, способствовали два главных компонента: а) высокий уровень сплоченности казахов; б) взаимопомощь и сохранение родовых связей с основным этническим массивом в Казахстане. Указанные консолидирующие моменты сохранили они и в последующие десятилетия.

Выше уже упоминалось, что казахи были и остаются третьим по численности этносом в Горном Алтае, причем их число нарастало из десятилетия в десятилетие. Так, если в 1959 году в указанном регионе проживало 4745 казахов, то в 1970 году — уже 7170, а в 1986 году — 10672 чел. Основная их масса, естественно, приходилась на Кош-Агачский района. В частности, в 1989 году здесь проживало около 9000 казахов или 54,4% от общей численности населения района (алтайцы — 39,6%, русские — около 6%). Из 11 сельских советов, функционировавших в нем в 2002 году, казахи преобладали в четырех. Преимущественно «казахскими» были тогда следующие поселения: Жана-аул и Актал (Казахский сельсовет — 1246 казахов, 8 алтайцев и 4 русских), Тобелер и Ташанта (Тобелерский сельсовет — 1484 казаха, 39 алтайцев и русских), Джазатор и Куркуре (Джазаторский сельсовет — 912 казахов, 429 алтайцев и 57 русских), а также райцентр — Кош-Агач (1965 казахов, 429 алтайцев и 181 русский). В других населенных пунктах района большинство населения (при наличии казахов) составляли алтайцы. Но, несмотря на полиэтничность южных районов Горного Алтая, проживающие здесь казахи не допускают взаимность инфильтрации традиций, в частности, в социально-нормативной сфере. Так, общественное мнение в казахской среде не поощряет браки с «иноверцами», а погребально-поминальная обрядность казахов Горного Алтая однозначно разделяет людей по этно-конфессиональному признаку. Дают себя знать и отголоски прошлых межэтнических рецидивов. К примеру, в населенных пунктах казахи и алтайцы почти никогда не проживают дисперсно, причем, между казахскими и алтайскими частями населенных пунктов нередки локальные (главным образом на повседневно-бытовом уровне — Авт.) конфликты, доходящие иногда до криминала. Последнее, отметим справедливости ради, во многом связано не со взаимным неприятием, сколько с распространением в крае хронического пьянства.

Особое место в межэтнических отношениях указанных народов занял 1990 год, когда значительная часть казахов приняла решение «вернуться на свою историческую родину». Определенная и масса объясняла свой отъезд «притеснениями» со стороны алтайцев. Однако заключение правительственный комиссии, работавшей на юге Горного Алтая в 1992 году, было несколько иным. Главная причина отъезда казахов, по ее мнению, заключалась в стремлении последних к «воссозданию нации», которое возобладало в связи с провозглашением независимости Республики Казахстан. Не ставя под сомнение выводы комиссии, все же смеем утверждать, что в отъезде казахов сыграла свою роль и межнациональная напряженность. Но как бы там ни было, а за три года Горный Алтай покинуло немало казахов. Так, если в 1991 году в Кош-Агачском районе насчитывалось 8200 казахов и 7013 алтайцев, то в 1993 г. — 6377 и 7264 соответственно [9, с. 74]. Однако к середине 90-х гг. миграция казахов из Горного Алтая в Казахстан пошла на убыль. Глав-

ная причина этого состояла в начавшейся в это время ремиграции. Не найдя свою социальную нишу на исторической родине мигранты вынуждены были вернуться в Горный Алтай. Так, в 1994 году из Горного Алтая уехало в Казахстан 153 чел., а вернулось оттуда в наш регион 1377 чел. (в том числе в Кош-Агачский район); в 1995 г. — 209, 1200 и 686 чел. Соответственно [9, с. 74].

Эта «печальная» тенденция имела место и в последующие годы. Возвращавшиеся обратно казахи — в большинстве своем — не имели ни скота, ни имущества, что у условиях сложной в те годы социально-экономической ситуации в регионе и практической безработицы понуждала их заняться криминальной деятельностью, в частности, угоном скота у алтайцев. Это еще больше накаляло межэтнические отношения. В связи с этим, в республиканской прессе был опубликован (в середине 90-х гг. ХХ в.) ряд открытых коллективных писем алтайцев — жителей Кош-Агачского и Улаганского районов), — обращенных к депутатам Государственного Собрания — Эл-Курултай с требование не допускать возвращения уехавших казахов. В частности, жители с. Мухор-Тархата Кош-Агачского района писали: «Они возвращаются без увезенного скота, лишь нагрузив свое имущество на одну автомашину. Вернувшись же, начинают воровать скот, грабить стоянки... Теперь, как стало известно, хотят вернуться [еще] 200 семей. Их возвращение не принесет нам никакой пользы. Уезжают — грабили, приехав — [снова] грабят... Мы не можем более молчать, наше терпение вышло. Поэтому мы не впустим в свой колхоз возвращающихся из Казахстана. Мы просим депутатов Эл-Куралтая помочь [нам] в рассмотрении следующих вопросов: 1. Не допустить возвращающихся переселенцев не только на территорию Мухор-Тархаты, но и всего района. Возвращение переселенцев приведет к увеличению числа безработных и к сокращению пастбищ и покосов. В районе и так остро стоит квартирный вопрос, теперь он станет еще остree. Возрастет воровство скота и имущества как колхозного, так и жителей. 2. Привлечь к уголовной ответственности грабителей стоянок и скота. 3. Принимать на работу во властные структуры не только казахов, но и алтайцев и русских. В районе нарушаются права людей по устройству на работу. Многие принимаются на работу по национальному и родственному признакам». Вот такое решение принял сельских сход жителей с. Мухор-Тархата, Кош-Агачского района, состоявшийся 30 апреля 1997 года и который подписало 89 чел. [10].

Негативную реакцию населения, особенно алтайского, вызвало тогда и лоббирование узконациональных интересов в административных структурах Кош-Агачского и Улаганского районов, в которых большинство принадлежало казахам. Противостояние, возникшее между двумя этносами, было вызвано решениями важных социальных и политических вопросов, практикой формирования республиканских органов власти, а также избранием депутатов в Государственную Думу РФ,

когда казахи, как правило, выступают против кандидатов — алтайцев. Настороженную реакцию коренного населения юга Горного Алтая, среди которого преобладают представители православные христиане и шаманисты, вызвала и активизированная на рубеже веков исламизация населения Кош-Агачского и Улаганского районов. Порукой тому — начавшие функционировать здесь на исходе в XX века 6 новых мечетей [9, с. 75].

Летом 1999 года в поселке Жана-Аул (Кош-Агачский район, РА) состоялся Курултай казахов Республики Алтай, а спустя два года (в июле 2001 г.), в Кош-Агачском районе — Малый курорт казахов России, собравший лидеров казахской диаспоры из Алтайского края, Москвы, Монголии, Китая, а также представителей Республики Казахстан и членов Всемирной Ассоциации казахов. Участники того и другого форумов выступили, по сути дела, с одним требованием: предоставить казахам Республики Алтай автономию [11].

Не останавливаясь подробно на доводах того и другого форумов, высказанных в «пользу» предоставления автономии казахам Республики Алтай, поскольку об этом достаточно много говорилось на страницах республиканских газет, мы лишь отметим, что все вышеизложенные нами факторы, хотели бы мы того или нет, но направлены в той или иной мере на обострение взаимного неприятия алтайцев и казахов. Согласно данным этно-социологического мониторинга, проведенного тогда на территории Кош-Агачского и Улаганского районов (как говорят в таких случаях, «по горячим следам»), явствовало, что 33% респондентов открыто отметили факт наличия межэтнической напряженности на юге Горного Алтая, причем 28% русских, 21% алтайцев и 13% казахов утверждали, что их социальные возможности значительно ниже, нежели таковые же у представителей других национальностей. В качестве основных причин межэтнической напряженности респонденты, как правило, указывали: а) «распределение административных и руководящих постов по национальному признаку» — 40%; «ухудшение экономической ситуации» — 39%; в) «борьба за рабочие места» — 31%; г) «борьба за власть» — 25%; д) «неуважение обычаев и традиций» — 25%.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно в полной мере утверждать, что проживавшее в то время на юге Горного Алтая алтайское и казахское население находилось в состоянии латентного конфликта, потенциал перехода которого в открытую форму был весьма значителен. Поэтому властям необходимо было принимать конкретные и, самое главное, действенные меры, сначала по «приглушению», а в дальнейшем — и по постепенной ликвидации «негативных пятен» в исторической памяти алтайцев и казахов, особенно жителей южных районов Горного Алтая, чтобы не допустить здесь нежелательных для всех рецидивов. И, надо сказать, общими усилиями решить эту непростую (во всех отношениях) задачу Республике удалось. Но, как говорят в народе, на долго ли. Оказалось, как свидетельствует появле-

ние вышеуказанной публикации, не совсем. Комуто, полагаем, что не авторы упомянутой выше статьи, они выступили всего лишь рупором, а другим действующим лицам нужна определенная напряженность в российско-казахским отношениях, чтобы на этой волне реализовать свои корыстные планы. Поэтому, исходя из сложности поднятого в статье вопроса, необходимо внимательнейшим образом отнести к решению всего, что связано с национальным вопросом и межэтническими да и межрелигиозными отношениями в Республике, а также ко всему комплексу международных российско-казахстанских отношений.

И в заключение хочется верить, что будущие историки, которые придут на смену сегодняшним

политически ангажированным «народным витязям» (говоря об этом, мы вовсе не имеем ввиду авторов статьи, опубликованной в «Актуальных проблемах этнической, культурной и религиозной толерантности» — Авт.) восстановят историческую справедливость. А политики, освободившиеся от «чар красноречия» былых служителей богини Клио, придут к пониманию простой истины, что соседство с Россией была, есть и будет объективная реальность, а добрые отношения с ней всегда могут выручить их из беды, а предвзятые, не говоря уже о враждебных, — могут привести к несчастью.

Библиографический список

1. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969.
2. Анисимова И. В. К вопросу о регламентации миграции казахов на земли Алтайского горного округа в 40-е гг. XIX века // Третья Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица. — Барнаул, 2000.
3. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Алтайском округе в хозяйственной сфере в XIX—начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. — Барнаул, 2000.
4. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9523.
5. Сибирский купец А. Д. Васенев. Ч. 1. Дневники. — Барнаул, 1994.
6. Зиновьев В. П. Казахи Чуйской долины (конец XIX—начало XX в.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие культур). — Барнаул, 1997.
7. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. — Барнаул, 1900.
8. ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 520.
9. Святогорье. История Республики Алтай в документах. — Горно-Алтайск, 2000.
10. «Алтайдын чолмоны». 24 мая 1997 г.
11. «Звезда Алтая». 20 июля 2001 г.

Алтайский государственный университет
Горно-Алтайский государственный университет
Получено 29.04.09

Boronin O.V., Modorov N.S.

THE APPEARANCE OF KAZAKHS IN MINING ALTAI AND THIS THE RELATIONS WITH NATIVE PEOPLES IN SECOND HALF XIX — BEGINNING XX CENTURY

In article, on the paper written on the basis of analized publications and archive materials examine the relations native peoples of Mining Altai in second half XIX — beginning XX century.

Mining Altai, native peoples, tribal ancestor, settlers, kazakhs, Chuya steppe, relations with native peoples, land arguments

УДК 902

Э. П. Дворников

ИЗ ИСТОРИИ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ УМЕРШИХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Работа посвящена истории бальзамирования умерших, причинам появления данного способа ингумации. Рассмотрены особенности мумификации умерших у разных народов.

мумия, бальзамирование, культ, обряд

В своей глубокой скорби человек всегда стремился остановить время, увековечить память об умершем. Это стремление, порожденное страданием и любовью, ищет выход и выражение. Потрясающие музыкальные реквиемы, поэтические эпиграфии, прекрасные живописные портреты создавались в трагические дни жизни творцов. Само искусство портретной живописи, для которого характерно ярко выраженное сходство с конкретным человеком, восходит к фаямским портретам Древнего Египта. Эти заупокойные живописные

портреты писались воском на доске (в ранний период, относящийся к первому веку до новой эры, — на холсте), вставлявшейся затем в бинты мумии на месте лица. Благодаря малой химической активности воска, его влагоустойчивости, эти посмертные портреты в течение долгих веков сохраняли свежесть цвета, плотность и фактуру красочного слоя. Впервые их нашли археологи в Египетском оазисе Фаюм более ста лет назад — в 1887 году. Несколько таких портретов хранится в Пушкинском музее, наиболее известный из

них — «Юноша в венке», относящийся ко II веку нашей эры. Искусство древних художников и бальзаматоров, вместе работавших над сохранением облика современников, сберегло их черты. И спустя два тысячелетия можно увидеть, каким был человек не вообще, а вполне определенный, конкретный. Древние египтяне благоговейно относились к телу умершего, они старались сохранить его, сберечь от разрушения возможно дольше, «дабы душа не скиталась по свету», — такое представление соответствовало их религиозным верованиям. В записках историка и этнографа графа Кайло говорится: «Египтянин был бы казнен смертью, если бы он мертвому учинил хотя бы малую обиду». Не только у египтян, но и у древних персов, ассирийцев, исконных народов Южной Америки в их культурах поклонения предкам — знатным соплеменникам память о них была неразрывна с бережным, любовным отношением к их внешнему облику. Религиозно-мистическое проявление этих чувств воплотилось в искусстве бальзамирования умерших, кажущемся непостижимым при отсутствии у древних анатомических знаний. Поражает, как народы древнего мира, не обладая нужными сведениями в области естественных наук, физики и химии, могли бальзамировать тела покойных таким образом, что они пролежали в каменных гробах в течение многих веков и сохранились до наших дней.

Первым бальзаматором, по древнеегипетскому преданию, был Анубис (он же позже — Осирис) — бог покровитель умерших, царь загробного мира. Его имя упоминается во всей заупокойной египетской литературе, согласно которой одной из важнейших функций Анубиса была подготовка тела покойного к бальзамированию и превращение его в мумию. Анубису приписывается возложение на мумию рук и превращение покойника с помощью магии в ах (в «просветленного», «блаженного»), оживающего благодаря этому жесту. Особенности Египетской культуры удивительны для европейцев. Даже древним грекам Египет казался страной чудес с ее мрачными святынищами, громадными каменными изваяниями богов, высеченными из целых скал, сфинксами, колоссами, огромными пирамидами, мавзолеями, гробницами, мумиями. Первыми из европейцев попытались разгадать тайну египетских мумий французские ученые Шампольон и Рупе — участники Наполеоновской экспедиции. В многотомных трудах этой экспедиции находятся первые сведения о загадочных мумиях, найденных в египетских пирамидах, и о способах их бальзамирования. В конце 1799 года была понята письменность Египта, состоящая более чем из трех тысяч знаков. В руках ученых появился ключ, при помощи которого можно было проникнуть в глубь истории и читать надписи на гробницах и мавзолеях. Знаменитый русский биолог Д. Выводцев, живший в прошлом столетии, отмечает, что египтяне артистически бальзамировали тела умерших и ни один народ мира не мог соперничать с ними в этой области. Русский ученый указывает при этом, что, несмотря на многочисленные исследования, не известны все вещества, которые применялись егип-

тянами для сохранения тел умерших. В своем стремлении противостоять разрушительным силам природы они обращались к природным же средствам, выискивая все новые возможности, совершенствуя в течение долгих веков искусство сохранения нетленными своих дорогих покойников, бессознательно прокладывая путь современной анатомической технике и способствуя ее развитию. Природные условия Египта, с его сухими почвами, хорошо вентилирующимися, содержащими минеральные и известковые отложения, способствуют мумификации. Искусство бальзамирования возникло и развивалось там по «подсказке» самой природы. В египетских пустынях, песчаниках, обвеваемых сухим ветром, часто наблюдалось образование мумий естественным путем. Так, обнаруживали высохшие нетленные останки людей из караванов, заблудившихся в пустыне и погибших без пищи и воды. Аскетическая жизнь египетских бедняков позволяла после их смерти бальзамирам меньше усилий тратить для обеспечения сохранности их останков. Это наблюдение подтверждает и такой факт, что после битвы римлян с персами через много лет на поле боя находили мумии персов, тогда как тела убитых римлян, более невоздержанных в еде, тучных, не сохранились. Исследователи отмечали также, что в Египте не бальзамировали тела умерших детей, считая их безгрешными. Лишь однажды, как описывает граф Кайло, была найдена мумия маленького мемфисского принца. Эти представления египетских жрецов, врачей, бальзамировали о взаимообусловленности греха и тлена близки русскому православному сознанию с его поклонением святым мощам — нетленным останкам. Древние римляне оставляли для оплакивания тела умерших на 8-9 дней, натирая их благовонными маслами и душистыми бальзамами. У римлян был способ бальзамирования, который археологи и биологи находят достаточно совершенным, но его секреты не дошли до наших дней. Для древних греков бальзамирование покойных не было характерным, однако и они прибегали к нему в исключительных случаях для очень знатных людей.

В Горном Алтае сохранились уникальные свидетельства применения мумификации в погребальном обряде пазырыкских племён. Бальзамирование тел пазырыкских вождей и сопровождавших их женщин, как считал С. И. Руденко, производилось для того, чтобы сохранить тела с момента смерти до момента погребения, а этот срок мог быть достаточно продолжительным [1, с. 352].

О бальзамировании, предпринятом для сохранения тела на время далекого путешествия (из Египта в Ханаан), предшествовавшего погребению, упоминает Библия. После кончины Иакова «повелел Иосиф слугам своим — врачам — бальзамировать отца его, и врачи набальзамировали Израиля. И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование...» [2, с. 224]. Тело самого Иосифа по его завещанию тоже было бальзамировано и оставалось в сохранности долгое время, пока Моисей не перенес его в землю обетованную. По мнению Г. Н. Курочкина, более тщательная (с удалением мышц)

мумификация погребенных в Пятом Пазырыкском кургане связана как раз с «длительным временем для прощания с покойным, для объезда областей и стран, входивших в сферу культурно-политических связей пазырыкской знати» [3, с. 86]. Что касается «областей и стран», то это кажется несколько преувеличенным, но бесспорный факт длительного прощания, конечно, не мог быть единственной причиной обычая бальзамирования у пазырыкцев. Ритуал бальзамирования должен был иметь какие-то идеологические обоснования, выраженные, возможно, в форме мифа. Например, в Древнем Египте существовало мистическое представление о том, что расчленение бога обуславливает его возрождение (миф об Осирисе) и что уподобление человека богу есть залог его воскрешения. Разъятие тела, а затем его сложение означало возобновление жизни, палингнесию. Разрезанное тело, лишенное всех внутренних органов, становилось только «оболочкой», приготовленной для нового рождения в «новом» теле, обретенном благодаря смерти.

Препарирование тел умерших известно с глубокой древности у многих народов Старого и Нового Света и объяснялось разными причинами. Чукчи, например, вскрывали труп человека, умершего от болезни, чтобы рассмотреть внутренности и таким образом установить, какие из них были съедены вредоносным существом (кэм). У туземцев Габона было принято проводить обряд вскрытия для того, чтобы узнать, кто «съел душу покойного» или какие другие души он «съел» сам [4, с. 498]. По данным сибирской этнографии, во время инициации шаман мысленно освобождает свои кости от мышц, вынимает сердце и т.д. так же, как пазырыкцы манипулировали с телами умерших из «царских» курганов [5, с. 86]. В Тибете существовал обряд «тшед», во время которого человек, попавший под гипноз ритуала, переживал все муки раздираемого на части и пожираемого заживо страшными чудовищами. Слова литургии, произносимые во время обряда, напоминают, во что превращается плоть: «На этом пищу плоть моя превратится в самые лакомые для вас яства. Вот плодородные нивы, зеленые леса, цветущие сады, пища чистая и кровавая; вот одежда, целебные лекарства... Берите, вкушайте». «Я отдаю свою плоть алчущим, кровь — жаждущим, свою кожу — тем, кто наг, кости свои — на костер для тех, кто страдает от холода...» [6, с. 498].

Трудно сказать, какой путь прошли пазырыкцы до того, как у них появился, закрепился и достиг своеобразной виртуозности обряд бальзамирования тел, и что предшествовало ему. В Египте бальзамированию тел предшествовало их расчленение. С полным расчленением тела и снятием тканей с костей связано изготовление мумий в тагарской культуре Южной Сибири, синхронной пазырыкской, а также очень похожее по приемам и способам на тагарское изготовление мумий на побережье Южного Перу и Северного Чили. Неполные, расчлененные, вторичные погребения характерны для эпохи неолита и бронзы Сибири. Наиболее показателен в этом отношении могильник Сопка-2 (Игрековский комплекс). Поскольку

памятники периода поздней бронзы на Горном Алтае не обнаружены (имеются лишь отдельные случайные находки, относящиеся к этой эпохе), можно предположить, что их отсутствие связано с особенностями погребального обряда, не оставившего следов. Ю. Н. Перих был очевидцем таких похорон в Шаругене (Тибет) в 1925 г. и оставил их краткое описание: «Тело подняли на вершину ближайшей горы и, разрезав его на куски, отдали на съедение грифам» [7, с. 352]. Естественно, что такого рода погребения по истечении времени не оставляют никаких следов. В связи с этим предположением следует отметить, что в период поздней бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири существовала ирменская культура, граница распространения которой на юге доходила до предгорий Алтая. Для погребального обряда носителей этой культуры характерны так называемые вторичные захоронения и захоронения черепов, как правило, без могильных ям, в насыпях курганов. Подобного рода захоронения, но не связанные с курганными насыпями, а совершающиеся в горах Алтая, могли просто не сохраняться. Сама же традиция расчленения тел умерших могла стать своеобразной «подготовкой» к их искусственной мумификации.

Для пазырыкцев в их понимании загробной жизни была важна бренная оболочка. Возможно, в этом они сближались с египтянами династической эпохи, согласно воззрениям которых «в материальном теле растет и развивается духовное тело». Именно эта идея, а не вера в возрождение к жизни в тех же самых телах, которыми люди обладали на земле, заставляла египтян бальзамировать трупы. Египтяне желали (по крайней мере, это весьма вероятно), чтобы их духовное тело по форме было похоже на их физическую оболочку. Вероятно, только в этой привычной форме и представляли свое посмертное существование пазырыкцы.

Пазырыкцы не были оригинальны в стремлении сохранить тела своих умерших соплеменников от разложения до момента, когда их можно будет предать земле. В первобытных воззрениях мертвый человек, имеющий тело в сохранности, считался живым. Это связано с широко распространенным представлением о непрекращающейся связи между живыми и умершими. Участие мумифицированных тел в обрядовой практике известно во многих культурах. Например, инки почитали мумии своих правителей, которые помещали вдоль стен храма. У них же существовал праздник извлечения из могил усопших, во время которого находящиеся среди людей останки умерших как бы разделяли общее веселье. У буддистов было принято мумифицировать тела лам высокого ранга, которые хранились в монастырях, и т. д. Как видно, и у пазырыкцев тела усопших оставались до похорон буквально вовлечеными в продолжающуюся жизнь и становились на время даже ее центром: в случае смерти рядового пазырыкца — для семьи, в случае смерти вождя — для племени. Пазырыкские мумии хранили и выставляли в лежачем положении на спине или правом боку. Например, тагарские мумии сохра-

няли до захоронения в сидячем положении, на что, по мнению Э. Б. Вадецкой, указывает жесткая фиксация голов. Вероятно, мертвый у пазырыкцев, как и у многих народов в древности, был сродни уснувшему (смерть как глубокий сон), отсюда положение всех умерших в позе спящего. Как явь и сон не имели границы и были одинаково реальны для мышления древних, так жизнь и смерть для них были состояниями бытия, но в разных мирах.

У многих народов именно с целостностью тела связывалась жизнь конкретного человека. Целое тело — живое, а разложившееся, расчлененное, изуродованное — мертвое. По представлениям алехутов, неповрежденная мумия содержит силу, напротив, расчлененные тела теряют силу, их можно безнаказанно оскорблять. Вероятно, пазырыкцы придерживались подобных взглядов, для них было важно опустить в «черную дыру» могилы внешне целое тело с выраженным индивидуальными чертами. Отсюда столько усилий для сохранения бренной оболочки, в целостности которой был заключен секрет силы всего общества.

Бальзамирование — это тщательно разработанный ритуал, который осуществлялся, видимо, специально подготовленными людьми, знавшими рецепт бальзамирования и способы препарирования трупов (хотя бы в тех случаях, когда это касалось тел знатных пазырыкцев). У пазырыкцев существовало несколько способов бальзамирования, различавшихся по степени сложности и продолжительности подготовки трупа. Тела рядовых пазырыкцев обрабатывали простейшими способами и, возможно, довольно быстро, чего не скажешь о трупах представителей других слоев общества.

Внутренности умерших пазырыкцев замещали травой, шерстью, конским волосом, хвоей и шишками лиственницы. Данное обстоятельство отмечал С. И. Руденко [8]. Когда смерть настигала знатных, череп умершего трепанировали, труп освобождали от всех внутренних органов, а иногда мышц и грудной кости, а для восстановления объемов тела и его формы освободившиеся полости набивали перечисленными выше материалами. У современных бальзамировщиков этот способ ассоциируется с набивкой чучела.

Избавление трупа от внутренностей — первый шаг к его консервации. Вторым, по всей видимости, было покрытие поверхности (всей или частично) тела ртутным соединением и пчелиным воском. Масла и смолы, остатки которых были обнаружены на телах знатных погребенных из Второго Пазырыкского кургана, могли использоваться для обеспечения сохранности тела. С этой же целью применялись ароматические вещества, которым приписывались сильные магические свойства. Это доказывается тем, что определенным видам масел придавалось особое значение в церемониях и ритуалах разных народов, в том числе египтян. Пазырыкцы препарировали и бальзамировали, вероятно, всех своих умерших соплеменников, не только знатных или умерших летом и зимой, когда нельзя было проводить погребальный обряд. Способы сохранения трупа до дня по-

хорон зависели от времени года и срока, предшествовавшего этому событию. Тела знатных особ бальзамировались более изощренно и искусно, поскольку предположительно они должны были «хорошо выглядеть» весь длительный период участия в многолюдных церемониях прощания. Для рядовых пазырыкцев все было гораздо проще. Их, вероятно, выставляли только в кругу семьи, а потому препарированный труп ничем не набивали. Одетый в шубу, как погребенный в кургане №3 могильника Верх-Кальджин-2, умерший выглядел вполне «целым» [9, с. 138]. Возможно, кожу лиц всех мумий покрывали особым составом, содержащим масло и воск, для сохранения портретного сходства. Следует отметить, что самым простым способом бальзамирования, не предусматривающим трепанацию черепа и набивку полостей трупа специальными наполнителями, подвергались не только рядовые, но и знатные умершие. Надо полагать, это был более распространенный способ бальзамирования, чем казалось ранее. Так, если бы не сохранились мумифицированные трупы мужчины и женщины во Втором Башадарском кургане, на животах которых видны защищенные разрезы, сделанные для изъятия внутренностей, то не было бы оснований для предположения об их бальзамировании. Возможно, что таким же простейшим способом, с наименьшим числом операций, были бальзамированы трупы похороненных в кургане №1 могильника Ак-Алаха-1 девушки и мужчины — знатных воинов-всадников, а также мужчины, погребенного в кургане №1 могильника Кутур-гунтас [10, с. 188]. Вероятно, пазырыкцы Горного Алтая совершили в отношении всех умерших определенные действия, направленные на сохранение их тел, довольно разнообразные и зависящие в первую очередь от социального статуса покойного. Эти действия были связаны с переходом в иное качество, новым рождением и уходом в мир предков.

Но далеко не все народы стремились сохранить тела умерших, полагая это залогом их будущего воскресения. Например, народы арабского Востока, Средней Азии, Индии, Кореи, Китая, Монголии, Калмыкии и др. (исповедующие ислам, буддизм, индуизм) совсем по-другому понимали смерть и загробный путь человека. Коран и Шариат не одобряли бальзамирования, считая этот обряд языческим. Нет бальзамирования и в иудейской культуре. Понятно, что по своим религиозным взглядам такие народы не могли создать своего направления в искусстве бальзамирования. Но и эти древние народы тем не менее в некоторых случаях прибегали к нему, о чем свидетельствуют как книги, так и археологические раскопки. В главе 50-й книги Бытия: после кончины Иакова, нареченного Израилем, «Иосиф пал на лице отца своего, и плакал над ним и целовал его. И повелел Иосиф слугам своим — врачам бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля. И исполнилось ему сорок дней; ибо столько дней употребляется на бальзамирование». (Здесь мы встречаемся с третьей, после Геродота и Диодора, библейской версией относительно сроков бальзамирования). Перед смертью Иаков за-

поведал похоронить его с отцами своими в земле Ханаанской. Далее в этой главе подробно описываются похороны, 70-дневное оплакивание в Египте, долгий путь на родину, прощание — как нечто удивительное, особенное, необычное, несвойственное данной культуре. Здесь обнаруживается сильнейшее влияние культуры египетской, которую Иосиф воспринял с юности, будучи в семнадцать лет проданным братьями измаильским купцам, везущим верблюжьим караваном в Египет бальзам и ладан. В самом конце 50-й главы сообщается, что Иосиф тоже, как отец его, просил перед смертью: «Вынесите кости мои отсюда». И далее: «И умер Иосиф ста десяти лет. И на бальзамировали его, и положили в ковчег в Египте» для отправки на родину. У арабов в их письменных источниках, естественно, нет упоминаний о бальзамировании покойных. Не содержится их в медицинских трактатах великого Авиценны, хотя философское обоснование его «Канона врачебной науки» базируется на идеях Аристотеля и отчасти неоплатоников. Однако ислам в те времена имел уже трехвековую историю и определяющее влияние в Иране и Средней Азии. Отсутствие сведений о бальзамировании в письменных источниках мусульманских народов не означает, что на практике оно не осуществлялось. Так, в усыпальнице династии Тимуридов в самаркандском мавзолее Гур-Эмир при вскрытии в 1941 году гроба основателя династии Тамерлана, как свидетельствует известный антрополог, археолог и скульптор М. М. Герасимов, ощущался сильный запах камфоры, ладана, канифоли, ароматических смол, который присутствовал затем длительное время, что несомненно означает — проводилось бальзамирование. Могила сына Тимура Шахруха находилась в таком месте мавзолея, которое дважды оказывалось под водой. Несмотря на то, что затопление крайне неблагоприятно для сохранения останков, на них были обнаружены даже мышечные ткани. Известно к тому же, что Шахрух умер в 1447 году в Герате. Долгий караванный путь из Герата в Самарканд к усыпальнице Тимуридов тело покойного не выдержало бы без бальзамирования. Наиболее сильным аргументом в пользу того, что предпринимались специальные усилия для сохранения тела умершего Шахруха, является сравнение его останков с прахом Улуг-Бека, смерть которого наступила непосредственно в Самарканде спустя всего два года. Прах великого средневекового астронома Улуг-Бека, ставшего жертвой заговора, претерпел значительные разрушения. Таким образом, в XIV—XV веках в Средней Азии бальзамирование тел умерших правителей, хоть и далеко не всегда, но все-таки проводилось. В ту пору и ранее, весь период Средневековья редко осуществлялись попытки сохранения останков даже великих людей и в Европе, в частности, известно, что проводилось бальзамирование тел некоторых французских королей. Бальзаматоры называют этот период алхимическим, считая его вторым вслед за религиозно-мистическим. Причем, если к первому они и по сей день относятся с большим вниманием и уважением, изучая его возможности, осваивая в современности практике все полезное, что удается перенять, то второй наименее интересен для науки и практического применения, так как средневековые алхимики искали новые способы бальзамирования без всякого логического и научного смысла, хотя и не щадили для этого ни сил, ни времени, ни средств. С наступлением XVIII века искусство бальзамирования прочно становится на научную основу, опираясь на достижения химии, физики, биологии. В Европе в то время работали в этом направлении известные ученые Гюнтер, Палентано, Шассе, Гональ, Трон-чики, Лясковский. Опыт первых русских анатомов Щепина, Протасова, Мухина и других не сохранен, так как не осталось их записей. В России точные описания по бальзамированию появились в XIX веке, это, в частности, руководство по хирургии бальзамирования академика И. Буша, написанное в 1831 году, труды основоположника топографической анатомии — профессора И. В. Буяльского.

Интересные, вносящие новый вклад в развитие науки монографии удавалось не всегда опубликовать сразу, при жизни авторов. Так, одновременно с И. В. Буяльским, В. Грубером, Спасским работал над созданием собственных препаратов и приемов их введения профессор Харьковского университета А. Венедиктов. Он применял скрипидар, мед и воск, использовал в своей практике метод обмотки бинтами, смоченными в растворе воска, как у египтян. А трактат его удалось напечатать лишь в самом конце века профессору М. Попову, который сам известен как один из искуснейших бальзаматоров своего времени, добившийся очень стойких длительных результатов. Многие врачи, его современники, восхищались обликом прекрасной молодой девушки, наблюдавшей ими в витрине кафедры анатомии: в волнах розового газа она походила на спящую красавицу. Профессор М. Попов вместе с известным биологом Д. Зерновым бальзамировал тело покойного русского государя Александра III в 1894 году. Долгое время он применял раствор хлористого цинка в спирте и карболовую кислоту. Как и другие известные анатомы Г. Иосифов, П. Минаков, Н. Лысенков, Шавловский, Н. Ф. Мельников-Разведенков, он по достоинству оценил новое бальзамирующее средство — формалин, открытый Блюном в 1893 году. Русские анатомы нередко работали вместе с европейскими. Так, А. Виноградов подробно описал бальзамирование умершего 27 мая 1840 года гениального скрипача Никколо Паганини (погребение его в земле римская католическая церковь позволила произвести лишь в 1896 году, то есть спустя 56 лет после смерти). Это показывает, что более чем за полвека до открытия формалина, определившего на долгие годы, вплоть до наших дней, новый этап в развитии анатомической консервации, европейская медицина и, в частности, русская школа имели весьма впечатляющие успехи. Ярким событием была и остается продолжающаяся сейчас работа по сохранению тела великого русского хирурга Н. Пирогова. Начал ее доктор Д. Выводцев, один из лучших бальзаматоров последней четверти прошлого века. Он прибыл в усадьбу Пироговых в Виннице на четвертый день

после смерти хирурга, наступившей 23 ноября 1881 года после длительной тяжелой болезни, и приступил к бальзамированию немедленно. Рецептура Д. Выводцева включала тимол, спирт, глицерин с водой. Уже через четыре дня тело и лицо покойного приобрели вид как у спящего человека, причем не истощенного, не изнуренного мучительными страданиями. Тело поместили в гроб (внутри цинковый, снаружи деревянный), накрытый стеклянной крышкой, и поставили в подвале церкви, расположенной вблизи усадьбы Пироговых. Несмотря на целый ряд неблагоприятных обстоятельств, как известно, останки знаменитого хирурга сохранены доныне. Склеп в подвале церкви был сырьим, плохо вентилируемым, туда проникали злоумышленники, посягая на ценные ордена на мундире покойного, они сняли крышку гроба, нарушив тем самым герметизацию. В 1926 году, т.е. через 45 лет после смерти Н. Пирогова, комиссия с участием Н. Лысенкова приняла решение о необходимости биологической реставрации останков и их переносе в один из культурных центров. В 1940 году был организован музей Пирогова. В период оккупации фашисты варварски отнеслись к памяти врача с мировым именем и к уникальному достижению бальзаматоров: останки оказались вне склепа, неопределенное время оставались на тающем снегу. С приходом наших войск был наведен элементарный порядок, но непосредственно к восстановлению тела Н. Пирогова специалисты приступили 8 мая 1945 года. Опять были широко использованы тимол, глицерин, а также формалин, перекись водорода, работы длились 116 дней. Спустя 65 лет со времени смерти, 5 июня 1946 года тело Пирогова было выставлено в фамильном склепе, открытом для посещений. В конце прошлого — начале нынешнего века научные разработки русских анатомов и бальзаматоров велись разными путями. Свое направление, называемое петронификацией (окаменение), освоил в начале века профессор Военно-Медицинской Академии Г. Скориченко, в нем он достиг заметных успехов, но, к сожалению, вовремя не опубликовал своих работ и унес секрет с собой в могилу. Близким по результатам, но оригинальным по рецептуре и методике с применением хлористого кальция и хлористого натрия был способ профессора И. Михайловского, открытый им в 1912 году. Профессор Г. Иосифов считал, что его метод очень напоминал действия древних египтян при бальзамировании умерших бедняков, однако для развитой химической науки начала века уже был неоправданно сложен. Г. Иосифов утверждал, что введение формалина и карболовой кислоты в кровеносную систему для обеспечения мумификации предпочтительнее. Прекрасно сохраняет формы мышц метод бальзамирования, найденный в 1924 году Н. С. Кондратьевым. Он использовал для введения в кровеносную систему раствор каучука в бензине, а также формалин и спирт. Актуальные по сей день способы

сохранения тел умерших основаны во многом на методах академиков А. И. Абрикосова — биохимика и Б. И. Збарского — патологоанатома, оправившихся в свою очередь на рецептуру Н. Ф. Мельникова-Разведенкова, который применял свои препараты, дающие блестящие результаты, начиная с 1895 года. Именно А. И. Абрикосов первым бальзамировал тело покойного В. И. Ленина. Первоначально ставилась задача сохранения его в течение всего шести дней. Но работа была выполнена столь успешно, что лишь спустя месяц начались посмертные изменения (усыхание). Восстановить объем и эластичность тканей смог академик В. П. Воробьев, разработавший к тому времени стереоморфические методы препарирования с использованием уксусной кислоты и перекиси водорода.

В 1935 году в Москве была создана Лаборатория под руководством академика Б. И. Збарского, которая за полвека своего существования забальзамировала тела многих исторических деятелей современности. Так, в 1945 году проводилась работа по сохранению тел Г. Димитрова в Болгарии и К. Готвальда в ЧССР. В Монголии — тела Чойболсана. В настоящее время их сохранение прекращено по причинам, не связанным с научными и практическими возможностями, так же, как был прекращен уход за телом И. В. Сталина, забальзамированным и помещенным в Мавзолей на Красной площади в марте 1953 года. Большим успехом Лаборатории является сохранение тела первого президента ДРВ Хо Ши Мина в условиях тропического климата в саркофаге Мавзолея в Ханое. Более десяти лет в специальном временном саркофаге хранилось тело президента Анголы, председателя МПЛА партии труда А. Нето, умершего в Москве в 1979 году. Специалисты Лаборатории бальзамировали тело президента Гайаны Бернхайма. Работа, включающая целый комплекс сложных восстановительных этапов, получила очень высокую оценку, после чего тело было отправлено в Гайану, где сохраняется в специальной капсуле.

В 1994 году в Лабораторию обратились представители Сибирского отделения Академии наук с просьбой помочь в консервации останков мумий из Алтайского захоронения. К содействию московских бальзаматоров прибегают специалисты самых разных отраслей науки, культуры, а также судебно-медицинской практики, велик их авторитет, признанный во всем мире.

В заключении следует сказать, что бальзамирование занимало важнейшую роль в погребальном обряде многих древних народов. Сам процесс бальзамирования был призван сохранить не только биологическую оболочку, но, и имел более глубокий смысл. Необходимость сохранения тела очень хорошо сочетается с идеей бессмертия, вечной жизни, что является основой религиозно философских систем древних обществ.

Библиографический список

-
1. Руденко С. И. Культура наследия Центрального Алтая в скифское время. — М., 1960.
 2. Бойс М. Зороастрцы. Верования и обычай. — М., 1988, С. 224.

3. Курочкин Г. Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытки нового «прочтения» Пазырыкских курганов. — СПб., 1994.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
5. Курочкин Г. Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытки нового «прочтения» Пазырыкских курганов. — СПб., 1994, С.86.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
7. Руденко С. И. Культура наследия Центрального Алтая в скифское время. — М., 1960.
8. Рерих Ю. Н. По тропам Серединной Азии. — Хабаровск, 1982. — С. 264.
9. Молодин В. И. Вторая мумия Укока. — М., 1998.
10. Полосьмак Н. В. Погребение знатной пазырыкской женщины / ВДИ, 1996.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 19.04.09

E. P. Dvornikov

FROM HISTORY OF EMBALMING DYINGS IN FUNERAL CEREMONY OF C MOST ANCIENT VREMEN TO CONTEMPORANEITY

Work is devoted history of embalming dyings, to reasons of appearance of this method of ingumacii. Features are considered mummification for different people.

mummy, embalming, cult, ceremony

УДК 902

P.A. Кушнерик

ПЕРВЫЕ РУССКО-ОЙРАТСКИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ (КОНЕЦ XVI—XVII вв.).

В статье, на основе опубликованных и архивных источников, освещен процесс установления первых русско-ойратских связей и их дальнейшее развитие в конце XVI—XVII вв.

Русское государство, Тянь-Шань, Монгольский Алтай, коренные народы, торговля, посольство, международные связи

Ойратский союз («Дурбен-ойрат» — «Союз четырех ойратов») в рассматриваемый период состоял из четырех крупных племенных (княжеских) образований: хошоутов, занимавших восточную часть территории между Тянь-Шанем и южной грядой Монгольского Алтая; чоросов — первоначально кочевавших в районе Черного Иртыша и Кобдо, затем продвинувшихся в бассейн р. Или; торгоутов, располагавшихся своими кочевьями к северу от чоросов, по Тарбагатаю, в районе оз. Зайсана, Алакуля. Дербеты занимали западные склоны Монгольского Алтая и земли к северу от Черного Иртыша. Раздробленные ойратские княжества терпят на рубеже XVI—XVII вв. поражения в войнах с государством монголов-хотогийтов, располагавшемся на обширной территории между озерами Хубсугул и Убса и в верховьях Енисея, возглавляемого Алтын-ханом Шолоем Убashi-хунтайджи (1567—1627 гг.) и начинают продвигаться на запад, вступая в соприкосновение с русскими. В целом ход этого продвижения, его динамика сравнительно неплохо изучены в отечественной историографии (Н. И. Пальмов, С. К. Богоявленский, Н. И. Веселовский, В. И. Колесник). Ойратские князья ищут в такой тяжелой обстановке защиты и покровительства со стороны Русского государства, предлагают русским царям свое подданство, однако как только военно-политическая ситуация улучшалась они тут же забывали о своих предложениях организовывали нападения не только на ясачное население Сибири, но и на русские крепости.

Начало русско-ойратским официальным контактам было положено на рубеже XVI—XVII вв. [1, с. 817]. Начались они с теми группами ойратов, которые двинулись из Центральной Азии на запад, и получили название «калмыков» (так называли ойратов в Средней Азии и Казахстане — *P. K.*). «Слово калмык, — писал в свое время В. М. Бакунин, — произошло из языка татарского, ибо татары называют их «калмак», что значит «отсталый» или «отсталец» [2, с. 194]. Этот этоним был заимствован в дальнейшем и русскими. Впоследствии, они так стали называть ту часть ойратов, которая переселилась на Волгу. За населением же Джунгарии осталось прежнее название «ойраты» или «джунгары». Иногда волжские калмыки именовались в русских источниках «нижними калмыками», а джунгары — «верхними калмыками». В литературе также различают «белых калмыков» — телеутов от «черных калмыков-ойратов» [3, с. 99-103]. Свое суждение относительно названия «джунгары» высказал в свое время и В. Л. Котвич. «Для обозначения западных монголов, — подчеркивал он, — в русской и иностранной литературе употребляются чаще всего три термина: ойраты — из монгольских источников, калмыки — из мусульманских, которым следуют и старые русские источники, в том числе архивные документы, и элюты (олоты, eleuths) — из китайских» [1, с. 791]. Впервые «ойраты» (калмыки) упоминаются в царском указе, данном Иваном IV 30 мая 1574 г. купцам Строгановым [4, с. 54].

Более подробнее о них узнали в «Московии» в начале XVII в.: в сентябре 1607 г. в Тару прибыл посол от хана торгоутов — Хо-Урлюка — Катачей Бурулдуев. Его правитель обратился к русским властям за разрешением кочевать по рр. Камышлову и Ишиму, а также приезжать его людям для торговли в Тару. Однако успеха эти переговоры не имели. Более того, направленные к Хо-Урлюку из Тары русские посланцы — казак Т. Алексеев и татарин Урдубай — были убиты [5, с. 28-30]. Несколько ранее (в 1606 г. — Р.К.) ойраты появились в кочевьях барабинских татар, плативших ясак России. Последние и передали русским властям их угрозы о походе на Тару. Ее воевода немедленно уведомил об этой опасности воевод Тюмени и Тобольска. Получив из Сибири тревожные известия, Москва приказала тамошним воеводам приготовиться к отражению неприятеля. Выполняя распоряжение центра, сибирские воеводы собрали из казаков, «охочих» людей Тары, Тюмени, Тобольска, служилых и ясачных татар войско. Весной 1607 г. оно «двинулось на встречу калмыкам и имело успех... калмыкам был нанесен значительный урон». Одновременно с этим, другой русский отряд нанес поражение кучумовичу Алею, действовавшему в союзе с ойратами [6, с. 29-30].

После этих событий в Таре появилось в 1607 г. (с торговым караваном) очередное ойратское (калмыцкое) посольство во главе с Кугонатом Тубиевым, передавшим воеводе просьбу 50 тайш о принятии их в подданство и о разрешении кочевать им в бассейне рек Оми, Иртыша, Камышлова [5, с. 24-28]. По поручению этих же владетелей, в том числе глав дербетов — Далая-Богатыря, Изенея и других, под властью которых находилось 120 тыс. человек, Кугонат Тубеев и шертовал за них «великому государю» [5, с. 24-28]. Как видим, это было уже обращение не одного или двух человек о приеме их в русское подданство, даже не одного племени, а по сути целого союза калмыцких племен, объединенных под властью их вождей. Шертуя на «верность белому царю» за своих доверителей, Кугонат заявил, в то же время, что он не шертует за главу торгоутов Хо-Урлюка и тайшу Курсугана, которые «ноне кочуют отдельно» [5, с. 28]. В том же, 1607 году ойратское посольство прибыло в Томск. Его глава от имени своих князей — Бинея, Узенея и Бокая — обратился к воеводе с просьбой принять их в русское подданство русского царя. При этом послы просили воеводу защитить подвластных их князьям людей от «неприятелей.., но и самим... [т. е. русским на них] не нападать» [7, л. 26]. Подоплека вышеуказанных посольств была на виду: просьба ойратов о подданстве и защите была обусловлена тяжелыми обстоятельствами войны этих тайш с Алтын-ханом — Шолоем-Убashi.

Спустя некоторое время, известие об ойратском посольстве в Томск дошло до Москвы, откуда и последовала в 1608 г. в Сибирь соответствующая грамота, в которой одобрялось принятие калмыков «под высокую государеву руку» и добровольная дача ими ясака лошадьми. В связи с этим, главные калмыцкие тайши приглашались

в Москву для получения «государева жалованья». А коль «оные побоятся ехать на Москву», то воеводам предписывалось оставить у них в улусах русских заложников до возвращения тайш из столицы. Однако, несмотря на все «охранительные гарантии», выданные Москвой ойратским тайшам, поездка последних в столицу не состоялась, поскольку ойраты, как донесли со временем воеводы, откочевали от Томска в Приобские степи, чтобы оказать отпор монголам. А потому это обращение никаких последствий на развитие русско-ойратских связей не оказалось [8, с. 426]. Правда, глава торгоутов — Хо-Урлюк, узнав о переговорах Далая и Изенея с русскими властями, также прислал в Тару своего представителя и выразил желание быть «под царскою рукою» и отправить своих послов к царю [5, с. 36].

И русское правительство пошло на контакт с Хо-Урлюком. Его посольство во главе с Баучином и его спутниками Девлетом Тахабакшеевым, Арлаем Алаковым и Кесенчаком Чигановым было принято царем — В.И. Шуйским — в Москве 14 февраля 1608 г. От имени пяти главных тайш послы просили принять калмыков в русское подданство и разрешить им кочевать по Оми и Камышлову. Просили они и защитить их от Алтынхана и казахов и построить для этого крепость на р. Омь. Правительство дало согласие выполнить все их просьбы. Одаренные богатыми подарками, послы с почетом были отправлены обратно. Однако тайши, в соответствии с московскими договоренностями, не смогли прибыть в Тару для подтверждения своих обязательств. В царской грамоте тарскому воеводе (от 27 февраля 1608 г. — Р.К.) особо подчеркивалось, чтобы калмыцких тайш и всех их улусных людей, «[мы] выслушав их челобитья, пожаловали, велели им кочевати в Сибирской земле по Иртишу и на Оми-реке и по [Камышлову...] и велели им под нашою царскою рукою быти навеки неотступным, и ото всех недругов... велели их оберегати и обороняти и во всем бы они наше царское жалованье были надежны. И они б нам, великому государю, служили и прямили во всем навеки неподвижно» [5, с. 27]. Однако полной реализации данного царского указа калмыками вновь помешала их война с Алтын-ханом и казахами.

Однако соблюдая условия шерти, правительство приказало воеводам брать с них ясак лошадьми «по их воле, сколько они дадут», а также приглашать главных князей в Москву, а всех приезжающих в Тару ойратов «поить и кормить» и подарки давать, разрешать им приходить торговать. Но в крепость пускать (в целях безопасности — Р.К.) разрешалось «по нескольку человек». Наряду с этим, воеводам предписывалось подобрать место на р. Омь для строительства крепости [5, с. 27-28]. Столь благожелательное отношение Москвы к калмыкам было продиктовано ее заинтересованностью в калмыцком скоте и сыре, поступавшем на русские торги, а также в ее надежде получить новых данников и в то же время сохранить мирные отношения с ними.

Свою «печать» на развитие русско-ойратских связей наложила и польско-шведская интервен-

ция. В ходе ее Русское государство оказалось в тяжелом положении и нуждалось в мире, в том числе на своих сибирских рубежах. В силу этого, правительство приказало тарскому воеводе пригласить калмыцких князей, прежде всего Хо-Урлюка, в Москву. Однако к тому времени ойратам удалось нанести поражение своим извечным противникам — Алтын-хану и казахам изменить обстановку в лучшую для калмыков сторону. Это обстоятельство, естественно, не могло не сказаться на поведении последних. Когда ойратские послы вернулись из Москвы с жалованной грамотой и царскими дарами, то их владетельные князья не только отказались от признания русского подданства, но и возобновили нападения на русские селения и ясачные волости. Лишь получив от русских и их «ясачных людей» должный отпор, ойратские тайши — Далай, Хо-Урлюк, Тургень, Бутак, и Малдышеря — вновь принесли в 1613 г. шерть на «верность» белому царю. Подтвердили они свою «лояльность» ему и в 1616 г., когда в калмыцких кочевьях побывали посланцы Тобольского воеводы. Не стихавшие межплеменний распри понуждали калмыцких тайшей разучаться «русской поддержкой». Именно с этой целью и прибыло в 1617 г. в Тобольск посольство дербетского тайши Далая-Богатыря (с просьбой о подданстве — Р.К.) во главе с Бугу и Кооданом. После переговоров в Тобольске, послы были отправлены в Москву, где они были приняты царем и одарены жалованной грамотой о приеме Далая в русское подданство [5, с. 75-76].

Уход, в результате внутренних междоусобиц, основной массы калмыков из Сибири на Волгу и образование ими там Калмыцкого ханства (в составе России — Р.К.), способствовал появлению в Сибири гегемонии собственно джунгар-чоросов. Первые контакты русских с их правителем — Хара-Хулой — имели место в 1619 г. Тогда в его ставку с предложением быть «под высокой государевой рукой» прибыл из Тобольска литвин Ян Кучка [6, с. 92]. После переговоров, чоросские послы во главе с Онутаем (Анучаем) были направлены в Москву. Одновременно с ними в столицу прибыли и посланцы свое Алтын-хана. Те и другие были приняты царем оно было принято царем 29 января 1620 г. Согласно источнику, посланец Хара-Хулы заявил, что «калмыцкой Каракулы-тайша з братьею и з детьми и с племянники бьет вам, великому государю, челом, что он, Каракулы-тайша, ... со всеми своими улусы учиняется под вашею царского величества рукою, и перед вашиими государевыми людьми [его послы] ... шерть учинили,.. быти нам под твою царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступными. И вам бы, великому государю, нас пожаловать, держати под своею царскою высокою рукою в своем царском милостивом жалование и в повеление и от недрузей наших во обороне и в защищенье» [5, с. 93]. Тогда же, в 1619 г. в Тобольск прибыли одновременно посланцы от всех крупных калмыцких князей — от Хо-Урлюка, Чокура, Байбагиша, Мангытая и других и доставившие в подарок царю пять коней разной масти. После посольства Тютенга прибыли в То-

больск послы от Даля-Богатыря. Сообщая в Москву о появлении калмыков вблизи Тобольска, тобольский воевода М. М. Годунов сообщал в Приказ Казанского дворца, что тайши прикачивали «блиско твоих государевых сибирских городов для того, что воюют де их, колмаких тайшей, Алтын-царь, да Казачья орда» [5, с. 100-101]. Тобольские власти, заявили тайшам, что «не быв челом государю», они не имеют права кочевать на сибирских землях и потребовали удаления их людей с «оных» [5, с. 100-101].

Если Русское государство к этому времени было уже достаточно крупным централизованным государством, то ойраты тогда являли собой рыхлый конгломерат племен и объединений, отдельные из которых (прежде всего торгоуты, во главе со знаменитым ханом Хо-Урлюком, и дербеты во главе с Далаем-Богатырем — Р.К.) выйдя из Центральной Азии, постепенно продвигались вдоль южных границ Западной Сибири на запад, вступая в процессе этого движения в контакты с местными сибирскими властями и отражая нападения казахов и ногайцев. «Дальнейшая борьба на три фронта (с казахами, ногаями и русскими — Р.К.) — свидетельствует документ, — была непосильна, и потому калмыки поспешили помириться с русскими и обеспечить тыл в борьбе с казахами и ногаями» [9, с. 51]. Собственно джунгары (во главе с Хара-Хулой), достигши Монгольского Алтая, обосновались здесь и стали постепенно расширять свои кочевья в юго-западном направлении, где они столкнулись сначала с Могулистоном, а затем — с казахами. Хошоуты во главе с князем Байбагищем кочевали в Джунгарии (позже они уйдут в Кукунор — Р.К.). И Алтын-хан — Шолой-Убashi-хунтайджи, — и Хара-Хула-тайша стремились заручиться поддержкой Москвы в борьбе между собой. Чаша весов чаще склонялась в пользу Алтын-хана. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича, посланной им Шолою-Убashi-хунтайджи 24 апреля 1620 г. (в ответ на его просьбу о совместных военных действиях против ойратов — Р.К.), говорилось: «...И мы, великий государь, жалея тебя, Алтына-царя, ...посылаем повеление сибирским воеводам и приказным людем...тебя и твои земли от колматского Каракулы-тайши и от ево людей оберегать. И ты б на нашу царскую милость был надежен» [9, с. 51].

Но, спустя месяц (25 мая 1620 г. — Р.К.), в ответ на просьбу Хара-Хулы, изложенную Анучаем, последовала жалованная грамота о принятии чоросского князя в русское подданство. В ней подчеркивалось, чтобы Хара-Хула «со всеми своими улусными людьми были под вашею царскою высокою рукою и нам, великому государю, служили, а на наше царское жалование во всем были надежны. А мы, великий государь, тебя, Каракулу-тайшу, и твоих улусных людей учнем в нашем царском милостивом жалование держать и от не-другов ваших оберегать, смотря по вашей к нам, великому государю, службе и правде» [5, с. 99].

После приковечки калмыков в Барабу, ее коренное ясачное население оказалось на положении двоеданцев. В силу этого, оно начинает (причем, достаточно часто — Р.К.) уклоняться от уп-

латы ясака русским властям и уходить под защиту калмыцких тайш. Тарской воевода князь Иван Мосальский был вынужден в 1610 г. обратиться к калмыцким князьям с требованием выдать перебежчиков, подтвердить присягу и заплатить ясак. Москва, получив это известие, приказала прогнать калмыков «с государственных земель». После получения этого указа воеводы Тары, Тобольска и Тюмени предприняли против калмыков несколько походов, оказавшихся в целом успешными [6, с. 33-35]. В последующие годы некоторые калмыцкие тайши подтвердили свои присяги на верность русскому государю. Но концу второго десятилетия XVII в. основная масса калмыков, во главе с Хо-Урлюком, прошла на запад, южнее Тары, в междуречье Волги и Яика и, изгнав от туда или подчинив ногайцев, обосновалась там, образовав там так называемое Калмыцкое ханство (общая численность перекочевавших из Центральной Азии в Нижнее Поволжье калмыков, составляла от 280 тыс. до 320 тыс. чел. — Р.К.). Его правители признали над собой (правда, формально) власть русских царей [10].

Строительство г. Томска в 1604 г. и Кузнецкого острога в 1618 г. привело к объясачиванию русскими достаточно значительного числа аборигенов Южной Сибири [11, с. 44-73], плативших до того дань (алман) калмыцким и джунгарским тайшам, в том числе и тайше Хара-Хуле. В конце декабря 1620 г. недовольный долгим отсутствием своего посольства из Москвы, Хара-Хула начал угрожать сибирским властям нападением на Томский и Кузнецкий остроги. Получив известие об этом от телеутского князя Абака, томский воевода И. Ф. Шаховский, тут же сообщал в Приказ Казанского дворца о том, что названные остроги ему «держати некем, потому, что... тех служивых людей в Томском городе мало. А к Томскому... городу и х Кузнецкому острогу прилегли орды многие... [тут] кочуют белые и черные колмаки, и киргиские люди... и иных многих земель и орд люди...» [5, с. 108-109]. Реагируя на это известие, Москва приказала отправить в 1622 г. из Тобольска в Томск 200 человек с «вогненным боем». Наказом из Приказа Казанского дворца кузнецкому воеводе Т. Бабарыкину и главе отряда присланного из Тобольска Е. Баскакову было приказано «всех кузнецких ясачных людей привести под государеву царскую высокую руку и ясак имати на государя собольми и всякою мягкою рухлядью, и шеломами, и рогатинами, и саблями, кому чем мочно ясак государю давать». Если же кузнецкие люди откажутся ясак платить, а ойраты будут за них вступаться, в таком случае «над теми кузнецкими и над колмацкими людьми промышляти, сколько милосердный бог помочи подаст...» [5, с. 116-117]. Так постепенно между Русским государством и ойратскими тайшами зародилась и стала набирать силу проблема: кто должен взимать ясак (алман) с коренного населения юга Западной Сибири.

Ухудшение русско-ойратских отношений и другие причины (одной из них стал запрет пропускать послов тайши Мангита, который еще в 1621 г. изъявил желание принять русское под-

данство, для чего к нему для принятия присяги были отправлены польский шляхтич Мартын Боржевицкий и казак Иван Широков — Р.К.) породили 30 октября 1623 г. указ Приказа Казанского дворца, запрещавший тобольским воеводам пропускать в Москву послов от калмыков и Алтын-хана, чтобы «...те, колмацкие люди... к Москве б пути не узнали, и чтобы не учили они... приходить на наши украины изрывом», поскольку ныне «государю от тех колмацких людей прибыли в них нет, и...ныне с ними в ссылке быть не о чем: люди [они] неученые, безграмотные, а посему к ним грамот посыпать не для чего, прочитать [они их не смогут] и сами писать не умеют». В силу этого, все переговоры и торги было повелено вести с калмыками в Тобольске, а о результатах всего происходящего «в Сибири» сообщать в Москву [5, с. 131-132]. Отмечая это, Г. Ф. Миллер отмечал в свое время, что все недружелюбные отношения калмыков к русскими происходили вследствие того, что за последние годы между ними практически прекратились дипломатические и торговые отношения. Царским указом от 1632 г., отправленным в Тюмень, предписывалось восстановить прежние торговые и посольские отношения, и «уговорить джунгаров откочевывать от русских владений». А коль «оные откажутся», подчеркивалось в указе, то применить, только в случае невозможности добиться этого мирным дипломатическим путем, и силу [5, с. 103]. Для выполнения всего вышепредписанного, тюменский воевода С. Иванов отправил «в Калмыки» — в ближайшие ойратские владения — посольство. Его главе (С. Поскочину — Р.К.) было наказано говорить «колмацким тайшам, что они, колмацкие тайши, и их улусные люди делают негораздо, ...кочуют близко... и у наших у ясачных людей зверевые промыслы и рыбные ловли и бобровые гоны отнимают, и нашим ясачным людем в зверовых промыслах чинят утесненья, грабят и побивают и в полон к себе емлют» [5, с. 189]. Данное посольство попало к тайше Хо-Урлюку, который, как уже говорилось выше, стремился к установлению торговых и посольских отношений с русскими. Обратно в Тюмень С. Поскочин шел вместе с послами Хо-Урлюка, направленными им для установления мира и торговых отношений с русскими. В подарок царю и великому князю Михаилу Федоровичу посольство везло подарки: «колмацких лошадей и барса», которые и были отправлены из Тюмени в Москву [6, с. 103].

Таким образом, уже в первой четверти XVII в. между Русским государством (главным образом через сибирских воевод — Р.К.) и джунгарскими тайшами устанавливаются добрососедские связи, благодаря чему, в Сибири — на пространстве от Байкала до бассейна Иртыша — начинает формироваться буферная территория, на которой проживали разные коренные народы — западносибирские татары, шорцы, енисейские киргизы, тувинцы и другие, за господство над которыми, а точнее, за право взыскивать с них дань, развернулась ожесточенная дипломатическая и вооруженная борьба. «Основным противоречием, — писал по этому поводу И. Я. Златкин, — порождавшим по-

стоянные конфликты был вопрос о подданстве племен и народов, обитавших в пограничной зоне, о том, кто являлся их сузереном и обладал, в силу этого, правом собирать с них ясак...» [12, с. 187].

Разгромив Сибирское ханство, русские, бесспорно, облегчили продвижение ойратам на запад, обретя, таким образом, себе в их лице более серьезного и могущественного противника, чем кучумовичи. Однако война с казахами и Алтынханами, а также бесконечные внутренние княжеские междоусобицы тайшой позволили воеводам Сибири не только отстоять, в том числе и дипломатическими средствами, безопасность новых русских владений, но и приобрести ценный опыт ведения посольских дел с монгольскими и иными кочевниками. В ходе посольских обменов обе стороны стремились максимально использовать для себя благоприятные изменения во внешнеполитическом «климате», сложившемся в западно-сибирском регионе. Ойраты, находясь постоянно в военных столкновениях с хотогийтами, казахами и другими соседними народами, прибегали к различным хитростям и уловкам, в том числе к обещаниям о приеме русского подданства. В этой связи нельзя не признать справедливость замечания Н. Я. Бичурина о том, что предложение о подданстве кочевники считали торгом совести. «Клятву и верность, — писал он, — они считают средствами к выигрышу, а клятвонарушение и вероломство — пустыми словами. Таково есть общее качество всех кочевых народов» [13, с. 32]. Это мнение Н. Я. Бичурина разделяли многие отечественные исследователи, занимавшиеся изучением дипломатических контактов Русского государства с народами Центральной Азии. Касаясь проблемы «шерти» кочевников, они неизменно подчеркивали, что ее они рассматривают «очень

легко»: они могут присягать по нескольку раз, принимая при этом все меры, чтобы уклониться от дачи русским заложников, чем обеспечивалась тогда, как известно, «крепость» их шерти, данной ими на верность русским царям.

В этот период в сибирские пограничные города часто приходили (вместе с торговыми караванами — Р.К.) ойратские посольства. Многие из них неизменно требовали от местных властей пропуска их в Москву. Ведя переговоры, послы (согласно посольскому этикету и церемониалу — Р.К.) всегда осведомлялись о здоровье русского государя, обращались к нему с просьбами о покровительстве, в том числе и в торговле, и выполняли множество мелких поручений своих владельцев. Воеводам сибирских городов предписывалось (опять-таки, согласно правилам — Р.К.) «принимать послов ласково, выслушивать их предложения и о них писать в Москву». «Когда с покоренными или покоряемыми народами обращались ласково и кротко, — писал в свое время Г. Ф. Миллер, — тогда они без труда исполняли то, что от них требовали» [13, с. 293].

Таким образом, в рассматриваемый период московская дипломатия приобретает первый опыт взаимоотношений с ойратами и стала проявлять в их процессе свои «сильные козыри», а именно: а) использование в своих интересах войн и усобиц, почти непрекращавшихся между ойратскими князьями; б) недопущение их объединенного выступления против сибирских уездов, волостей, городов, крепостей и острогов; в) настойчивость и изобретательность в достижении поставленной цели — приведение в русское подданство ойратских князей, взятие (для надежности их обещания заложников) и укрепление таким образом защиты своих сибирских владений и предотвращение их от угрозы нападений со стороны кочевников.

Библиографический список

1. Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII вв. // Известия Российской Академии наук. — Пг., 1919. Т. XIII. Ч. 2. №12-18.
2. Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. №3.
3. Номинханов Ц. Д. Происхождение слова «калмык» // Вестник АН КазССР. — Алма-Ата, 1958. №2.
4. Сибирские летописи. — СПб., 1907.
5. Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов. — М., 1959.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. М. — Л., 1937—1941. Т. I.
7. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Р1788. Оп. 1. Д. 66.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.—Л., 1937—1941. Т.2.
9. Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. — М.: «Наука», 1989.
10. Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. М.: «Наука», 1967.
11. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX вв. — Барнаул, 2004.
12. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635—1758 гг. — М., «Наука», 1983.
13. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — Элиста, Калмыцкое кн. изд-во, 1991.

Алтайский государственный университет
Получено 03.04.09

R. A. Kushnerik

THE FIRST RUSSIAN-OYRATIAN CONTACTS AND THEIR PECULIARITY (END XVI—XVII AGES)

In article, the paper written on the basis, throw light the process of establishment the first russian-oyratian contacts and their further the development in end XVI—XVII ages.

Russian state, Tien Shan, Mongolian Altai, native peoples, trade, embassy, international contacts

УДК 902

B. Ф. Куликова

ГЕТМАН МАЗЕПА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается проблема становления и развития основных направлений в украинской историографии на роль гетмана Мазепы в политической истории Украины.

Украина, украинская историография, Украинское гетманство, Мазепа

События, развернувшиеся в России первого десятилетия XVIII века, стали предметом анализа и оценки нескольких поколений отечественных и зарубежных историков. Пристальное внимание исследователей к относительно короткому по историческим меркам периоду объясняется грандиозностью политических потрясений, охвативших, без преувеличения, всю Восточную Европу и масштабностью личностей, решавших судьбы своих стран и народов. Не все историки Северной войны задавались целью изучить политическую ситуацию этого времени в Украине, но, рассматривая деятельность Петра I и Карла XII, они не могли обойти вниманием проблему Украинского Гетманства и поступок Ивана Мазепы.

Традиционный взгляд на отечественную (и украинскую) историографии по данному вопросу предусматривает становление и развитие четырех основных направлений, в рамках которых формировалась особая трактовка и оценка деятельности Ивана Степановича Мазепы и её последствий для Украины и России. Более того, зарождение украинской национальной историографии произошло во многом благодаря неослабевающему вниманию российской общественности к гетману.

Первое направление представлено работами российских историков — государственников, усмотревших в действиях Мазепы угрозу целостности России. В их понимании Украина (Малороссия) — неотъемлемая часть России. В их оценке гетман Мазепа — изменник и клятвопреступник, чьи сепаратистские устремления и действия направлены на нарушение органического единства украинского и русского народов. Эта позиция получила особое распространение в XVIII—XIX веках, но ее рецидивы очень часто проявляются и в современной историографии.

Первое отечественное исследование о Северной войне, написанное с государственнических позиций, принадлежало соратнику Петра Великого подканцлеру П. П. Шафирову [1]. Используя документы Полевой канцелярии, указы царя и донесения командующих, автор восстановил картину боевых действий, в том числе и на Украине. Раскрывая планы Карла XII по разделу Русского государства на отдельные княжества, он отмечал предательскую роль гетмана Мазепы, стремившегося с помощью шведского короля, армии поляка Лещинского и крымского хана добиться единоличной власти и отделить Малороссию от Москвы. П. Шафиров ничего не говорит нам о тяжелом положении в Украине накануне и в пе-

риод «украинского» похода шведов и считает, что украинский народ был гетманом обманут.

Другой соратник Петра Великого — Феофан Прокопович, не ограничился голословным обвинением Мазепы, немало времени уделив изучению обстоятельств вызревания заговора гетмана и казацкой старшины против русского царя. Он хорошо информирован о действиях гетмана перед переходом того в октябре 1708 года к Карлу, более того — находит и приводит текст письма Мазепы, переданного шведскому королю через И. Быстрицкого: «...уготованы лучшие города к квартирам и обороне; фураж, провиант и потребная амуниция елико было можно нам, готовы...» [2, с. 179]. По убеждению Ф. Прокоповича, Мазепа — клятвопреступник, как и те, кто остался с ним до конца. На Мазепу он возлагает вину за все случившееся позже в Украине.

Богатый документальный материал о деятельности Петра I собрал И. И. Голиков. В обстоятельных комментариях видно, что к Мазепе он относится абсолютно негативно, главным мотивом его поступка считал желание «некоторым образом с ним (Петром I) сравняться, то есть сделаться ни от кого независимым владельцем» [3]. Шведы для И. Голикова — оккупанты и демагоги, обманывающие украинский народ. В подтверждение он приводит слова Петра по поводу манифеста шведского короля: «шведы словами ласкают народ, а на деле грабят оный, разоряют и опустошают селения, не щадя даже Божьих храмов» [3, с. 225]. Отстаивая интересы Российского государства, И. Голиков убеждает читателя, что действия царского правительства не могли ухудшить политическую ситуацию в Украине и создать условия для возникновения сепаратистского движения. Публикации П. Шафирова, Ф. Прокоповича и И. Голикова положили начало сбору, анализу и обобщению отечественных материалов о Северной войне и заложили основы государственного направления в русской историографии.

Отечественная историография середины XVIII века характеризуется появлением ряда «Кратких описаний», представлявших собой попытку создания первых сводных трудов по истории Украины. К ним относится, в частности, «Летописное повествование о Малой России, сочиненное инженер-генерал-майором А. И. Ригельманом» [4]. Работа эта строится на летописных известиях, записках современников, личных архивах, трудах зарубежных и отечественных историков и носит компилятивный характер. Автор, тем не менее, дает свою оценку политической ситуации в

Украине и считает, что покровительство Карла XII было необходимо Мазепе, прежде всего, для укрепления личной власти. Малороссияне поняли это и гетмана не поддержали.

Однако уже в это время в среде либеральной украинской аристократии стали зарождаться идеи, подхваченные позже, в конце XIX века, представителями «державницкого» направления историков. Водушевленная надеждами на демократизацию жизни страны (надежды были порождены созывом Екатериной II в 1767 году Учрежденной комиссии для обсуждения проектов новых законов), она загорелась идеей возрождения украинской автономии. Реформы гетмана Мазепы, укреплявшего позиции украинской аристократии, оказались близки и понятны ее потомкам. Именно из этой среды вышел ряд произведений, авторы которых идеализировали государственное устройство Украинского Гетманства конца XVII — первой половины XVIII веков. Анонимный автор «Краткого исторического описания о Малой России до 1765 года» [5], выходец из украинской старшины, превозносит Мазепу как борца за украинские свободы, замалчивая, в то же время, борьбу населения Украины со шведскими захватчиками.

Примечательным историческим трудом середины XIX века является работа Н. Г. Устрялова. Он первым среди отечественных историков стал говорить о необходимости обзора широкого комплекса источников и их классификации. Разработав «прагматическую систему» русской истории, Н. Устрялов предложил читателю целостную историческую концепцию: историю — как последовательность событий, а не отдельных правлений. Первым исследованием Н. Г. Устрялова в рамках данной концепции стала «Русская история» [6]. К особенностям и недостаткам сочинения Устрялова можно отнести безудержное восхваление Петра и его реформ и упорное нежелание видеть отрицательные стороны деятельности царя. В «Истории царствования Петра Великого» это, безусловно, помешало автору объективно оценить политическую ситуацию в Украине накануне и в ходе Северной войны. В этом же сочинении Н. Устрялов обстоятельно развивает идею об этнической, культурной и языковой близости украинского и русского народов, оказавшую огромное влияние на формирование официальных представлений об украинской истории. К сожалению, мы не можем узнать оценку Н. Устряловым событий 1708—1709 годов в Украине, но нам вполне понятно его отношение к политике Мазепы в конце XVII века. Автор отмечает двурушничество гетмана, который в 1688 году «был с почетом принят в Москве», но, в то же время, продолжал поддерживать контакты с польским королем Яном III через полковника правобережных украинских казаков В. М. Истрицкого. Н. Устрялов убежден в неискренности Мазепы, в том, что гетман был вовлечен в заговор еще задолго до начала Северной войны.

Большая заслуга в изучении истории Киевской Руси, России, Украины и Белоруссии принадлежит С. М. Соловьеву — автору «Истории России с древнейших времен» [7]. Его исследование построено на обширном круге источников, пре-

имущественно отечественных (привлекались и иностранные — шведские, турецкие и проч.). Историка обвиняли в вольном обращении с документами [8, с. 8, 149], но ряд его выводов кажется вполне обоснованными. Истории Украины XVII—первой половины XVIII веков посвящены седьмая, восьмая и девятая книги «Истории России...». Взгляд исследователя на политические процессы в Украине в годы Северной войны, в целом, не расходится с официальной правительственной концепцией. Впрочем, это не помешало С. М. Соловьеву включить в свою работу и документы, неоднозначно характеризующие действия русского правительства по отношению к украинцам. Он пишет о «недоверчивости московских воевод и печальной привычке называть малороссиян изменниками». С. М. Соловьев не скрывает и многочисленных жалоб украинской старшины на поборы и обиды, нанесенные русской армией и администрацией в период боевых действий Северной войны. С другой стороны, много внимания он уделяет злоупотреблениям старшинской верхушки, ущемлению ею прав простого населения сёл и городов, а также рядового украинского казачества. Что касается Мазепы, то Соловьев отказывает ему в праве выражать чаяния «малороссийского народа, для которого православие было началом, не допускающим никаких сделок, для которого всякий иноверец был враг, а лях-католик — враг непримиримый, для которого мысль о возможности соединения с Польшей была нестерпима. Мазепа в описании С. М. Соловьева стал представителем испорченного поколения «шатающихся черкасс» [8, с. 239].

В это же время публикуется первое сочинение, полностью посвященное украинскому гетману. Автором первой отечественной монографии о Мазепе стал Н. И. Костомаров [9]. Мазепа, по его мнению, не принадлежал к украинскому народу, а потому у него не было и не могло быть никакой национальной идеи. Ведя разговоры о самостоятельности Украины, Мазепа на деле собирался отдать ее под власть Польши. Это, по мнению Н. Костомарова, и стало главной причиной того, что народ за своим гетманом не пошел. Н. И. Костомаров утверждал, что украинский народ не может отделиться от России «теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их рассторжение уже не мыслимо в силу освещенного опытом сознания обоюдной пользы их соединения» [9, с. 730]. Поступок Мазепы, по мнению историка, стал поводом для ликвидации автономии Украины, и только навредил украинскому народу.

В середине — второй половине XIX века в отечественной историографии истории Украины возникло и получило развитие народническое направление. Его представители также осуждали Мазепу и, в то же время, пытались найти иные причины провала антироссийской политики. В действиях Мазепы они усматривали стремление решить личные проблемы, прежде всего, создать в Украинском Гетманстве режим единоличной власти. По мнению исследователей народнического направления, в вопросах собственности гетман выс-

тупал защитником «узоклассовых» интересов казацкой старшины, противоречивших чаяниям широких слоев украинского крестьянства и рядового казачества. Мазепа, в конечном итоге, — изменник, но изменил он не Петру, а интересам большей части украинцев, поскольку его действия лишь усугубили тяжелое положение Украины.

Впервые подобные идеи были высказаны в 1846 году автором одного из самых одиозных отечественных исторических сочинений — «Истории Руссов» [10]. Точных даты ее появления мы не знаем, но высказана мысль, что составлена она около 1810 г. в связи с конституционными мечтаниями Александра I. Сочинение написано чрезвычайно живо и увлекательно, превосходным русским языком карамзинской эпохи, что в значительной степени обусловило его успех. Расходясь в большом количестве списков по всей России, «История Руссов» известна была Пушкину, Рылееву, Максимовичу, а в последствии — Шевченко, Костомарову. Первое и единственное издание появилось в 1846 г. в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» в Москве. Слово «недостоверная» явно недостаточно для выражения степени извращения фактов и хода событий, изложенных в ней. Замысел автора понятен. Его извращения истории Украины — результат не невежества, а умышленной фальсификации. Это нашло выражение, прежде всего, в обилии поддельных документов, внесенных в «Историю». Костомаров, всю жизнь занимавшийся историей Украины, только на склоне лет пришел к ясному заключению, что в «Истории Руссов» много неизвестности и она производит вредное в научном отношении влияние, потому, что распространяет ложные воззрения на прошлое Малороссии. Так, Киевская Русь была впервые объявлена исключительно украинской. В «Истории Руссов» не без умысла преувеличивается уровень развития украино-шведских связей в XVII веке и утверждается, что отношения Украины с Россией испортились уже при Богдане Хмельницком. Автор подчеркивает личные заслуги Мазепы перед царским правительством, а виновником его измены считает лично Петра I. Здесь же, правда, делается вывод, что замысел гетмана входил в противоречие с украинскими национальными интересами, а потому, когда шведы появились в Украинском Гетманстве, «то народ их истребил до половины». Только благодаря этому, полагает автор, русские войска смогли со шведами справиться. Эти идеи позволяют включить «Историю Руссов» в народническую историографию, но они же подготовили почву для идеализации личности Мазепы, что было совсем не свойственно историкам-народникам.

Первая половина XIX века была отмечена деятельностью российского исследователя украинского происхождения Д. Н. Бантыша-Каменского, автора вышедшей в 1822 году «Истории Малой России» [11]. Своим появлением книга обязана поддержке малороссийского генерал-губернатора князя Николая Репнина. Нельзя сказать, что Д. Н. Бантыш-Каменский представлял народническое направление украинской историографии, но ему удалось во многом опровергнуть аргументы

автора «Истории Руссов», идеализировавшего Мазепу и оправдывавшего его действия в украинских событиях 1708–1709 годов. Будучи добросовестным исследователем, стремившимся строить выводы только на обширной источниковской базе, Д. Н. Бантыш-Каменский доказал, что украинские крестьяне угнетались казацкой старшиной при поддержке и прямом участии Мазепы. Он уверен, что «несправедливо обвинять Петра в попрании прав малороссийских, превращая Мазепу в борца за свободу народа», поскольку эта свобода Мазепой была уже попрана. Автор напоминает, что Мазепа был «ненавидим народом и войском, хотя и имел много приверженцев среди генеральной старшины». Следовательно, Украинская Гетманщина правления Мазепы не была обществом «национальной гармонии», на кое уповаля и коим восхищалась к тому времени российская интеллигенция. Деятельность гетмана в условиях нарезавшего конфликта между царским правительством и Запорожской Сечью историк назвал провокационной. Столь же провокационным было распространение украинским гетманом в народе различных слухов, возбуждавших, и без того имевшее основания, недовольство центральной властью. Очень подробно, как никто до него, Д. Н. Бантыш-Каменский освещает события в Украине накануне перехода гетмана на сторону Карла XII, документально доказав факт сожжения нескольких украинских городов шведскими войсками. Примечателен опубликованный им манифест Карла XII к украинскому народу, содержащий угрозу расправы с теми, кто окажет сопротивление. Народная война в Украине, по мнению Д. Н. Бантыша-Каменского, стала ответом на измену Мазепы и нашествие шведов [11, с. 373–374]. Много сделал Д. Н. Бантыш-Каменский и для создания источниковедческой базы истории Северной войны в Украине. Изданые историком архивные документы, относящиеся к истории Украинского Гетманства 1708–1709 годов, убедительно подтверждали его концепцию.

Деятельность и публикации Д. Н. Бантыша-Каменского вызвали в России заметный рост интереса к истории Украины и, в конечном итоге, зарождение национальной школы украинских историков со специфическим политизированным взглядом на прошлое и настоящее. Любители древности, в основном выходцы из Малороссии, занялись изучением украинских архивов, собирали манифестов, универсалов, воспоминаний и хозяйственных документов периода Украинского Гетманства. Появилась целая плеяда украинских историков и этнографов — Максимович, Срезневский, Бодянский, Костомаров, Кулиш и Маркевич. Безусловно, круг их научных интересов поначалу не ограничивался исключительно лишь проблемами украиноведения, а потому разделить украинскую и российскую историографию в пределах Российской империи вплоть до последней четверти XIX века довольно сложно.

Максимович М. А. разделял взгляды Д. Н. Бантыша-Каменского на ситуацию в Украине времени Северной войны. Он обвинял Мазепу в измене, навлекшей на малороссийский народ

тяжкие бедствия, отмечал отсутствие широкой поддержки населением гетмана, в связи с чем тому удалось увлечь за собой лишь «генеральную старшину, большинство полковников и товарищество Запорожское» [12, с. 543, 766].

Развитию интереса к украинской истории и появлению украинской национальной историографии способствовали начавшиеся в 40-х годах XIX века публикации документальных материалов, осуществляемые в Москве и Петербурге. Целый ряд казацких летописей и другие примечательные документы, касающиеся украинского прошлого, были изданы профессором О. Бодянским на страницах «Чтений в обществе истории и древностей Российских». В 1843 году в Киеве была основана правительственночная Археографическая комиссия, которая работала в Киевском центральном архиве Украины и в других архивах Малороссии. Трудами членов Археологической комиссии было издано четыре тома важнейших документов по истории Правобережной Украины. С 1859 по 1914 годы вышли 35 томов «Архива Юго-Западной России». Его главным редактором на протяжении длительного времени был В. Б. Антонович — профессор Киевского университета. Используя документы Киевского Центрального Архива, он попытался раскрыть особенности развития украинского национального движения, и его взгляд разительно отличался от взглядов предшественников. Антонович В.Б. воспринимал Мазепу патриотом, поскольку тот пытался избавить Украину от московского гнета. Тем не менее, он вынужден был признать, что основной причиной срыва плана гетмана стала его непопулярность в народе и ненависть к нему казацкой старшины [13].

Труды В. Б. Антоновича способствовали созданию в Украине национальной школы историков «державницкого» направления. Представители этой школы имели принципиально иной взгляд на положение украинских земель в составе Российской империи и на место Мазепы в украинской истории. Целенаправленно и настойчиво постулируется тезис о крайне негативных последствиях действий русских властей в Украине, всячески подчеркивается самобытность украинской нации и особенности ее формирования, идеализируются и романтизируются многовековая борьба украинцев за национальную независимость. Не удивительно, что сепаратизм Ивана Мазепы украинские историки теперь не только оправдывали, но и видели закономерным проявлением вековых чаяний украинского народа, пребывавшего, вначале, в польском рабстве, а затем — в рабстве московском. Современные украинские историки, во многом, питаются этими идеями.

Пожалуй, впервые попытался перейти от прямого осуждения гетмана Мазепы к пониманию мотивов его поступка украинский историк Ф. М. Уманец. Он писал: «Обвиняя Мазепу и его современников, мы хотим смотреть на вещи нашими глазами, забывая, что чувства, обязательные для нас, невозможны в их время» [14, с. 221]. По мнению Ф. Уманца, Мазепа, как все малороссияне XVII века не любил Москву, но мирился с нею только по необходимости. Война со Швецией

не входила в интересы Украины и украинский народ в ней участвовал только по принуждению царя. Историк утверждал, что Петр I был готов отдать украинские земли Польше за ее участие в войне против Швеции, а Мазепа защищал интересы Украины. При этом он считал, что гетман не преследовал личных целей, так как был стар и бездетен, и не мог воспользоваться плодами изменения. Конечную цель измены Мазепы Ф. Уманец видит в полной независимости Малороссии.

Несмотря на столь радикальные высказывания Ф. Уманца родоначальником «державницкого» направления в украинской историографии принято считать Михаила Сергеевича Грушевского, в 1917 году ставшем главой Украинской Центральной Рады. Деятельность М. С. Грушевского как историка стала активно развиваться в конце XIX века. В 1897 году он встал во главе созданного ранее во Львове «Научного общества им. Т. Г. Шевченко». Вокруг Научного общества обединился целый кружок украинских историков, большей частью — учеников самого М. Грушевского. Среди них выделялись Б. Барвинский, В. Герасимчук, И. Джиджора, М. Кордуба, И. Крипакевич и С. Томашевский. В главном печатном органе Общества — «Записках», выходивших с 1892 по 1914 годы было опубликовано 120 томов работ по различным проблемам истории Украины. Члены Общества впервые занялись поиском документов по истории Украинского Гетманства времени Мазепы в зарубежных архивах. Примечательным явлением в украинской исторической науке стало издание в 1909 году юбилейного сборника «Записок...», посвященного 200-летию Полтавских событий. В нем были опубликованы статьи М. Грушевского и С. Томашевского, а также ряд новых документов, позволивших выдвинуть версию о существовании союза между Мазепой, Карлом XII и Станиславом Лещинским.

М. Грушевский считал Мазепу выразителем настроения украинского народа, а провал его политических планов воспринимал как катастрофу для Украины, утратившей на долгие годы надежду на независимость. По этой причине Полтавскую битву М. Грушевский называет «надгробною плитою стремлений и усилий». Он заявляет, что только внешние причины, под которыми он понимал царское правительство, настраивавшее украинцев против старшины и гетмана, привели Мазепу к катастрофе. Он не считает поступок гетмана необычным для украинской политической практики: «Политический шаг Мазепы был раздущ, как поступок небывалый и чрезвычайный. Но в действительности в этом поступке Мазепы и его единомышленников не было ничего чрезвычайного, ничего нового» [15, с. 253].

После гражданской войны и становления советской власти на Украине многие историки-державники оказались в эмиграции, где скоро образовали центры исследования истории Украины. До конца 30-х годов XX в. большинство историков-эмигрантов придерживались «державнического» направления. В 1931 году И. Борщак и Р. Мартель выпустили в Париже книгу о Мазепе, ее перевод вышел вскоре во Львове на украинском

языке [16]. Авторы, следуя стопами М. Грушевского, оправдывали Мазепу и называли его выразителем чаяний украинского народа, а поражение гетмана воспринимали как катастрофу.

Иной взгляд на события 1708—1709 годов и на причины украино-шведского союза стал формироваться в украинской зарубежной историографии лишь со второй четверти — середины XX века. Появилась плеяда историков, стремившихся рассмотреть Украину начала XVIII века в контексте общеевропейских социально-политических событий того времени. В эту группу можно включить Б. Крупницкого, О. Оглоблина, М. Андрусяка и Т. Мацкива. Они убеждены, что действия Мазепы нужно объяснять не личными мотивами, а тяжелыми обстоятельствами, в которых оказался народ Украинского Гетманства. Б. Крупницкий [17, с. 97] отмечал, что поиск Мазепой союза с Карлом XII был продиктован нараставшим недовольством казаков, вынужденных уже с

1701 года, в нарушение статей Переяславского договора, в составе российской армии ходить походом далеко на север. О. Субтельный сравнил политическое развитие ряда европейских государств конца XVII—начала XVIII века, нашел общие тенденции и сделал вывод о закономерности выбора средств выхода из кризиса. Он утверждает, что Северную войну, традиционно понимаемую как конфликт между Россией и Швецией за гегемонию в Европе, следует рассматривать как конфликт между национальными элитами и их чужеземными суверенами [18, с. 128].

Современная украинская историография представлена, в основном, «державницким» крылом. Примечательно, что 1991 год — год провозглашения независимой Украины, был объявлен Международной ассоциацией украинистов годом Михаила Грушевского — автору самостийнической схемы украинской истории.

Библиографический список

1. Шафиров П. П. Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый к начатию войны против Карла 12 имел. — СПб., 1717.
2. Феофан Прокопович. История царствования императора Петра Великого. — СПб., 1773.
3. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России: в 9 т. — Т. 4. — М., 1837.
4. Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России сочиненное инженер-генерал-майором А. И. Ригельманом // Чтения ОИДР, 1948. — №6.
5. Краткое историческое описание о Малой России до 1765 года // Чтения ОИДР, 1948. — №6.
6. Устрялов Н. Г. Русская история. — СПб, 1855.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 кн. — М., 1959—1964.
8. Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся. — М., 1870.
9. Костомаров Н. И. Руина; Мазепа; Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. — М., 1995.
10. Кониский Г. История Русов или Малой России. — М., 1846.
11. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. — Киев, 1903.
12. Максимович М. А. Собрание сочинений. Т.1. — Киев, 1876.
13. Антонович В.Б. Бесіди про часи козацькі на Україні. — Київ, 1897.
14. Уманец Ф. М. Гетман Мазепа. Историческая монография. — СПб., 1897.
15. Грушевский М. Иллюстрированная история украинского народа — СПб., 1913.
16. Борщак?, Мартель Р.?ван Мазепа. Життя і пориви великого гетьмана. — Львів, 1933.
17. Крупницкий Б. Гетман Мазепа та його доба. — Київ, 2003.
18. Субтельний О. Порівняльний підхід у дослідженні постаті Мазепи // Укр. істор. журнал. — 1991. — №2.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.04.09

V. F. Kulikova

НЕТМАН МАЗЕРА В КОНТЕКСТЕ ФОРМАЦИИ И РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

This article deals with the problem of the formation and development of the main tendencies of Ukrainian historiography on the role of Hetman Mazepa in the political history of Ukraine.

Ukraine, historiography of Ukraine, Hetmanate, Mazepa

УДК 902

Л. В. Миколаускайте

РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ В XIX В.

Данная статья посвящена изучению основных промыслов в Горном Алтае в XIX в.

Натуральное хозяйство, русское и алтайское поселение, охота, ореховый промысел, обработка шкур.

Натуральное хозяйство не только алтайского, но и русского населения не могло обойтись без промыслов, дававших дополнительные сред-

ства для уплаты налогов, покрытия хозяйственных расходов. Важное место в системе жизнеобеспечения играла охота на горно-таежных копыт-

ных и пушных зверей и птиц [1, с. 395]. Горные остроги Алтая были покрыты густыми таежными лесами, где водились маралы, олени, косули, соболи, лисы, росомахи, волки, рыси и другие звери.

Всем известно, что алтайские инородцы издавна славились как хорошие охотники и мелкие стрелки [2, с. 22.]. Охота на крупного мясного зверя обеспечивала аборигенов мясом, шкура шла на изготовление одежды и обуви, а также на другие хозяйственные нужды.

Уровень производительных сил оставался низким. Соответствовали ему и приемы охоты. Наиболее распространенным способом оставалась гонка копытного зверя по глубокому снегу в начале зимы и весной — по насту. Группа охотников на лыжах, сменяясь поочередно, преследовала зверя. Глубокий и рыхлый снег зимой, а весной — жесткий наст не позволяли ему быстро и долго уходить от преследователей. Обессиленной погоней животное становилось легкой добычей охотников. Практиковалась и осенняя, тоже коллективная, облава на косуль и маралов. Для этого устраивались специальные изгороди, пересекавшие тропу, по которой следовали животные. В изгородях оставляли специальные проходы, где настораживались петли или вырывались ловчие ямы [3, с. 153].

Охотничий промысел традиционно наступал во второй половине августа. Основной охотничий сезон наступал зимой [1, с. 395]. Промыслы зверя вели небольшими артелями по 3-4 человека, которые назывались нокорлор (товарищи). Артель имела общий запас продуктов питания, и вся добыча делилась по окончанию охоты поровну среди всех участников охоты. Если в артели были мальчики-подростки или женщины, которые непосредственно зверя не промышляли, а только выполняли хозяйственные работы по обслуживанию охотничьего стана, они наделялись половинным паем (ярым улешь). С утра охотники расходились в разные стороны в поисках зверя, вечером собирались на стан. Из пушных зверей алтайцы промышляли белку, соболя, лисицу, зайца, горностая, колонка, хорька, ласку и других. Основным предметом пушного промысла, безусловно, была белка. Ее начинали промышлять сразу же после сбора кедрового ореха, т.е. с конца октября [4, с. 242].

Наиболее распространенным оружием охоты оставался лук с набором стрел. Наряду с ним, в арсенале охотника имелась масса всевозможных самодельных капканов и ловушек. Во второй половине XIX в. на смену луку приходит огнестрельное оружие. К концу века он постепенно вытеснился последним. Этому способствовала относительная дешевизна ружей. Появление огнестрельного оружия в значительной мере способствовало индивидуализации охотничьего промысла. Оно углубило процесс разделения труда, в результате которого отдельные семьи получили возможность, вести охоту самостоятельно и распоряжаться своей добычей [3, с. 154].

Охотничий промысел у алтайцев, как и у других народов Сибири, окружался ореолом святости и сверхъестественности. Во время промысла

охотники никогда не называли зверя его настоящим именем, а использовали всевозможные отвлеченные понятия и названия, под которыми подразумевали того или иного зверя. Наиболее распространенным оружием охоты являлся лук с набором разных стрел. Например, для охоты на крупного зверя использовалась «канду ок», то есть кровавая стрела. Для остановки зверя применялась свистящая стрела — «осту ок». С ее помощью охотник сгонял белку с вершины дерева и добивал стрелой с шариком на конце — «томор ок». Ее применение обеспечивало сохранность меховой шкурки.

Самым распространенным промысловым животным на Алтае была косуля. На нее охотились круглый год и промышляли ее «только что есть». Добывали косуль путем настораживания петель и самострелов на переходных тропах, облавами, сторожением на солонцах, подманиванием животных свистом и с помощью ловчих ям. Кроме охоты на копытных животных, алтайские охотники промышляли и пушного зверя, в частности соболя, горностая, куниц, волков, лисиц, росомах, белок и т. д. Охота на пушных зверей была кропотливым и трудоемким делом. В арсенале промысловика были петли, самострелы, самые разнообразные самодельные ловушки, представлявшие в одном случае настороженный лучок-самострел, в другом — просто плашки или еще проще обыкновенные обрубки бревен. Лишь в исключительных случаях охотник прибегал к помощи лука.

Местными скупщиками пушнины были в Улале Бодунов, Ситников и М. Тобоков в Карасуке. Основные виды пушнины и цены, по которым население могло продать скупщикам свои товары, наглядно представлено в таблице 1*).

Таблица 1

Цены на Улалинской ярмарке

Пушнина	Цена
Шкурка белки	5 коп. — 10 коп.
Козла весеннего, осеннего	50 коп. — 1 руб.
Марал	5 руб. — 25 руб.
Маралы рога: весов 1/2 пуда	40 руб. — 80 руб.
Пара средних	65 руб.
Шкурка: Кабарги	5 коп. — 10 коп.
Колонка	60 коп.
Лисица	2 руб. — 6 руб.

* Источник: Софронов, В. Г. Очерки по истории Майминского района / В. Г. Софронов. — Майма, 2004.
(Таблица составлена нами — Л. М.)

Данная таблица показывает, что любой охотник, удачно продавший пушину, мог заработать около двухсот рублей, занимаясь только лишь одной охотой. По тем временам это были большие деньги, на которые охотник мог прокормить себя и свою семью.

К концу XIX в. значение охотничьего промысла в алтайском хозяйстве заметно снижается. Причина этого не только в выжигании леса русскими

крестьянами под пашни, но и в появлении спроса на пушнину со стороны торговцев. Учитывая это, добычей ее занялась значительная часть новоселов. Хищническое истребление зверя повлекло в дальнейшем ограниченную его добычу.

Но, несмотря на все трудности, алтайцы продолжали заниматься охотой [3, с. 155].

Важным подспорьем в хозяйственной жизни жителей Горного Алтая в XIX в. так же были сбор кедрового ореха, извоз, шорный промысел и пчеловодство, которое в XIX в. только начало зарождаться.

Развитие торговых отношений между Улалой и Чемалом, привело к развитию пунктов промысловой деятельности населения. Здесь в основном проезжают скупщики ореха и пушнины [5, с. 71], что является главным фактором для сбыта товара.

Немаловажное значение в системе питания у населения региона стоял сбор кедрового ореха. Одним из центральных пунктов сбора кедрового ореха был черневый край — Кара и Сара-Кокша, Бежельбик, Уймень, Кузя. Здесь были сосредоточены до 50 крупных торговых фирм по приему ореха.

Официальным сроком начала сбора орехов было 15 августа. Сбор продолжался примерно 1,5-2 месяца. Урожай был раз в 4-5 лет [6, с. 71].

Основным скупщиком кедрового ореха был Михаил Васильевич Торбоков, имевший несколько своих владений в Улале, Карасуке, Салганде и скупавший от 2000 до 4000 пудов, что составляло пятую часть добываемого ореха.

Крупными скупщиками черневого ореха были в с. Майма (Быстрянской управы) обрусевшие инородцы: Иван Михайлович Софонов, Павел Андреевич Софонов — до 1000 пудов. Николай Ефремович Софонов, Григорий Михайлович Софонов от 300 до 400 пудов.

Для местного населения заготовка орехов было прибыльным делом. Ореховый промысел давал не только ценную пищу [6, с. 72]. В среднем одно хозяйство, как инородческое, так и русское, заготавливало по 20-30 пудов ореха. Орех продавался скупщикам за наличные деньги или отдавался за долги. Стоимость его колебалась от 60 коп. до 1 руб. 20 коп. за пуд. Одно хозяйство имело за сезон от продажи ореха 25-30 руб.

Скупщики строили амбары для хранения вблизи кедровиков. В конце XIX — начале XX вв. в районе реки Кара-Кокши находилось более 60 амбаров для временного хранения ореха, по реке Кузе — 25, в районе р. Сара-Кокши — 7 амбаров. Крупными скупщиками ореха в Горном Алтае (называется число до 50 человек) были: зайсан Комляжской кочевой волости М.В. Торбоков, скупавший ежегодно от 2 000 до 4 000 пудов ореха. Он имел резиденции в селах Улалинском, Карасуке, Салганде. Жители с. Маймы Софоновы покупали — до 800 пудов.

Исследователи начала века отмечали, что «скотом кормится и одевается кочевник, а орехом — уплачивает ясак, выполняет все обязательные расходы и повинности, приобретая все необходимое для жизни, бедняк же даже предметы питания» [7, с. 40].

Особое место у населения занимал извоз. Вывоз грузов вьючным путем до Ынырги, Улалы из расчета в среднем 8 копеек за пуд. До Бийска доставка шла санным путем.

Шкуры в обмен за указанный товар принимали со скидкой 20-25% против существующих ярмарочных цен. Если шкура коня стоит 2-50 руб. — 2-80 руб., шкура крупного рогатого скота по 3-50 руб., то торговцы принимали кругом по 2 руб.

При приобретении товаров местного потребления инородцы или кредитовались или брали деньги у купцов под будущий промысел ореха и зверя [8, с. 17].

К шорному промыслу жителей Майминского района можно отнести выделку седел, изготовление войлока, витее веревок.

Так, например, в Бирюле занимались выделкой седел. Техника седельного промысла была не сложна. Седла выделяли из березы, причем выбирали корень старой березы. Один человек мог выделать простое седло за 2 дня. На обшивку седла кожей требовалось полдня. Стоимость готового седла без кожи — 2 руб., вьючное седло стоило 1 руб. [8, с. 15].

Войлок делали из овечьей шерсти. Войлок, или кошма, выделялся как для потников, подкладываемых под седло, так и для покрытия жилища. Войлоки употреблялись также для подстилки в жилище, для постели (из летней шерсти). При изготовлении войлока овечью шерсть взбивали деревянными или железными прутьями и клали ровным слоем либо на старую кошму, либо просто на землю, затем спрыскивали ее водой, завертывали в трубку и катали. Катанье производили вручную, а при изготовлении войлока большого размера — при помощи лошади. В последнем случае войлок навертывали на гладкий деревянный вал, который катали по земле при помощи аркана. Изготавливали войлок обычно женщины. У алтайцев существовала также своя техника обработки кожи. Шкуру лошади или быка, снятую с животного летом, употребляли на изготовление либо кожаной посуды (аркыт), либо ремней. Приемы обработки шкуры были примитивны. Шкуру опускали в реку с быстрым течением, предварительно крепко привязав. Держали ее в воде до тех пор, пока вода не вымывала и не уносила всю шерсть. Затем шкуру вынимали, растягивали и сушили. Далее ее разрезали на ремешки и плели узды, плети и т. д. Для изготовления кожаной посуды шкуру размачивали в воде, мали, смазывали жиром лошади, медведя или барсука. В зимнее время обрабатывали шкуры, предназначенные для шитья обуви. Поступали таким образом. Освеженную шкуру лошади, коровы или быка замораживали в снегу и шерсть выбивали начисто острым ножом. Далее шкуру проветривали на солнце до тех пор, пока она не делалась легкой. В летнее время ее зарывали в навоз, где она несколько пропитывалась влагой, затем мали и смазывали жиром лошади, сурка или медведя. После этого в течение недели кожу коптили в юрте над дымом очага или в особых земляных печах и еще раз мали. Если кожу хотели окрасить, то после бритья ее помещали в на-

стой коры лиственницы. Из выделанной кожи шили обувь, сбрую, выточные сумы, переметные сумины (арчамак), перекидывавшиеся поверх седла. Кожаную посуду шили из сырой матней кожи, иногда снятой с ноги заколотой лошади или коровы, а порою и с вымени коровы. При этом снимали шкуру наподобие чулка, набивали ее землей, сушили у костра — и сосуд был готов. Из шкур косули, козы, молодого марала южные алтайцы выделяли овчины, употреблявшиеся для шитья шуб. При выделке овчины освежеванную шкуру промывали в солоноватой воде и растягивали в тени для сушки, затем ее натирали нежирной сывороткой, квасили и после этого скручивали, оставляя в таком виде в течение трех-четырех дней. Далее шкуру мяли досуха, снова квасили, на этот раз вареной печенью коровы или овцы, превращенной в кашицеобразное состояние, и коптили. После копчения производили обезжиривание мытьем в сыворотке, снова мяли досуха, снова квасили печенью и заканчивали обработку тем, что еще раз мяли досуха. Шкуру козы, которая не выдерживает крепкой обработки, выделяли проще, натирая ее вареной печенью и сывороткой. Мяли ее только вручную, чтобы не вылезла шерсть. Шкуру молодого марала и косули обрабатывали только вареной печенью, мяли и также коптили. Местные алтайцы умели выделять грубую замшу. Для этого шкуру лося, марала или горного козла мочили в воде, а затем снимали с нее шерсть железным скребком, вместе с тонким слоем кожи. Потом шкуру сушили и мяли, после чего клади в мыльную воду или натирали мылом и сушили на морозе. Если замшу делали летом, тогда, после того как со шкуры снимали шерсть, ее смазывали жиром. Кроме железного скребка при выделке кожи употреблялась деревянная палка, покрытая зазубринами.

Веревки и арканы женщины свивали из конского волоса. Довольно распространенным было производство седел, как выточных (ынгырчак), так и верховых. Деревянную основу седла делали из сухого продымленного дерева бересклета: обе луки седла — обычно из корня бересклета, а боковые пластины — из ствола. На седло клади войлочную подушку (из летней овечьей шерсти) и обшивали

ее кожей. Основным средством передвижения здесь была верховая лошадь, но имелась и арба на двух низких колесах для перевозки грузов. В эту арбу лошадь впрягалась при помощи русского хомутика, дуги и оглобель. Седелка заменялась обычным верховым седлом, на котором сидел верхом возница. Алтаец сидел верхом на лошади и в том случае, если в арбе не было груза. В трудно проходимых горных местностях грузы вычили на лошадь на специальное выточное седло без подушки. Груз помещался в две кожаные сумины, которые перебрасывались через седло и связывались арканами. Местами грузы везли на верховой лошади при помощи волокушки (шырка), представлявшей собой две длинные тонкие жерди, одним концом прикрепленные по обе стороны седла, а вторым волочащиеся по земле. В XIX в. русские телеги и сани довольно широко вошли в быт алтайцев Майминского района [4, с. 226-230].

Население Александровки не только положило начало развитию земледелия и кормопроизводства, но и явилось инициатором ведения пчеловодства, о чем свидетельствуют данные переписи 1897 г. «в поселке было три алтайских пасеки с 84 пчелосемьями, содержащимися в ульях». Начинает в среду алтайцев проникать и пчеловодство. В 1897 г. в Александровке было 3 пасеки с 84 ульями [6, с. 14].

Мед шел на внутреннее потребление и на продажу. Он заменил сахар, на нем варили варенье из различных ягод, делали самодельное пиво. Кроме того, продукты пчеловодства пользовались широким спросом. Крестьяне продавали мед в 90-х гг. XIX вв. в среднем по 7 руб. за пуд, воск — по 18-20 руб. за пуд [9, с. 55].

Натуральное хозяйство не только алтайское, но и русского населения не могло обойтись без промыслов, дававших дополнительные средства для уплаты налогов, покрытия хозяйственных расходов [10, с. 111].

Если один вид промыслов преобладал над другим, то второй существенно дополнял те виды хозяйственной деятельности, которые меньше сего были развиты в силу тех или иных причин. Ни одна из них не могла существовать самостоятельно, без взаимного дополнения.

Библиографический список

1. Томилов, Н. А. Тюркские народы Сибири / Н. А. Томилов, Д. А. Функ. — М., 2006. — 680 с.
2. Пустогачева, Т. С. Из истории развития торговых отношений в Горном и Предгорном Алтае во второй половине XIX — начале XX веков / Т. С. Пустогачева. — Горно-Алтайск, 2005. — 86 с.
3. Модоров, Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (VII—XIX вв.) / Н. С. Модоров. — Горно-Алтайск, 1996. — 400 с.
4. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. — Новосибирск, 1948. — 506 с.
5. Швецов, С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая / С. П. Швецов. — Барнаул, 1898. — С. 80
6. Мендешева, В. М. Ореховый промысел в Горном Алтае / В. М. Мендешева // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 2008. — С. 71-72.
7. Майдурова, Н. А. Горный Алтай в конце XIX — начале XX вв. / Н. А. Майдурова. — Горно-Алтайск, 2000. — 134 с.
8. Софонов В. Г. Очерки истории Майминского района / В. Г. Софонов. — Майма, 2004. — 126 с.
9. Мукаева, Л. Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время / Л. Н. Мукаева. — Горно-Алтайск, 2005. С. 18-62.
10. Сатлаев, Ф. А. Горный Алтай в составе России / Ф. А. Сатлаев. — Горно-Алтайск, 1991. — 142 с.

L. V. Mikolauckayte

THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN GORNY ALTAI IN THE XIX CENTURY

This article devoted the study fundamental industrial in Gorny Altai in the XIX century.

natural economy, russiam and altaian population, hunting, nattree trade, work up skin

УДК 902

H. С. Модоров, М. И. Паклин

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ ГОРНОГО АЛТАЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ

В статье, на основе опубликованных материалов и социологических данных, рассматривается проблема воспитания гражданственности у молодежи Горного Алтая в первом десятилетии XXI века.

Советский Союз, суверенные республики, Горный Алтай, перестройка, гражданство, гражданские ценности, воспитание молодежи

Наша страна — «Московия», Русское государство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация, — какого бы этапа в ее развитии мы не коснулись, а короче говоря, во все времена, была и по сей день остается многонациональным государством. Видимо, в силу этого обстоятельства, национальный фактор, опять — таки, какой бы период развития нашего Отечества мы не взяли, всегда накладывал свой отпечаток на все стороны жизни российского общества. Особенно остро его роль проявлялась на крутых переломах отечественной истории. Не стал исключением в этом плане и ХХ век, особенно его последнее десятилетие, когда «некогда могучий Советский Союз» неожиданно, — даже его откровенных противников — «в одночасье» развалился, словно карточный домик, на ряд суверенных государств. Одним из них стала Российская Федерация (Россия).

Суверенизация республик бывшего СССР породила для новых государств, в том числе и для России, не только целый ряд проблем, но и поставила перед ними, в особенности перед россиянами немало «исторических ловушек», явившихся следствием реформ, которые уже не раз губили нас на протяжении не одного столетия. К числу их следует, в первую очередь, отнести последствия центробежных тенденций, которые неизбежно возникают в процессе распада большого и притом многонационального государства. Другая, не менее опасная «ловушка» заключена в том, что прогнившая из-за своего монопольного характера власть гибнет в конце концов. Но своей погибелью, катастрофическими последствиями, связанными с ее уходом, она создает (в то же время) предпосылки для воспроизведения новой «монопольности», но уже на новом этапе» [1, с. 15]. Подобная метаморфоза вытекает, как уже не раз доказывала нам история, из неэффективности (по своей природе) монопольного механизма. Его использование обществом, неизменно делает невозможным планомерное и мирное проведение общественных реформ. И как результат этого,чество становится свидетелем того, как

«монопольная власть» — после вызревания нового общего кризиса (экономического, социального и политического) — в очередной раз уходит с политической арены. При этом, недееспособная власть, по утверждениям политологов, не просто уходит, она просто рушится вместе со всем общественным механизмом. В силу этого, зарождение новой власти происходит, без преувеличения, в обстановке социальной катастрофы. Чтобы избавить население страны от ее последствий, от внешних и внутренних угроз, новая власть вводит — «в порядке исключения, на время» — чрезвычайные меры, которые (хотели бы мы или нет) порождают, к нашему сожалению, новую монопольность со всеми вытекающими из этого процесса последствиями [1, с. 15].

Именно такого рода «беда» и приключилась на исходе ХХ столетия, после распада СССР, с бывшими его республиками, в одночасье ставшими суверенными государствами. Не избежала «ее», как уже упоминалось выше и Россия, особенно на исходе ХХ столетия. И хотя сегодня многое ей удалось преодолеть, тем не менее, есть еще проблемы, которые требуют своего надлежащего решения. Одна из них — воспитание гражданственности, т. е. формирование гражданского сознания у подрастающего поколения россиян, в том числе и молодежи Горного Алтая.

Актуальность данной проблемы для Российской Федерации состоит, во-первых, как ни странно, в возникшем противоречии между потребностью страны в активных гражданах и слабым осознанием молодых себя таковыми, во-вторых, в отсутствии государственной системы «гражданско-патриотического воспитания», задача которой состоит в установлении и поддержании «устойчивой связи между формирующейся личностью и ее образом родины (совокупности географических, историко-культурных, правовых, этнических представлений, соединенных эмоционально и являющихся ценностной базой гражданского поведения личности)».

В советское время эта проблема составляла основу работы по военно-патриотическому воспи-

танию молодежи. Правда, тогда во главу угла его ставилось, как известно, формирование у подрастающего поколения идейной убежденности в преимуществах социализма. При этом главная функционально-воспитательная нагрузка падала в советское время на плечи школы и комсомола. Однако со сменой государственно-политической ориентации в России, идеологических постулатов (итог «перестройки», распада СССР, «парада» суворенитетов и т. д.), прежний опыт работы по воспитанию «активных граждан» был решительно отброшен. В связи с этим, как не вспомнить печально известное: «Весь мир насилия мы разрушим до основания...». Иначе говоря, как не критиковали «прорабы перестройки» практику советского общественно-политического строительства, а выходит пригодился-таки «им» старый, ими же раскритикованый сценарий внутригосударственного устройства СССР, но теперь уже «новой России». Однако при строительстве ими «нового мира», неожиданно возникли «неувязки», проблемы, понудившие последних признать кое-какие «свои ошибки». В их числе оказалось и признание «возможности использования опыта работы прошлых лет по гражданско-патриотическому воспитанию».

Однако признавая правильность принятого новыми властями решения, исследователи тоже согласны с тем, что прежний опыт работы может быть использован сегодня, но только при соответствующей корректировке. При этом главное в ней, по их мнению, должно состоять в осознании того, что гражданско-патриотическое воспитание на современном этапе должно базироваться на признании государством молодого человека активным его субъектом, живущем и действующем в соответствии с выбранным им комплексом «ценностей, мотивов и моделей поведения».

Исходя из этого, процесс формирования гражданственности необходимо рассматривать только через призму ценностного подхода. При этом следует всегда помнить, что за годы «реформ» в общественно-политической и социально-экономической жизни страны произошли кардинальные перемены, вызвавшие не всегда адекватные изменения в структуре и «иерархии ценностных ориентиров россиян». В этой, неоднозначной ситуации перед молодым поколением страны неизбежно встает задача не простого выбора из хаоса «ценностей (плохих и хороших)», порожденного столкновением в годы преобразований различных по характеру «ценостных систем». Попав в такое положение, молодые люди оказались не в состоянии самостоятельно сформировать в себе стройную систему положительных «гражданских ценностей». Институты же социализации, призванные помочь им в этом, тогда работали плохо. К сожалению, и сегодня их деятельность далека от идеала.

Кто же сегодня несет в Горном Алтае бремя воспитания молодого подрастающего поколения и какие факторы оказывают ныне первостепенное влияние на формирование у молодежи «гражданско-патриотических ценностей»? Чтобы ответить

на эти вопросы, обратимся к данным анкетного опроса студентов первого и второго курса Горно-Алтайского государственного университета, проведенного в преддверии 60-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне и 250-летия добровольного вхождения алтайского народа в состав России [2]. Они же показывают, что ведущее место среди них, по-прежнему, занимает «семья и авторитетные для молодого поколения люди». Однако, если судить о первой как о воспитателе «гражданско-патриотических чувств», то итог ее работы во многом будет зависеть от «благополучия» в семье, «глубины исторической памяти» в ней, а также от уровня образования и социального положения родителей. Анализ же эмпирической информации показал, что только лишь в одной категории наших семей, по-прежнему, уделяют — несмотря на кардинальные перемены в стране и обществе — самое пристальное внимание воспитанию патриотических чувств — это в семьях военнослужащих.

Результаты опроса показали также и то, что доминировавшая в прошлые годы на этом поприще школа утратила, к сожалению, свои былые позиции, уступив место «воспитателя» средствам массовой информации (особенно телевидению) и «ближайшему социальному окружению» школьников. И в этой «утрате» былых традиций повинна не столько школа, сколько руководящие ею, страной в целом власти. Не секрет, что в ее жизнедеятельности как в капле воды отразились, отражаются и сегодня все сложности и трудности переживаемого нами времени. Они же — в некой двусмысленности, в сохраняющемся до сих пор «очернительстве» прошлого нашей страны (особенно советского периода). Такой подход к истории, бесспорно, лишает молодежь гордости за совершенное людьми старших поколений в хозяйственно-культурном строительстве страны, превращая ее, таким образом, «в людей не помнящих родства». И как тут не вспомнить древнюю мудрость о том, что «история существует независимо от того, одобряем мы ее или не одобляем» или слова великого Пушкина, утверждавшего, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной — есть постыдное малодушие». Однако мы, как всегда малодушничавшие, смалодушничали и в этот раз. Беда с поразившим нас «забыванием» была бы не столь чувствительной, если бы она была случайным явлением. К сожалению, оно прививается нам целенаправленно. Один лишь пример. За годы перестройки «ее прорабами» из школьной программы были «изгнаны» многие произведения советских авторов лишь по той причине, что они связаны с тоталитарным режимом и прославляли его», сокращен объем часов на преподавание отечественной истории. Результатом такого рода «новаций» стало, к примеру, почти повсеместное незнание выпускниками школ известных ранее имен героев Великой Отечественной войны: Алексея Маресьева, Александра Покрышкина, Ивана Кожедуба, Лизы Чайкиной, герояев-молодогвардейцев. Сталкиваясь с подобными явлениями, приходится все

больше убеждаться, что это не простая случайность, а хорошо спрессированное наступление на нашу историческую, культурную и духовно-военную память, что это умышленная замена разнообразия былых оценок (пусть классово-идеологических) всевозможными нынешними либерально-демократическими разлагольствованиями (о «всеобщем мире», «всеобщем пространстве», «общечеловеческих чувствах и ценностях», чрезмерное преклонение перед Западом, особенно в области образования и т. п.), часто идущими вразрез с нашей национальной философией, российским менталитетом и духовностью.

В воспитании гражданственности, нравственности у нашей молодежи, в ее патриотическом воспитании в целом особую роль обязаны играть (так было испокон веков) главные государственные символы Российской Федерации: Герб, Гимн и Флаг. Не вдаваясь в подробности исторического становления каждого из них, отметим лишь, что первое упоминание о государственном гербе России содержится в Ермолинской летописи. «Месяца июля 15 (1464 г. — Авт.) в Москве поставлен бысть святый великий мученик Георгий на воротех Фроловских (Спасских — Авт.), резан на камени...нарядом Васильевым Дмитриева сына Ермolina» [3, с. 4]. В дальнейшем герб много-кратно перерабатывался, дополнялся. Однако главная его суть — он должен быть символом государства, понятным народу и читым им — оставалась неизменной. К сожалению, об этой составляющей нынешнего Российского герба, в части почитания его как государственного символа нам, россиянам, нашему обществу в целом, надо еще много и много работать. Гербу СССР в плане повезло гораздо больше: советские люди его чтили и ценили, использовали Герб как средство воспитания граждан СССР.

Другим важным государственным символом России был и остается ее Флаг. Нынешний бело-сине-красный флаг («родился» в соответствии с указом Петра I от 20 января 1705 г.) был одобрен (с подачи Б. Н. Ельцина) 8 апреля 1991 года Правительственной комиссией РСФСР и признан ею как Национальный флаг Российской Федерации [4, с. 324]. Однако последнему, в плане почитания как государственной святыне, явно не повезло. С легкой руки журналистов он стал везде и всюду именоваться «триколором» и сегодня вряд ли кто осмелится использовать Государственный флаг России как средство патриотического воспитания молодежи, ибо даже первые лица государства и с экранов телевизоров, и в беседах с людьми пользуются, говоря о флаге России, пресловутым журналистским штампом. Это, к сожалению, подтвердило и наше анкетирование.

Завершая разговор о данном государственном символе России, отметим, что бытует журналистский штамп и о государственной флаге США — «звездно-полосатый». Однако употребление данного штампа американцами в разговоре о своем государственном флаге, нам что-то не припоминается. Тем более его никогда не доводилось слышать из уст высокопоставленных лиц США. Ви-

димо, там, за океаном, придают флагу, как государственному символу страны гораздо большее значение, нежели мы.

И, наконец, пару слов о Гимне России. Во все времена он — в любом государстве — олицетворяет собой мощь государства и его международный имидж. Гимн всегда сплачивал нацию, вдохновлял народ на ратные и трудовые свершения. Праздничность и торжественность музыки гимна укрепляет государственное самосознание. Именно исполнением государственного гимна выражаются почести представителям иностранных государств. Гимн — это была и есть высшая форма уважения. Эти моменты, связанные с государственными символами нашей страны, также отразили данные анкетирования.

Подводя итог всему сказанному выше, следует подчеркнуть, что только одних объективных условий жизни и воспитания недостаточно. И это, опять-таки, доказала наша действительность. Для успешного усвоения молодыми людьми гражданско-патриотических ценностей, нужна еще и внутренняя потребность юношества в обретении и укреплении последних в себе. Ее-то, как показал опрос, явно не хватает значительной части наших респондентов. Недостаточна у них (это беда не только молодых горноалтайцев, но и молодежи других регионов России) и «ценностная связь» по линии «личность — государство (как формы и принципы правления)». Своеобразный негатив здесь вносит в сознание молодого поколения и ухудшающаяся привнесениями «западного опыта» система нашего школьного образования. Однако это тема специального разговора. Но, несмотря на все «недоработки» воспитательного порядка наши юноши оказались на порядок выше (по сравнению со своими сверстниками из других субъектов РФ) по линии «личность—родина (воспринимаемая ими как совокупность географических, историко-культурных и этнических представлений). Проявили они (особенно сельчане) готовность и высокую активность в стремлении стать защитниками своей Родины, содействовать укреплению ее обороноспособности. Порукой тому — высокие показатели весенних и осенних призов молодежи Горного Алтая в ряды российской армии. И как награда — признание военного комиссариата Республики Алтай победителем в соревновании по призыву среди регионов Сибирского федерального округа.

Но выявленных в ходе анкетного опроса у наших земляков «гражданско-патриотических ценностных ориентаций» далеко недостаточно для того, чтобы всесторонне судить о их жизненной позиции и гражданской активности. Здесь многое зависит от государства. Оно просто обязано выработать и иметь «на вооружении» четкую систему «гражданско-патриотических ценностей» и, создав необходимые условия, донести их до молодежи через соответствующие социальные институты. Пока же, как показало анкетирование, да и наша действительность таковой системы в нашем регионе, в стране в целом, увы, нет. А без нее же, трудно говорить о каком-либо целенаправленном воспитании молодежи, о формиро-

вании у нее основ гражданственности. Тем более, это трудно сделать в ситуации, как подчеркивали наши респонденты, когда с экранов телевизоров, почти постоянно звучит ненормативная лексика и другие «перлы» российских столпов и организаторов, которые стоят сегодня у истоков воспитания гражданственности у нашей молодежи. С другой стороны, работой по воспитанию «гражданского-патриотического сознания» должны быть охвачены все группы подрастающего поколения, т. е. лица с 7 до 18 лет.

Библиографический список

1. Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. — М., 2003.
2. Материалы выборочного анкетирования студентов I-II курсов исторического, физико-математического, биолого-химического и филологического факультетов Горно-Алтайского государственного университета в 2005-2006 гг.
3. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М., 1976.
4. Мурашев Г. А. Титулы, чины, награды. — СПб., 2001.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.04.09

N. S. Modorov, M. I. Paklin

AT QUESTION ABOUT OF FORMING THE AT YOUNG PEOPLE OF MINING ALTAI: CONDITION, PROBLEMS

In article, on the paper written on basis materials and sociology of facts shown the problem of education the citizenship at young people of Mining Altai in first the decade XXI century.

Soviet Union, sovereign republics, Mining Altai, rebuilding, citizenship, civil values, education of young people

УДК 902

Л. Н. Мукаева

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ XIX в.

В статье предпринята попытка анализа геологического изучения Алтая в конце XIX вв. Источниковой базой для статьи послужили опубликованные и архивные материалы.

Российское правительство, императорский Кабинет, изучение, геология, геологи, ученые, карты, полезные ископаемые, промышленность

В хозяйственно-экономическом развитии любого региона заметную роль с давних пор играли его природные ископаемые. И Алтай в этом плане не был исключением. В изучении его природных ресурсов в конце XIX в. видную роль сыграли как геологические учреждения страны, так и высшие учебные заведения г. Томска, а также различные научные общества, занимавшиеся изучением производительных сил Западной Сибири. Среди последних, в первую очередь, следует отметить достаточно активную деятельность Русского Географического Общества (РГО) по исследованию восточной окраины Российской империи.

Именно по его заданию совета занимался в 1875—1876 гг. топографическим изучением Сибири от Урала до Байкала ученый-практик В. Фусс. В сферу его исследований попала и территория Алтая. Результатом проведенных им здесь работ стало издание В. Фуссом фундаментального орографического сочинения «Результаты Сибирской нивелировки». Спустя десять лет, геологическое обследование вдоль Сибирского почтового

тракта (от Урала до Иркутска) провел геолог И. Д. Черский.

В 80-х гг. XIX в. по поручению РГО исследованием географии и геологического строения восточной части Алтайского округа занимался видный сибирский исследователь А. В. Адрианов.

В течение двух поисковых сезонов (1881 и 1883 гг.) им были обследованы Восточный Алтай и Саяны. Достаточно сказать, что только за лето 1881 г. он совершил 6 маршрутов (от г. Томска до Кузнецка, затем до Тогула и еще три маршрута — по рекам: Кондоме, Лебедю, по Бие к Телецкому озеру и к Башкаусу — Л. М.). Не менее плодотворным был у него и сезон 1883 г.: тогда исследователь прошел маршрутом по р. Мрассе до ее верховий и оттуда на Абакан. Во время своих экспедиций ученый тщательнейшим образом изучал выходы каменного угля, практически в каждом посещенном им уголке Кузнецкого края. Составленные им тогда описания бассейнов Кондомы, Лебедя и Пезаса не потеряли научной ценности и по сей день [1, с. 14].

В последней трети XIX в. РГО организовало в Западной Сибири ряд отделений. В частности, в 1877 г., в г. Омске, был открыт его Западно-Сибирский отдел. В 1891 г. существовавшее в Барнауле «Общество любителей исследования Алтая» было реорганизовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Названные естественнонаучные общества внесли, как известно, огромный вклад в изучение природных ресурсов досоветского Алтая. Членами данных обществ состояли в свое время такие видные ученые Западной Сибири, как Н.М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие, отдавшие немало сил изучению различных вопросов экономического развития Алтая, его минерально-сырьевых ресурсов. Отчеты и результаты проведенных работ публиковались исследователями в периодических изданиях Западно-Сибирского отдела РГО и Алтайского подотдела ЗСоРГО. Отдельные работы геолого-минералогического характера проводились на Алтае по заданию «Московского общества естествоиспытателей» и «Петербургского минералогического общества».

В конце 80-х гг. XIX в. приступил к изучению природных ресурсов юга Западной Сибири и приступил Томский университет. За счет своих собственных средств он организовал ряд экспедиций по изучению геологического строения Томской губернии, включая и ее южную часть, т. е. Алтайский горный округ. Значительным событием в истории сибирской геологии того времени стало открытие горного факультета в Томском Технологическом институте, сотрудники которого сыграли в дальнейшем важную роль во всех геологических исследованиях Алтая в конце XIX в.

Однако, несмотря на достаточно активную деятельность исследователей и разного рода общественных организаций по изучению природных ресурсов юга Сибири, включая и минерально-сырьевые, работа в этом направлении в целом проводилась все же спорадически. А чтобы определить пути развития экономики страны, необходимо было как минимум создать единую централизованную систему геологических исследований. Именно решая эту задачу, и было создано в 1882 г. первое государственное геологическое учреждение страны — Геологический комитет при Горном департаменте.

Основным законодательным актом, определившим деятельность нового учреждения, явилось «Положение 19 января 1882 г.». В соответствии с ним, главной задачей Геологического комитета стало систематическое изучение геологического строения территории России. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: составление подробной геологической карты страны, как научной основы прогноза и планомерного поиска месторождений полезных ископаемых, сбор полной коллекции горных пород и минералов, содействие другим ведомствам, а также частным лицам по всем вопросам геологии. В первую очередь, предполагалось изучение европейской части страны. Из других регионов научный и практический интерес для Геологического комитета представлял только Урал, как старин-

ный российский горнопромышленный регион. В начале 90-х гг. XIX в. в зону научно-практических интересов центрального геологического ведомства страны попала и Сибирь (в связи с проектировавшейся постройкой через ее территорию Великого рельсового пути).

Этот, самый амбициозный железнодорожный проект в истории России был связан, как известно, именем министра финансов С.Ю. Витте, роль которого в разработке основ железнодорожной политики российского государства в конце XIX столетия общеизвестна. Неслучайно, что самым впечатляющим из всех железнодорожных начинаний министра финансов стало строительство Великого Сибирского рельсового пути, с которым он связывал все свои надежды на ускоренное развитие Азиатской России. И, надо сказать, что С. Ю. Витте сделал очень много как для экономического обоснования сибирского проекта постройки железной дороги, так и для его реализации.

Он разработал достаточно полный проект экономического развития Зауральской России, представленный им на утверждение Комитету Сибирской железной дороги. Предложенный С. Ю. Витте проект освоения сибирского региона включал две главные позиции: строительство рельсового пути и создание обрабатывающей промышленности. Помимо этой основной цели, сибирская программа С. Ю. Витте включала также и задачи, изучения природных ресурсов, проведение крупномасштабных поисков полезных ископаемых, привлечение иностранного капитала в сибирскую экономику, в том числе и в отрасли горнодобывающего производства, переселение крестьян из европейского центра страны, создание развитой инфраструктуры в зоне действия Сибирской железной дороги.

К участию в железнодорожном проекте по строительству Транссибирской магистрали министр финансов привлек самых лучших специалистов в области железнодорожного дела. После долгих споров и консультаций, они остановились на направлении Сибирской дороги, пролегшем через Челябинск, Курган, Омск и Красноярск. Это означало, что железнодорожная линия должна была захватить северные районы территории Алтайского горного округа. В этой его части располагались Гавриловский и Гурьевский заводы, Егорьевские золотые промыслы и Салаирские серебряные рудники. С проведением рельсового пути кабинетская администрация Алтайского округа могла надеяться и на увеличение спроса на железо и каменный уголь. В качестве основных их потребителей должна была стать сама железная дорога и частная капиталистическая промышленность, возникновение которой предполагалось вдоль рельсового пути [2, л. 74 об.].

Следует отметить, что трасса Транссибирской магистрали в геологическом плане не была изучена. Это делалось прямо во время ее строительства. Выполнение этой важной работы было возложено на главное геологическое ведомство страны — Геологический комитет. В 90-х гг. XIX в. он приступил к исследованию отдельных частей Сибири для составления геологической карты и

изучения месторождений полезных ископаемых в этой части страны [3, с. 12]. Первоочередными являлись работы по геологическому изучению местностей, по которым проходил рельсовый путь. На геологическое изучение районов Транссибирской магистрали правительство выделило специальные кредиты правительства. Работы по геологическому изучению трассы начались в 1892 г. и продолжались 6 лет (до 1898 г. включительно). За этот период была проделана огромная исследовательская работа, давшая ценные материалы по геологии и геодезии Сибири, позволившая выявить сотни месторождений рудного и нерудного сырья, а также изучить лесные, водные и другие природные ресурсы. Итоги проделанной работы (отчеты и карты) публиковались в специальных изданиях: «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги» и в «Горном журнале». Общее руководство геологическим исследованием в районе Сибирской железной дороги осуществлял директор Геологического комитета А. П. Карпинский.

Во время строительства Сибирской железной дороги геологическая разведка велась по обе стороны пути, в створистной полосе. Общий план геологической разведки был составлен в соответствии с планом строительства Сибирской железной дороги. Целью геологических изысканий являлись поиски месторождений каменного угля, железных руд, цветных металлов, нефти, а также строительных материалов, которые могли быть использованы при прокладке железной дороги. Кроме того, предусматривалось изучение почвенных условий в районах строительства. Созданные в 1893 г., в столице, специальные геологические партии занимались преимущественно рекогносировкой местности, чтобы в последующие годы приступить к подробному изучению месторождений полезных ископаемых. Партии вели также работу по составлению геологической карты Сибири. Поскольку магистраль от Челябинска и до Оби проходила по безлесной местности, то здесь главная задача геологов сводилась к поискам на этой территории каменного угля. Кстати, к тому времени уже было известно, что наиболее богатые месторождения каменного угля находились в Томской губернии, главным образом, в Кузбассе, где располагались Кольчугинские коксующиеся угли, пригодные для создания крупной каменноугольной и металлургической промышленности.

Картина геологического изучения в районе проведения Транссибирской магистрали, в частности, на территории Алтая выглядела следующим образом. На основе данных предварительного обследования, проведенных в 1892 г., Горный департамент сформировал горную экспедицию для проведения геологоразведочных работ вдоль линии Сибирской железной дороги в Томской губернии. В целях быстрейшего завершения работ, экспедиция была разделена на три партии. Алтайский участок исследовала Западносибирская партия, в состав которой были включены известные в геологическом мире специалисты: горный инженер А. А. Краснопольский, два его помощ-

ника — горные инженеры Высоцкий и Иващенков, а также два геолога из Томского университета: профессор А. М. Зайцев и ассистент А. Н. Державин. Профессор минералогии Томского университета (с 1901 г. Технологического института) А. М. Зайцев в составе Западносибирской горной партии в 1894—1895 гг. исследовал местность вдоль железной дороги между Обью и Чулымом и северные отроги Кузнецкого Алатау. Им был выявлен ряд каменноугольных и железорудных месторождений [3, с. 12]. По полученным результатам проведенных работ ученым издал целый ряд отчетов и статейных публикаций. Объем проделанных исследований был впечатляющим. Помимо выполнения основных задач, А. М. Зайцев дополнительно, на средства своего университета, совершил несколько геологических экспедиций в верховья рек Кузнецкого Алатау. Здесь он изучал золотоносные местности (кстати, им здесь было открыто несколько золотых россыпей).

Изыскательские работы Алтайской партии в районе Транссибирской магистрали продолжались три года. В итоге, были получены самые подробные сведения о геологическом строении западной части Кузнецкого округа и пространства, заключенного между реками Томь и Обь. Проведенная разведка показала, что по своим качествам кольчугинский уголь подходил для Сибирской железной дороги. Геологи подсчитали, что только для среднего участка Сибирской железной дороги понадобится около 3, 5 млн. пудов угля в год. Геологическая съемка карты (в масштабе 10 верст в дюйме, по образцу съемки, производившейся уже Геологическим комитетом в европейской России), началась в 1895 г. с северной части Алтайского горного округа. Уже на следующий год А. М. Зайцев и В. С. Реутовский составили геологическую карту северо-восточной части Томского горного округа (в масштабе: 5 верст в 1 дм). Данная карта включала 12 листов и объяснительную записку [4]. Они же являлись авторами и других геологических карт. Так, в 1896 г. в Томской губернской чертежной ими были составлены «Карта северо-восточной границы Алтайского округа, Томской губернии, владения Кабинета Его Императорского Величества» и «Геологическая карта золотоносного района Томского округа».

Наибольшее значение для изучения угленосных залежей восточной части Алтайского горного округа имели работы А. Н. Державина, отдавшего много сил геологическому исследованию этого региона. Его многолетние исследования дали большой и ценный материал по геологии края [5, с. 24]. Этот геолог, ставший впоследствии самым лучшим знатоком Кузбасса, основательно изучил 45 месторождений каменного угля в юго-западной и северо-восточной частях Кузнецкого бассейна. Его мнение о запасах кузнецкого угля, имевших большое промышленное значение, являлось самым авторитетным в геологической литературе того времени. К числу главнейших угольных залежей края он относил Бачатское, Кольчугинское, Аральдинское месторождения, состоявшие из мощных угольных пластов, выходивших на поверхность земли. В результате ра-

бот А. Н. Державина и других геологов, в 90-х гг. XIX в. были определены границы угленосности северо-восточной части Кузнецкого бассейна и тогда же было открыто крупнейшее Судженское каменноугольное месторождение. Кроме этого, исследователи составили несколько геологических карт Кузбасса [6].

Во время строительства Сибирской железной дороги Министерство финансов страны и другие ведомства обратили внимание на вопрос о перспективах широкого развития добывающей промышленности в Сибири в целом, добычи железа и каменного угля в частности. Выполняя приказ императора Александра III, Комитет Сибирской железной дороги обратился в Министерство императорского двора с запросом о возможностях промышленной разработки кабинетских каменноугольных копей Прииртышья для обеспечения потребностей строящейся железной дороги в топливе [7, л. 1]. Кроме этого, на очередь встал и вопрос об использовании кузнецкого угля в этих же целях. Управляющий Комитетом министров в своем «Отчете о состоянии Томской губернии за 1892 г.» сообщил министру императорского двора о желательности скорейшей эксплуатации каменноугольных копей Кузнецкого бассейна в Алтайском округе [7, л. 1].

Итак, с 90-х гг. XIX в., стараясь соответствовать экономическим реалиям времени, обусловленных строительством железной дороги, императорский Кабинет тоже приступил к геологическому исследованию своих владений. Проведение железной магистрали по северной части округа давало надежды на развитие здесь новых отраслей горной промышленности: каменноугольной и металлургической. Исследования каменного угля и железных руд для кабинетских геологов стало настоятельной необходимостью. Строительство Сибирской железной дороги через северо-восточную часть Алтайского округа и железной ветки Семипалатинск-Барнаул заставило руководство Кабинета продолжить изучение полезных ископаемых на территории Алтайского округа.

Главное место в кабинетской поисковой политике, начиная с 90-х гг. XIX в., занимала разведка железной руды и каменного угля. Петербургское и окружное начальство организовало широкие разведочные работы для определения запасов магнитных, бурых, красных железных руд, золота, серебра на территории Кузнецкого края и Салаира. Кабинетские геологи проводили обследование магнитного железа в системах рек: Тельбеса, Мундыбаша и в окрестностях закрытого еще в 60-х гг. XIX в. Томского завода [8, л. 73 об.]. Параллельно изучались запасы бурого железняка в Салаире. Их поисками в Салаирском крае занимался — с 1892 г. — горный инженер Буштедт-2. Благодаря его усилиям, здесь были открыты солидные месторождения бурого железных руд [9, с. 91].

По поручению Управления Алтайского горного округа, в 1893—1896 гг. геологи А. А. Биль, В. А. Крат, А. А. Крупский и другие занимались поисками каменного угля, золота, различных полиметаллов и других полезных ископаемых.

В частности, такого характера работы (разведку каменного угля и железной руды) проводил в 1893—1894 гг. в северной части округа А. А. Биль. Разведкой рудных месторождений в Егорьевском районе занимался в 1895—1896 гг. геолог В. А. Крат. Здесь его партия выявила 166 месторождений полиметаллических руд и несколько месторождений золота. Горный инженер А. А. Крупский открыл в 1894 г., неподалеку от первого Салаирского рудника, месторождение золота [10, с. 118-120].

Тогда же началось детальное исследование Тельбесского месторождения, открытого еще в первой половине XIX в., но остававшегося неразведенным. Кабинетская администрация планировала начать разведку этого месторождения в 1893 г., но из-за его удаленности и труднодоступности работы в данном полевом сезоне ограничились только проведением колесной дороги к месторождению. Сами разведочные работы (с применением канав, шурфов, мелких алмазных скважин, закладкой штолен) были проведены в 1894—1895 гг. По оценкам кабинетских геологов запасы Тельбесского месторождения составили более 100 млн. пудов. Проведенный анализ руды этого месторождения дал высокое содержание железа и отсутствие примесей. Таким образом, были получены доказательства высокого качества руд Тельбеса, что еще в большей степени повышало ценность Тельбесского месторождения. По мимо Тельбесского месторождения осуществлялась разведка и других месторождений, в частности, магнитного железняка. Так, геолог А. А. Крупский провел предварительную разведку Одра-Башского месторождения магнитных железных руд, расположенного на левом берегу р. Тельбеса, напротив Тельбесского рудника.

Кабинетские поиски полезных ископаемых в 90-х гг. XIX в. оказались на редкость удачными. Обнаруженные запасы железной руды только на одном Тельбесском месторождении определялись миллионами пудов. Запасы других, не менее значительных месторождений магнитной руды, по подсчетам геологов тоже исчислялись сотнями миллионов пудов [11, л. 13 об.].

Итак, успешная кабинетская разведка 1893—1896 гг., проведенная на территории Кузнецкого бассейна, еще раз подтвердила наличие здесь запасов почти в 200 млн. пудов магнитных железных руд. С их находкой, на повестку дня вставал вопрос о необходимости использования этих богатых руд и строительства в этом районе нового металлургического завода. Проведение Сибирской железной магистрали, этого крупного капиталистического предприятия, заставило Кабинетское ведомство поставить вопрос о необходимости развития собственной каменноугольной промышленности в крупных масштабах.

Параллельно с вышеуказанными разведками, велось изучение и угольных месторождения края. Начиная с 1893 г., Кабинет старался выяснить потребности западного и средне-западного участков Сибирской железной дороги в каменном угле. Проведенные на средства Кабинета разведочные работы обнаружили в окрестностях действующей

Кольчугинской копи громадные запасы каменного угля высокого качества (до 270 млн. пудов) [12, л. 1]. Такой запас минерального топлива заставил Кабинет продолжить поисковые работы в этом районе. По мнению ученых и геологов-практиков, уникальное сочетание многомиллионных запасов залежей железных руд с такими же запасами каменного угля и дешевым строительным лесом, огромными месторождениями белой огнеупорной глиной создавало все условия для создания в Кузнецком регионе крупнейшего завода черной металлургии. Кроме того, полученные данные допускали организацию здесь дешевой добычи угля (в количестве несколько десятков миллионов пудов ежегодно в течение длительного времени).

Менее ус пешными оказались и результаты угольной разведки Кабинета в Прииртышском крае. Они показали, что мощные пласты угля в Прииртышских урочищах: Тым-Кудук и Ойнак-Сор, несмотря на хорошее качество, из-за особенностей их геологического залегания являются непригодными для их промышленной разработки [13, л. 1]. При этом их можно было разрабатывать открытым способом. В силу этого, они и были впоследствии, переданы частному Прииртышскому каменноугольному обществу.

В феврале 1895 г. в Кабинете, под председательством его управляющего П. Гудим-Левковича, состоялось совещание о каменноугольном деле на Алтае. На совещании было принято решение: увеличить (для потребностей железной дороги) добычу угля в Алтайском округе на средства Кабинета до 10 млн. пудов в год. В соответствии с данным решением, Кабинетское руководство запланировало дальнейшее проведение разведочных работ на Кольчугинской копи и организацию разведки другого месторождения, находящегося рядом с железной дорогой. Таковым было выбрано месторождение вблизи дер. Балахонки [14, л. 19]. На разведочные работы Балахонского месторождения Кабинетом было выделено 85460 руб. [15, с. 31] Этими работами было установлено большое скопление угля в системе рек Балахонки и Выдрихи. На этих богатых ресурсах Кабинет запланировал добычу угля в более широких размерах с целью удовлетворения будущих потребностей железной дороги, Обского и Томского пароходства, а также промышленных заведений. Всего планировалось добывать до 160 тыс. пудов угля в год. Но поскольку сбыт кольчугинского угля на Сибирскую железную дорогу был возможен только при существовании подъездного пути от месторождения до самой дороги, то Кабинет распорядился провести необходимые геодезические и другие подготовительные работы для строительства рельсового ширококолейного пути от Кольчугинской копи до станции Болотной Сибирской дороги. Стоимость предполагаемых работ определялась в 4,5 млн. руб. [15, с. 31]. Для осуществления этого решения были проведены только изыскания по намеченному пути. Остальные начинания ограничились лишь разведкой Кемеровского месторождения. Дело в том, что в 1897 г. право на организацию крупного железного дела и угольного дела по контракту было передано част-

ной компании — «Обществу Восточно-Сибирских заводов».

Итак, строительство Транссибирской дороги, развитие каменноугольной промышленности привели в 90-х гг. XIX в. к более активному геологическому изучению Алтайского округа, особенно его западной части и Кузнецкой котловины. В проведение начавшихся здесь исследований включился, наряду с Геологическим комитетом и Кабинетом.

Геологическую часть последнего была создана, как известно, в 1894 г. для планомерного и детального изучения запасов полезных ископаемых на территории округа. Председателем ее был назначен профессор геологии А.А. Иностранцев, его помощниками — два геолога: Б. К. Поленов и Г. Г. фон Петц. Новое геологическое ведомство учреждалось для проведения систематических ежегодных исследований на территории Алтайского округа. Главными задачами деятельности его нового учреждения являлось проведение геологической съемки и составление геологической карты Алтая.

Уже летом 1894 г. сотрудники Геологической части Кабинета приехали на Алтай для проведения предварительного обследования и составления исследовательской программы. Прибыв на место, они детально познакомились с особенностями края, посетили наиболее важные горные предприятия, осмотрели месторождения железных руд, рудного золота и угольные копи. Для осмотра такой огромной территории экспедиция разделилась на три части. В первую очередь ими была исследована местность, непосредственно прилегавшая к линии железной дороги.

Предварительное знакомство и осмотр месторождений полезных ископаемых произвели на членов экспедиции и самого А. А. Иностранцева большое впечатление. Сотрудники Геологической части воочию убедились в том, что на территории Алтая находятся сотни месторождений серебросвинцовых, медных, золотых руд, имеющих промышленное значение, каменоломни с цennыми породами цветного камня, десятки обширных каменноугольных пластов, чередующихся с находящимися рядом многомиллионными железными месторождениями, залежи огнеупорной глины, расположенных по берегам судоходных рек. Комиссия высоко оценила перспективы промышленной разработки угольных месторождений Кузбасса и магнитных руд бассейна р. Тельбес.

На основе полученных данных к началу 1895 г. Геологической частью Кабинета была составлена и утверждена программа предстоящих необходимых исследований. Главной их задачей являлось полное изучение всей территории округа и составление точной геологической карты Алтая. Поскольку выполнение такой обширной программы исследований было неосуществимо за короткий срок, то территория округа была разбита на три очереди по степени практической важности того или иного района для экономических интересов Кабинета. В первую очередь, Кабинет определил к геологическому исследованию Кузнецкий и Томский уезды, по которым проходила

железная дорога. Здесь находились богатейшие залежи кузнецкого угля и железных руд, салаирские золотые россыпи, с запада к Салаирскому кряжу примыкал обнаруженный горным инженером А. А. Билем Елбашский угленосный бассейн.

Вторую очередь составили Змеиногорский, Барнаульской и земледельческие районы Бийского округа, также запасами серебра, меди, свинца и золота. Кроме того, этот регион был важен и в сельскохозяйственном отношении. В последнюю очередь должен был обследован Горный Алтай, хотя и представляющий большой геологический интерес для Кабинета, но сильно удаленный от железной droги и не имевший развитых путей сообщений с последней.

Таким образом, к концу XIX в. были изучены большие площади Алтайского округа и уточнены запасы рудных месторождений и других при-

родных ресурсов на территории края. Проведенные геолого-разведочные работы показали, что на территории Алтая сосредоточены огромные запасы угля, полиметаллических руд с содержанием меди, золота, серебра, цинка, серы, золота, а также разнообразных поделочных камней и иного сырья. Во многих геологических местах обнаружили олово, кадмий, висмут, никель, хром, кобальт, и другие редкие природные металлы. Концентрация богатейших месторождений железных руд и коксующих углей создавала исключительно благоприятные условия для развития в регионе черной металлургии, чему в немалой степени способствовали и богатейшие в крае запасы угля, создававшие основу не только для развития последней и мощнейшей в стране каменноугольной промышленности.

Библиографический список

1. Адрианов, А. В. Отчет о поездке в 1881 г. по Алтаю и Саянам / А. В. Адрианов // Записки ИРГО по обществу География. Т. XI. — 1888.
2. РГИА. Ф. 468. Оп. 29. Д. 368.
3. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период четвертый 1889—1917 гг. / В. А. Обручев. — М., 1973.
4. Зайцев, А. М., Реутовский, В. С. Геологическая карта северо-восточной части Томского горного округа с объяснительной запиской / А. М. Зайцев и др. — Томск, 1896.
5. Яворский, В. И. Очерк по истории геологического исследования Кузнецкого бассейна / В. И. Яворский. — М., 1966.
6. Державин А. Н. О кузнецком каменном угольном бассейне // Геологические исследования по линии Сибирской железной дороги. Вып. 1. 1896.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 74. Д. 340.
8. РГИА. Ф. 468. Оп. 29. Д. 368.
9. Мамонтов, В. Н. Материалы к истории разведочного дела и поискового дела в Алтайском округе ведомства Кабинета / В. Н. Мамонтов // Горные и золотопромышленные известия. 1910. №11.
10. Исследователи Алтайского края. XVIII—начало XX века: Библиогр. слов. — Барнаул, 2000.
11. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1825.
12. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1819.
13. РГИА. Ф. 37. Оп. 74. Д. 340.
14. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1891.
15. Мамонтов, В. Н. Кемеровское месторождение каменного угля на р. Томи Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. (Отчет о разведках) / В. Н. Мамонтов. — Томск, 1910.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 29.04.09

L.N. Mukaeva

STUDING OF MINERALS OF THE ALTAI IN THE END THE 19th CENTURY

The article analyses studying of minerals of the Altai in the end the XIXth century. The source of base serve for article the publish and archive of materials.

Russian government, emperortal Cabinet, study, geology, geologists, scientists, maps, useful minerals, industry

УДК 902

Ю. И. Ожередов

К ИСТОРИИ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ШАР-СУМ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

В статье обобщены предварительные итоги исследований, проводившихся* на территории буддийского храма Шар-Сум в Ховдском аймаке Западной Монголии в 2004 г.

Западная Монголия, ламаистский храм, перестройка, возрождение храма, священнослужители, моления, барабан

В 2004 г. на левом берегу р. Буйант-гол, примерно в 3-3,5 км к северу от г. Ховд, у подножия одиночной горы Толгой (голова) завершилась история, заброшенного в 1990-е годы ламаистского храма

Шар-Сум (Желтый храм). На топографических картах монгольских и советских изданий он наименован Шара сумийн турь (Развалины Желтого храма) (рис. 1).

* Томским государственным университетом и музеем археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского

Причиной ликвидации храма, жители Ховда называют его отдаленность от города, создававшую неудобство для посещений. В перестроочный период, когда в полной мере вернулась свобода вероисповедания, культовый центр стал более востребован чем ранее, его посещения участились и приобрели массовый характер. Поэтому духовными и светскими властями было принято консолидированное решение приблизить храм к верующим, переместив его в центр города Ховда. Распоряжением губернатора Ховдского аймака от 08.06.1997 г. Шар-Сум был переведен в город (устная информация этнолога Ховдского государственного университета Д. Ганболда).

Для размещения было переоборудовано здание Дома культуры, в зрительном зале которого устроили алтарь, разместили культовый инвентарь, обустроили церемониальные места для лам. В соседних помещениях создали места для индивидуальных общений прихожан со священнослужителями и кабинет-резиденцию хамба-ламы, главы буддийской епархии Ховдского аймака. На территории был выстроен субурган, установлены старинный чугунный котел на постаменте, стойка с молитвенными барабанами «хурдэ», а перед входом в храм и перед воротами на территорию — каменные изваяния демонических львов-арсланов (рис. 2).

Согласно имеющимся фотоматериалам международной экспедиции Томского и Ховдского государственных университетов, еще в 1996 г. храм окружала кирпичная стена на бетонном фундаменте и сохранялась ступа-субурган (рис. 3). К 1999 году стена была разобрана на строительный материал, а ее фундамент и субурган разрушены. В неприкословенности оставалось только обветшавшее к тому времени храмовое здание (рис. 4). Внутри оно уже было пустым и безнадзорным. В 2000 г. разобраны кирпичные стены. Сохранились лишь бетонные конструкции — опорные столбы, балки перекрытий и фундамент (рис. 5), а к 2003 году со здания сняли крытую железом крышу (рис. 6). К 2004 году от здания остались лишь обломки бетонных конструкций да груды строительного мусора из битого кирпича и штукатурки (рис. 7).

Обследование архитектурных остатков, проведенное в 2003 г., показало, что здание было выстроено на железобетонном каркасе, поэтому не имеет отношения к комплексу старинных храмов, известных в окрестностях Ховда из литературных источников. По некоторым устным данным оно было отстроено в социалистический период на месте старого храма. Подтверждением вербальной информации стало непосредственное изучение памятника, начатое в 2004 и продолженное в 2005 году (1, с. 131-133; 2, с. 80; 73-74; 3, с. 255-256).

В 2004 г. экспедиция приступила к обследованию и обмерам, а в 2005 году с помощью лазерного теодолита-тахеометра Торсон GTS239N была проведена детальная топографическая съемка площади храма и части окружающей его территории (рис. 9). Однако, за недостатком времени завершить тогда работу в полном объеме не удалось. В результате осталась недокументированной восточная часть территории прилегающей к храму, где, как и

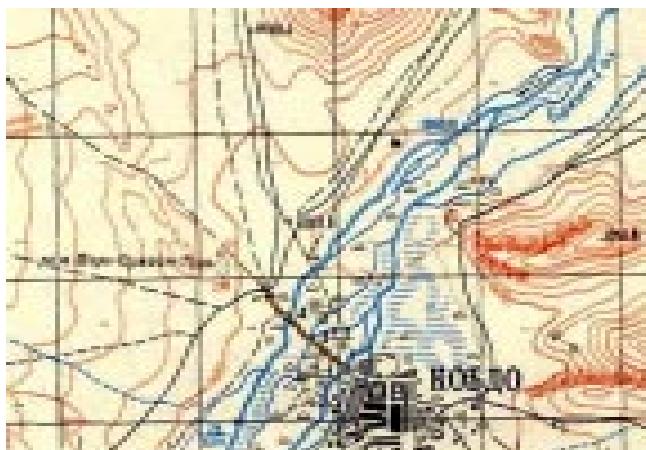

Рис. 1. Карта территории, прилегающей к г. Ховд с обозначением развалин храма Шар-Сум

Рис. 2. Здание бывшего Дома культуры в г. Ховде, где разместился храм Шар-Сум. Вид от ворот с Ю

Рис. 3. Храм Шар-Сум. 1996 г. Вид с ЮЮВ

на остальной площади, выявлены остатки архитектурных объектов.

Одновременно со съемкой генерального плана была осуществлена привязка храма к местности в единой мировой системе координат с использованием GPS приемника ($48^{\circ} 01' 22''$ северной широты и $91^{\circ} 35' 53''$ восточной долготы). Несмотря на точность тахеометрической работы, подлинные разме-

Рис. 4. Здание главного храма Шар-Сум. 1999 г.
Вид с ЮВВ

Рис. 5. Руины главного храма Шар-Сум в 2000 г.
Вид с ЮЮВ

Рис. 6. Железобетонный остов храма Шар-Сум и
планировки вокруг. 2003 г. Вид с СЗ

ры построек и планировок в целом отразить вряд ли удалось. Причина кроется в том, что остатки грунтовых и глиниобитных или сложенных из сырцового кирпича построек, некогда заполнявших территорию, со временем под воздействием природных сил оплыли и вышли из пределов первоначальных размеров. Теперь их истинные параметры могут быть установлены лишь путем стационарных археологических исследований. Обмеры с поверхности дают только предварительные характеристики, так как обусловлены субъективным представлением о границах тех или иных изучаемых объектов.

В ходе работ выяснилось, что на территории, занимающей пространство примерно в $0,6\text{--}0,7 \times 0,3\text{--}0,4$ км близ южного и северо-западного подножий горы Толгой, сохранились остатки архитектурных сооружений, локализующиеся в планиграфическом отношении в четыре условных комплекса — северный, западный, центральный и восточный. Предварительное разделение произведено на основе географической отдельности каждого из комплексов планировок относительно друг друга.

Остатки былых сооружений фиксируются на поверхности в виде рельефно проступающих валиков, ровиков, возвышений-платформ, бугров, напоминающих грунтовые курганы, западин, каменных и кирпичных выкладок (фундаментов?). Все эти проявления в рельефе выстраиваются в стройные системы условно названные планировками (рис. 7, 8). Термин, на мой взгляд, достаточно точно отражает смысл, так как фиксируемые данным термином архитектурные остатки фактически указывают на планиграфию былых сооружений и порядок их расположение на местности (ряды построек, проходы (улицы?) между ними, фортификации и т. п.) (рис. 9).

Центральный блок планировок представлен прямоугольным в плане храмовым комплексом, с продольными сторонами, ориентированными по линии северо-запад — юго-восток. С внешней стороны комплекс был огражден валом, с параметрами, варьирующими в современном виде в границах $69,6 \times 138$ — 77×149 м. По периметру с внутренней стороны почти по всей длине прослеживается достаточно контрастно выраженный в рельефе ров. К сожалению, вал и ров сохранились не одинаково хорошо на всем протяжении, местами разрушены и повсеместно оплыли, поэтому промеры даются по наиболее сохранившимся их участкам, не гарантирующим, тем не менее, первоначальную соизмерность. Средняя мощность вала 5,2 м при высоте около 1 м; ширина рва достигает 2,5 м при глубине до 0,5 м. Остатки платформ, на которых стояли культовые, хозяйственные и фортификационные сооружения также оплыли и промеры даются по их современному состоянию. Здание главного храма располагалось на отдельной платформе, выстроенной точно в центре комплекса.

В планиграфическом отношении комплекс был сформирован в стройную систему из трех параллельных линий построек. Центральная, самая наполненная строениями линия, включала с севера на юг четыре насыпные платформы: прямоугольную с круглым плоским возвышением в северной части ($29,3 \times 15,2$ м), подквадратную с храмовым зданием в центре ($25,4\text{--}26,7 \times 26,1\text{--}27,4$ м), прямоугольную поперечную с субурганом ($7,5\text{--}7,7 \times 9\text{--}9,2$ м) и аналогичную ей для воротной башни на линии вала ($7,5\text{--}7,7 \times 8,9\text{--}9,4$ м). С наружной стороны линию завершал вал, расположенный параллельно торцовой стороне комплекса ($1 \times 15,1$ м). Квадратное в плане здание храма по фундаменту имело размеры $15,3 \times 15,3$ м.

Западная линия построек состоит из трех платформ, сооруженных вдоль внутреннего рва на различном удалении друг от друга: две рядом и одна поодаль впереди. На крайней северной до последнего времени стоял хозяйственный объект ($5,9 \times 9$ м),

разрушенный одновременно с храмовым зданием. К югу от последнего располагаются две крупные прямоугольные насыпанные из грунта платформы установленные последовательно в ряд короткими сторонами друг к другу: ближняя, с параметрами $6,2 \times 15$ м, расположена в 11,9 м, а дальняя с параметрами $5 \times 6,9-7,3$ м находится в 28-29 м от предыдущей.

Восточная линия состоит из трех прямоугольных платформ тесно сгруппированных вдоль центральной части восточной стены. Соответственно с севера на юг их параметры составляют: $15,6 \times 5,7$ м, $5,1-5,4 \times 18,9$ м, $5,5-5,8 \times 7,6-7,7$ м.

Ворота, некогда расположенные в башне на линии вала и обращенные на юг защищал от лобового удара конницы, бастион в виде упомянутого вала мощностью 1 м, длиной 15,1 м, выдвинутый на 31 м в напольную сторону. Обычай устраивать в монгольских сумо ворота с южной стороны отметил еще путешественник XIII в. Гильом де Рубрук. По этому поводу он записал следующие наблюдения и пояснения к ним: «Все двери храмов отворяются на юг противоположно обычай сарацинов.. Около своего храма они всегда устроют красивый притвор, который замыкают крепкой стеной, и к югу устроют большие ворота, в которых садятся для разговоров. Над этими воротами они воздвигают длинный шест, чтобы он выдавался, если можно, над всем городом. И по этому шесту можно узнать, что этот дом — храм идолов. Это обще всем идолопоклонникам. Итак, когда я вошел в упомянутую кумирню, я застал жрецов сидящими у наружных ворот (4, с. 112, 114).

Предварительная реконструкция храмовой части Шар-Сум может выглядеть следующим образом. Внутри каре из рва и вала находилось несколько культовых строений. Главный храм, точно так же как ныне разрушенный его прототип, располагался на центральной платформе. Справа и слева на платформах меньшего размера стояли храмы следующего по значимости порядка. В центре крупной северной платформы на круглой насыпи была установлена юрта для обрядовых церемоний. С южной лицевой стороны от храма, на удалении 26 м стоял на платформе субурган (ступа). Далее примерно в 25 м к югу на линии внешнего вала располагалась башня с воротами. А в 31 м перед ней был насыпан вал-бастион для предотвращения стремительного лобового нападения на ворота. Таким образом, изучение планиграфических особенностей центрально-го комплекса указывает на то, что это была по существу цитадель, защищенная по периметру фортификационными сооружениями. Подобного рода планировка храмового комплекса являлась, видимо, достаточно привычной. Примерно таков же, например, план ныне музеифицированного храмового комплекса Чойжин ламын Сум (5, с. 308).

В фортификационном отношении Шар-Сум представлял собой небольшую крепость, защищенную одновременно искусственными и природными фортификациями. Что касается природных рубежей обороны, то они наблюдаются с севера, в виде выше названной одиночной горы, переходящей в другую гору, вытянувшуюся к юго-западу, а с востока и юго-востока в виде крупного оврага с достаточно

Рис. 7. Центральная планировка комплекса Шар-Сум. 2004 г. Вид с С

Рис. 8. Восточная планировка комплекса Шар-Сум. 2004 г. Вид с С

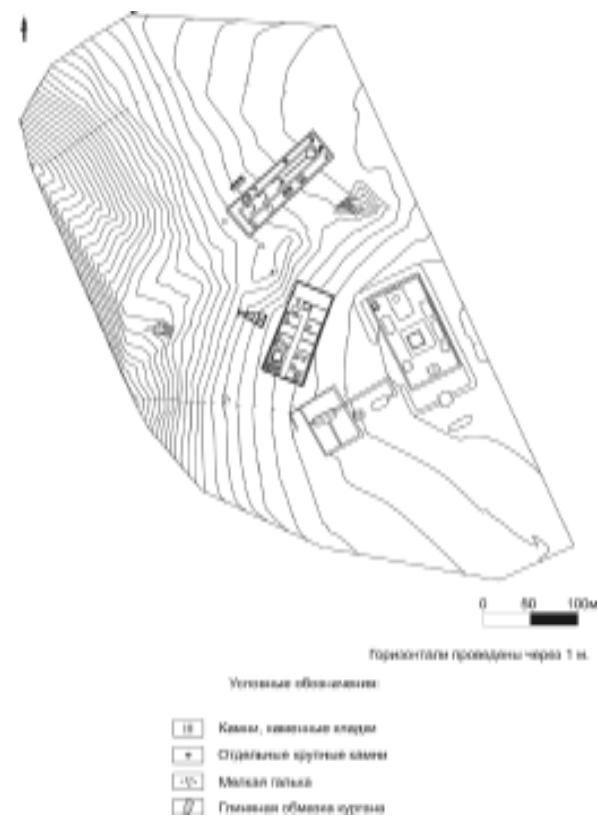

Рис. 9. Фрагмент генерального плана планировок комплекса Шар-Сум. Отсутствует восточный комплекс

крутыми стенами, достигающими высоты не менее 2-3 метров. Стены оврага по большей части доступны только спешенным бойцам, конные подняться здесь не смогут (рис. 8).

Западный комплекс планировок, состоит из двух самостоятельных не связанных между собой блоков. Первый из них располагается в 15 м к западу от центрального комплекса, под углом в 45°. Его границы оконтурены низким валиком из грунта и камней. Возможно, он является остатками внешней стены жилого комплекса, к которой изнутри примыкали постройки. Остатки фундаментов этих строений хорошо различимы на поверхности. В плане комплекс имеет форму неправильного прямоугольника с размерами 44 × 52 × 101 м. Длина коротких стен расходится примерно на 4 м, поэтому долевые стены расположены не параллельно, а под углом друг к другу. По предварительной оценке внутри периметра располагалось одиннадцать построек: пять вдоль западной и шесть вдоль восточной стены. Кроме того, фиксируются прямоугольная и фигурная ямы у западной стены и прямоугольный фундамент по центру в проходе (улице) между двумя рядами построек. Северная часть представляет собой свободную от строений площадку примерно 15 × 40 м. Самые крупные из строений внутри комплекса достигали приблизительно 15,4 × 17,6 м.

Второй блок находится в 48 м от центрального комплекса и располагается практически параллельно западной стене последнего, представляя собой почти правильный прямоугольник 33 × 39,6 × 44 м. Долевые стены различаются по длине примерно на 5 м, поэтому контур имеет неправильную форму, оконтуренную заметным на поверхности грунтовым валиком. Внутреннюю поверхность два таких же валика рассекают на три неравные части. Один из них выходит наружу на 37 м в сторону храмового комплекса, а у окончания загибается в форме остроугольного меандра и заканчивается у овальной насыпи с параметрами 15,4 × 6,6 м. Назначение данной планировки пока неясно.

Северный комплекс расположен за горой Толгой (48° 01' 69"; 91° 36' 30") и представлен сложной конструкцией составленной из двух линий рвов и валов, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. По всей вероятности, напрямую с храмовым комплексом он не связан.

В плане — это прямоугольник 120-122 × 35-36 м с закругленными углами. Контур памятника очерчен валом шириной 2 м и высотой 0,1-0,3 м. Изнутри к нему примыкает ров шириной до 0,4 м, глубиной 0,05-0,1 см. В западной, торцовой стороне оставлен проход 2,5 м. За внешней линией — вал — ров следует, внутренняя линия — ров — вал. Ширина рва 1 м, глубина 0,05-0,1 м. Ширина вала 1,2-1,6 м, высота — 0,05-0,3 м. В границах внутреннего контура, по продольной линии выстроены — в цепь — насыпные платформы: три прямоугольные на небольшом расстоянии друг от друга и отдельно у северо-восточной стены круглая. Между крайней прямоугольной и круглой выложена полоса из камней. По контуру круглой платформы прослежена дуга длиной в 9 м, сложенная из 25 примерно равных по габаритам каменных плиток, ус-

тановленных на ребро. Между рвами у северо-восточного торца располагаются в ряд два овальных и два круглых возвышения с разно-форматными камнями в основании. В двух случаях насыпи заполнены глиной, доставленной со стороны. В ближайшем окружении нет глинистых почв, поэтому случайное ее появление исключено. В одной насыпи встречено нечто похожее на известковый строительный раствор. Под центральной круглой насыпью просматривается прямоугольная каменная оградка, в центре которой лежит блок, напоминающий поваленную стелу, а у восточной насыпи видны остатки деревянного столбика диаметром 8 см.

В 12 м, к северо-западу от внешнего вала, располагается площадка (1,4 × 12 м), выложенная мелким камнем. В пространстве между внешней и внутренней линий рвов и валов отмечено семь случаев нарушения поверхности траншеями и отвалами грунта — остатками окопов и брустверов армейского тренировочного комплекса 1970—1980 годов.

На основании данных планиграфии, рассмотренный объект весьма сильно тяготеет к типу памятников, именуемых в литературе тюркские ханско-княжеские поминальники. Исходя из размеров и планиграфических особенностей данный объект, по классификации В. Е. Войтова может относиться к типу №I [6, с. 27]. Вместе с тем, в известном ряду такого рода поминальников Монголии, прямых аналогов наш вариант не находит. Он гораздо крупнее известных и сложнее их по своему устройству.

Восточный комплекс планировок занимает обширную площадь соответственно к востоку от храма и представляет собой сложную архитектурную систему (рис. 8). Детальная его съемка пока не произведена, но по предварительной оценке визуально фиксируемых признаков, на данной площади располагалась целая группа разнотипных построек. Помимо остатков фундаментов, на тоже указывает находка двух кубических каменных баз с круглыми в сечении отверстиями для колонн и двух каменных блоков шестигранной в сечении формы, возможно, также служивших опорами для колонн (рис. 14-16). Аналогичные базы известны достаточно широко в центрально-азиатской храмовой архитектуре китайского типа. В частности, они имеются в комплексе строений древнейшего Монгольского дацана Эрдэни-Цзу (-Дзу) («драгоценнейшее сокровище») (Искусство....1986. С. 100).

В целом имеющиеся на сегодняшний день сведения дают основания для предположения о существовании на данной территории остатков архитектурного комплекса более раннего происхождения, нежели разрушенный в 1990—2000-е годы.

О существовании на этом месте в XIX в. храмового комплекса имеются упоминания в публикациях русских официальных лиц и ученых. В 1864 гг. Хобдо (иначе — Кобдо, ныне — Ховд) посетил с поручением от томского губернатора председатель томского статистического комитета князь Н. Костров, который по возвращению достаточно обстоятельно изложил историю своей поездки в местной печати (в «Томских губернских ведомостях» — Ю. О.). Однако, несмотря на предоставленную возможность побывать в Шар-Суме, Костров, к сожа-

лению, упоминает о нем буквально вскользь: «Перед Хобдо встретили нас два Китайских дзюргана (офицера), посланные к нам от амбынов (губернаторов). Они предложили еще до города заехать в их кумирню или курэ, род монастыря, где живут их ламы, для того, чтобы отдохнуть и выпить чаю, который был уже приготовлен. — Принявши их приглашение, осмотрев кумирню и проведя там с полчаса, мы отправились в город, где остановились в отведенном нам помещении, в здании очень похожем на кумирню. В кумирнях или молельнях, обнесенных квадратною, большей частью двойною стеною, кроме самой молельни есть несколько строений, где китайцы отдыхают после моленья...» [7].

Задержаться в «курэ» перед городом, двигаясь с севера от российской границы, путники могли только в Шар-Суме, располагавшемся ввиду города у трактовой дороги под южным склоном перевала Хоту-Хутэл. Далее недолгая дорога спускается к р. Буянт, на противоположном берегу которой стоит город Ховд. Если путников встретили перед городом, а после отдыха они сразу же отправились в его пределы, то вполне очевидно, что отдыхали они в близком соседстве с Ховдом, где кроме Шар-Сума других храмов не было.

Городу автор уделил несколько больше внимания, затронув в описании административную его часть в форме китайской крепости и отметив наличие трех «кумирен» у торговой части, именуемой Маймачин Хото. Важным, в настоящем случае, является упоминания того, что Кобдо, на данный момент, был типично китайским городом с населением в 1000 человек. Отмечен, кроме того, факт, что монголов среди жителей города почти нет, но большое их число проживало в юртах близ города. В продолжение темы китайской архитектуры, Костров заметил, что односкатные одноэтажные постройки сложены из каленого кирпича, окна которых закрывают большие подъемные рамы с частым переплетом, забраным проклеенной бумагой. Автор не забыл упомянуть о кумирне в крепости и о красоте отделки храмов, а также о том, что в городе проживает 300 лам. Интересно и то, что две «кумирни» около Маймачин-Хото имели названия со звучными алтайским мифологическим эпонимами — Кезер Бурхан и Эрлик-Бурхан (1869. 13.05). В данных наименованиях вполне очевидны проявления тюркских языческих коннотив, привнесенных в местный ламаизм .

Важная информация о дацане имеется в работе Г. Н. Потанина, который несколько раз посещал в своих путешествиях г. Кобдо, а с октября 1876 по март 1877 года вместе с супругой Александрой Викторовной прожил в нем вплоть до продолжения своего путешествия в «Китайский Туркестан» [8, с. 28, 29]. В последствии он писал: «На левом берегу Буянты, против города, находится ламайский монастырь, выстроенный, говорят, на счет [китайского] императора; в нем живет гэгэн» [9, с. 63]. При описании Кобдинского округа исследователь отметил два типа монастырей по их организации — хощунные и резиденции гэгэнов. В этой связи, он писал: «Кроме хощунных хурэ, для двух хощунов — Мингытского и Олётского — построен на счет

Китайского императора большой монастырь около Кобдо — на противоположном (левом) берегу р. Буянты; в этом монастыре имеет местопребывание гыгэн, которого монголы в отличие от других зовут аргыгэн (ари гэгэн — по монг. Ю. О.); он обыкновенно присылается из Пекина. Земель и шаби, приписанных к монастырю, как это обыкновенно бывает при халхасских гыгэнах, у кобдинского гыгэна нет». И далее автор вновь возвращается к этой теме: «В Кобдинском округе только два гыгэна, из коих один живет в городе Кобдо; он назначается из Пекина, живет в монастыре, построенном на счет императора близ города на левом берегу р. Буянты и называется монголами аргыгэн (задний гыгэн)» [10, с. 40, 78-79].

Исходя из топографии окрестностей г. Кобдо и принадлежности дацана олётам, упоминание Г. Н. Потанина несомненно относится к Шар-Суме. Судя по всему, об этом же монастыре, писал А. М. Позднеев, который приводит его тогдашнее название «Тугэ-мэль амурчигулухчи сүмэ». По другому источнику дацан назывался несколько иначе, но в весьма схожей лексической форме: «Улдийн Тугээмэл амаржуулагч шар сум [11, таблица].

Дополнительным основанием к отождествлению информации с данным дацаном может быть упоминание А.М. Позднеева о том, что данная кумирня построена «на счет того же императорского казначейства» [12, с. 13], что солидарно со сведениями Г. И. Потанина. Кроме того, он пишет, что у этой «кумирни», единственной из всех, что ему довелось видеть, сохранились «остатки от байшинов — жилых помещений, когда-то проживавших здесь лам» [12, с. 13]. Вероятно, речь шла именно от тех зданиях, строившихся обычно из «сырцового кирпича», основания которых были зафиксированы при изучении территории, прилегающей к храму. Последнее замечание наблюдателя крайне важно в том плане, что о проживании лам автор говорит в прошедшем времени. Следовательно, уже в его бытность существовали развалины, считавшиеся стариной.

Учитывая, что г. Кобдо был основан в 1731 г. [13, с. 101], нужно полагать, что Шар-Сум, отстроен не ранее этой даты. Считается, что населенные пункты Монголии в XVIIIв. возникали близ стационарных монастырей. Очень долгое время монгольские монастыри не стояли на месте, а постоянно кочевали, подчиняясь обычным годовым хозяйственным циклам скотоводов. Буддийский монастырь монгольского типа хурэ (круг), как и поселения обычных монголов, состоял из нескольких юрт, которые монахи-ламы перевозили в разобранном виде вместе со всем культовым скарбом с места на место по мере надобности. Поэтому возникновение поселков городского типа связывают именно с теми дацанами, которые прекратили перекочевки [13, с. 101]. Частичная, оседлость населения также обуславливалаась политикой цинской администрации, активно обустраивавшей в этом отношении присоединенные территории. Так, с 1755 г. в район Кобдо переселяются урянхайцы, близ Улангома расселяются дюрбеты, байты и хоиты, а в 1762 г. путем объединения всех западно-монгольских земель создана особая административ-

ная единица «Кобдосский округ Цинской династии» [14, с. 219-220]. Конечно, за этим не стояло стремления полностью прекратить перекочевки местных скотоводов, что было бы губительно для их хозяйства. Но вполне очевидна ориентация внутренней политики на то, чтобы привязать население к определенным контролируемым администрацией территориям. Одним из ее проявлений стали строительства стационарных резиденций гэгэнов. По данным Д. Майдара, в начале XX в. в Монголии насчитывалось более 700 стационарных монастырей, где было более 4 тысяч храмов. При этом распространению буддийской религии и разрастанию числа духовенства активно способствовали маньчжурские завоеватели и монгольские феодалы [15, с. 64].

Возможно, что эти события находятся в причинно-следственной связи, так как ставка аргыгэна была основана рядом с городом, занявшим удобную во всех отношениях долину р. Буйант, представляющую собой стратегически выгодную позицию на пересечении караванных путей почти в абсолютном географическом центре Западной Монголии.

нем предшественнике — «средневековом храме», как выразился информатор. Батка с юных лет и до совершеннолетия оставался воспитанником храма, поэтому неплохо знает его прежнее устройство и наслышан об истории дацана.

Проверить это в их правоте. По словам хамба-ламы, на строительство резиденции была израсходована очень крупная сумма в 550 000 лян серебра. При весе одного ляна 37,301 г., в материализованном эквиваленте стоимость строительства «весила» приблизительно 20515,55 кг чистого серебра, [см. 16, с. 368. Таблица мер и весов], то есть речь идет более чем о 20 тоннах драгоценного металла. Насколько верны эти данные судить трудно, так как проверить этот факт пока не удалось.

Шар-Сум, несмотря на то, что хронологически был пятым в ряду отстроенных на кобдосской территории дацанов, вскоре после возведения стал са-

мым крупным буддистским духовным центром на территории ойратских племен Западной Монголии. Ламы, получившие в нем духовное образование, расходились по всей Центральной Азии с проповедями ламаизма и с целью устройства новых очагов буддийской веры. Шар-Сум был заселен и обслуживался ламами олётского происхождения. В конце XVIII в., по словам Батки, в дацане проживало 4500 лам, но к концу XIX в. число их сократилось до 1000. Следует заметить, что последняя цифра не соответствует данным, приведенным Н. Костровым (300 лам) и требует уточнения. В 1980—1990 гг. число обитателей дацана сократилось с 27 до 4 человек, а затем он перестал быть местом проживания лам и они из него ушли (Устная информация хамба-ламы Батки). На этом окончательно завершилась история Шар-Сума как дацана, в котором постоянно проживали монахи и послушники. Но в качестве храма объект продолжил свое существование вплоть до недалекого прошлого.

Самым интересным, но, к сожалению, и самым темным сюжетом из рассказа хамба-ламы стала история о некогда существовавшем на этом месте «средневековом храме». Старики ламы еще в годы его юности говорили, будто бы это был небольшой, но очень старый храм. Шла ли речь о храме XVIII века или более раннем, Батка не знает, но по некоторым косвенным указаниям, предание могло повествовать о достаточно раннем периоде. Однако данная версия пока весьма гипотетична и требует дальнейшего исследования.

Помимо сведений из исторического прошлого, хамба-лама сообщил о некоторых архитектурных особенностях последнего храма. В частности, он упомянул о располагавшихся снаружи, за стенами храма, комплексах жилых (байшины) и хозяйственных строений, а также о колодце с питьевой водой, располагавшемся близ ворот, с внешней стороны стены. Со слов хамба-ламы, в XIX в. монахами Шар-Сума была создана серия рисунков с видами дацана. Ныне они хранятся в главном храме олётов в Улан-Баторе и, безусловно, являются важным источником по архитектурному устройству и убранству старого Шар-Сума.

Рис. 10. Концевые диски и сливники

Как уже говорилось выше, непосредственное обследование местности подтвердило информацию устных и письменных источников о наличии здесь некогда крупного архитектурного комплекса. А точнее — нескольких, возможно, разновременных объектов, располагавшихся с обеих сторон от храма, на что, в какой-то мере, указывает разно-векторная ориентация фиксируемых на поверхности следов развалин.

О вероятной разновременности отмеченных планировок свидетельствуют находки с поверхности и предметы, вырытые в 2004 г. бригадой сборщиков железного лома, которые продемонстрировали свои случайные находки. Среди последних присутствовали обломки, по меньшей мере, трех типов строительного кирпича, фрагменты керамической лепнины и китайской глиняной черепицы, практически неизвестные в отделке храма разрушенного в 1990-е годы (рис. 10-13). Уже этот факт доказывает наличие ранних построек, которые, возможно, подвергались ремонтам и перестройкам. На поверхности встречаются каменные базы для установки в них деревянных колонн (рис. 14-16), фрагменты глиняной толстоственной глазурованной и серой гончарной посуды, чугунных котлов и детали оформления кровли зданий — «фаедин», свидетельствующие о прежних постройках китайского типа и некогда активной жизни на ныне заброшенной территории. Среди них обломки керамических декоративных масок, фрагменты драконов, некогда украшавших крышу, декорированные пластины — элементы фриза, украшавшего края карниза под кровлей «бао фэнъ бань» (Рис. 17, 18).

Среди находок с поверхности, одним, из достаточно надежных культурно-хронологических диагностиков, может выступать глиняная черепица. Обнаруженные на территории Шар-Сума фрагменты серо-глиняной цилиндрической черепицы именуемой китайцами *ва* демонстрируют два ее обычных вида: нижняя широкая с торцовыми сливами-фестонами (сливы, отливы, капельники — Ю. О.), украшенными масками *tao-te* или растительной розеткой и узкая, перекрывавшая сверху швы между широкими нижними черепицами. Концевые диски последней также украшают *tao-te*, имеющие три стилистические разновидности, которые, видимо, имеют хронологическое различие (рис. 9) [1, с. 131-133].

Вопросу хронологических отличий в китайской глиняной черепице много внимания, в свое время, уделил С. В. Киселев. При изучении древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока им были выделены три основных типо-хронологических варианта черепицы: ханьский, танский и предмонгольский [17, с. 159, 165, 170]. В нашем случае представляет интерес третий тип, распространявшийся в XI—XII вв. Интерес к нему обусловлен особенностями декоративного убранства концевых дисков узкой верхней черепицы и сливников-фестонов нижней широкой черепицы. Кстати сказать, С. В. Киселев установил, что украшения концевых дисков появляются только с эпохи Чжань-го [18, с. 311]. Важным диагностирующим признаком черепицы третьего типа стало изображение на концевых дисках бородатой оскаленной личины, так называемой маски *tao-te* (др. написания — Тао-Те, таоте — Ю. О.), в кольце «жемчужника», а также подтреугольных сливов с растительным узором [17, с. 170].

Тема данного образа имеет долгую и непростую историю, которая продолжается до сих пор и тем самым требует внимательного изучения в контексте интереса, проявленного непосредственно к Шар-Суму. В иконо-

Рис. 13. Фрагмент сливника с цветочной розеткой

Рис. 14, 15. Каменные базы для деревянных колонн поддерживающих крышу

Рис. 16. Каменный блок, возможно, база для колонны

Рис. 17. Обломок керамической отделки фриза

Рис. 11. Концевой диск черепицы «ва» с маской тао-те

Рис. 12. Фрагмент сливника с маской тао-те

Рис. 18. Деталь головы дракона (нос и зубы)

графическом и семантическом смыслах *tao-te* — существо одинаково наделенное зоо- и антропоморфными признаками, которые в том или ином случае могут проявляться как пропорционально, так и доминировать друг над другом до полного исчезновения антипода. На антропо-зооморфную сущность тао-те указывают отдельные его черты. В свое время С. В. Киселев подметил, что концевые диски верхней черепицы древнемонгольской столицы области Илан-чжоу (современная Тува) именуемой Дён-Терек (по тувински «Тополь на бугре») на р. Элегест, делятся на два типа не только по их размеру, но и по различию оформления ушей у демонических персонажей: на больших дисках это уши животного, а на малых — человека [17, с. 172, рис. 2; 19, с. 72-73]. Известно несколько китайских изображений, на которых маска *tao-te* органически соединялась с туловищем человека. Один из монстров, вырезан на мраморном соусе из Аньяна, — это человек, лицо которого заменено огромной маской *tao-te* очень большими разветвленными рогами. Аналогичные этой фигуре антропоморфные изображения встречаются изредка и в бронзе [20, с. 86]. Точно также на туловище человека изображены маски месопотамских Хумбаба и Энкиду. Что же послужило столь сильной популярности *tao-te* на огромной территории Евразии?

Антропоморфной разновидностью того же персонажа считаются изображения на бронзовых дверных ручках в доме у колхоза «Сила» в Минусинской котловине и на фресковых росписях у горы Лао-Тье под Порт-Артуром [21, с. 80-82, рис. 33, 40]. Установлено, что близкие по форме личины располагаются на воротах во внутренний храмовый комплекс дацана Эрдэни-Цзу (-Дзу) [22, с. 100].

Китайский миф рассказывает о «Тао-Те» как о неком существе антропофаге, олицетворявшем вселенский хаос, тьму и разрушительные силы, вечно противостоящим светлому и созидальному началу — божественной сути мироздания. В древних представлениях это «алчный зверь», в буквальном смысле — обжора, чудовище-пожиратель. Его изображали в виде чудовища-монстра, феникса или дракона с вечно раскрытой оскаленной пастью с большими клыками, крупными, как бы раздутыми горячим дыханием ноздрями, с огромными круглыми выпученными глазами, большими ушами, с мощными надбровными дугами и крупными разветвленными рогами, обычно изогнутыми в затейливые спиралеобразные изгибы. [23, с. 26; 24, с. 138; 20, с. 85; 25, с. 329].

Происхождение мотива обычно связывают с эпохой Шан-Инь, где *tao-te* наносили на жертвенные сосуды как символ поглощения жертвы (первоначально человеческой). Считается, что данное изображение кодифицировал еще легендарный император Яо, а в последствии мотив контаминировал с индуистской и буддийской традицией изображения Киртимукха, что произошло не позднее эпохи Тан. Следует отметить, что подлинное значение маски китайцами было утрачено уже ко второй половине I тыс. до н. э. В цинское время он ассоциировался с апотропеем, ограждающим от злых воздействий [24, с. 138; 20, с. 85].

Такую же роль отводят С. В. Панкова маскоидам *tao-te*, татуированным на плечах умершего из раннеташтыкского могильника Оглахты — VI [26, с. 123]. Осмысление данного изображения в качестве символа могущественного демона оберега от злых сил, подобного буддийским хранителям истинной веры докшитам, определило дальнейшую его популярность и устойчивость в мировоззрении широкого круга культур и народов. Не исключено, что обоснование идеи существования докшитов, также базируется на древней мифологеме о человеке-звере.

Представляется, что изначально этот персонаж имел прототип, одинаково бытовавший в представлениях населения большей части континента уже в глубокой древности. Насколько глубока эта традиция можно судить по наскальным изображениям так называемых маскированных персонажей, людей ряженых в маски животных, подобно широко известному «колдуну» из французской пещеры Тура Фрер [27, с. 27]. Например, зверо-антропоморфы присутствуют в иконографии Передней и Средней Азии: в шумерско-аккадской мифологии они облечены в облики выше упомянутого чудовища хранителя кедрового леса Хумбаба (Хумвава) и зверо-человека Энкиду, спутника Гильгамеша [28, с. 706-707; 29, с. 297]. В этруском и античном греческом искусстве, видимо не без участия передневосточной мифологии и идеопластики, со временем появляется образ чудовищной Медузы Горгоны, трансформировавшийся в скифской металлопластике в облик привычной скифам змееногой богини [30, с. 95-97], кстати, точно также симбиотичном зоо-антропоморфном существе. Очевидно, со скифскими образцами данный образ приходит в искусство Бактрии и прилегающих к ней территорий. Показательно, что в Амударыинском кладе содержались серебряные бляшки со зверовидной личиной, датируемые V в. до н. э. [31, с. 10]. Долгожительство сюжета в Средней Азии доказывает изображение в «умбоне» эрмитажной серебряной чаши V—VI вв. н.э. Ошибочно определенная К. В. Тревер как греко-бактрийская, она, тем не менее, сохраняет изобразительный пласт предшествующей эпохи и отражает единство взглядов населения громадной территории [32, с. 42. Рис. 21, 22]. Не исключено, что прототипом этой маске были все же не античные, а китайские или индийские буддийские образцы, известные, возможно, уже у хотано-саков, одних из наиболее ранних буддистов Восточного Туркестана кушанского времени. А также у населения соседнего Крорайна, часть из которого составили выходцы из Индии. А собственно сам Хотан долгое время находился под культурным воздействием Индии, Китая, а затем Тибета [33, с. 9; 34, с. 202, 267-268]. Изображения зверо-человека в Индийской статуарной пластике появляется довольно рано и связано с перевоплощениями отдельных персонажей пантеона божественных существ, одним из наиболее ярких представителей которого, стал Шива. Так, например, его перевоплощение в образ Нарасимхи сопровождается скульптурой человека-льва [35, с. 108. Рис. 5], с личиной весьма напоминающей привычный *tao-te*.

Данное перечисление синонимических образов интересно в контексте сходства представления о человеке-звере на весьма отдаленных территориях. Так, например, К. Хэнце, выдвинул предположение о том, что *tao-te*, судя по ее ведущей роли в орнаменте, должна была играть главную роль в верованиях, но в силу того, что эта роль не отражена в древних текстах, она нам просто неизвестна. Исследователь пришел к выводу, что за *tao-te* скрывается высшее божество иньцев, связанное с луной. С этими мыслями солидарен американский синолог Ш. Камман, считающий, что маска могла символизировать «небесного бога» Шанди или Небо. Однако существует и другое мнение, трактующее данный образ как отражение божества родоначальника джоусцев Хоуцзы [20, с. 85, 86]. Шанди в китайской народной религии олицетворял Верховного Предка, что ставило его на неизмеримую высоту и одновременно отдаляло от житейских дел [36, с. 71].

В свою очередь И. Ю. Шаубе, вслед за рядом исследователей, говорит о том, что в осмысление «туземного» населения Боспора змееногая богиня со звероподобной личиной, не что иное, как греческая Медуза Горгона. Таким образом, в эллинистическом мире точно также как в Китае за маской скрывается существо сакрального порядка [36, с. 94-99]. Со временем маски зверо-людей стали очень популярны в скифоидных культурах Сибири. В частности, они обычны среди пазырыкских древностей [37, с. 69], где в деревянной пластике напоминают китайские резные личины середины I тыс. до н. э. южнокитайского царства Чу [20, с. 86]. Но эта тема имеет продолжение на еще более отдаленных территориях. В мифологии таежных народов можно отыскать близкие аналогии, как в описательной, так и в иконографической части. Не углубляясь в данное направление, отметим только один яркий персонаж из таежного пантеона, выделенный, в свое время, Г. И. Пелих. Она нашла в селькупской пластике и описала образ широко известного сакрального существа Кандальдука. При всей семантической неоднозначности этого персонажа, он, тем не менее, постоянен в облике зверо-человека [38, с. 40-42]. Такое совпадение вряд ли объяснимо случайным сходством, так как такие «случайности» при углубленном изучении темы, судя по всему, будут обнаруживаться повсеместно.

Что же касается архитектурного декора, то в буддийских постройках, особенно китайского типа, *tao-te* многократно отмечены на зарубежной материковой (Корея) и островной (Япония) частях Дальнего Востока [18, с. 311, 313-314]. На российской территории она также неоднократно встречена, например, в развалинах буддийских комплексов Приморья XII—XIII вв. — на Николаевском 39, с. 295] и чжурчженском Суйфунском 40, с. 109, рис. 2] городищах, а также храма XIII—XV вв. на Тырской скале в низовьях Амура 41, с. 121, 123. Рис. 1, 6, 21]. Антропоморфные разновидности *tao-te*, как уже указывалось выше, найдены на дверных ручках дворца в Минусинской котловине [21, с. 80-82, рис. 33, 40]. Близкие по форме личины располагаются на воротах во внутренний храмовый комплекс

монгольского дацана Эрдэни-Цзу (-Дзу) [22, с. 100]. К западу от Монголии *tao-te* известны в Казахстане, например, на остатках крупного монастыря на р. Сумбе, датируемого XVIII—XIX вв. 24, с. 136, 138. Рис. 2, 4-1]. А в завершении этой темы напомню, что изображения зверо-человека Кандальдука украшали оконные наличники селькупских домов Нарымского Приобья [38, с. 41].

Относительно хронологического предела существования названного типа концевых дисков С. В. Кисилев, в свое время, высказал предположение, согласно которому их украшение жемчужником, популярным в танское время, со второй половины XII в. полностью прекращается [17, с. 171]. Следуя такому выводу, черепица с жемчужным обрамлением масок *tao-te* просуществовала не полных два столетия и ушла из декоративного убранства концевых дисков. Вместе с тем, традиция украшения черепицы личинами *tao-te* на этом не прервалась. В полной мере она продолжается в дворцовой и храмовой архитектуре периода монгольского владычества и существует после него. Ярким тому свидетельством может стать, например, черепица храмового комплекса первого оседлого дацана Эрдэни-Цзу (-Дзу), древнейшие постройки которого относятся к 1586 г. и ассоциируются с именем Абатай-хана [13, с. 100; 42, с. 50, рис. 12, 14], а также черепица с упомянутого выше дацана на р. Сумбе в Казахстане. Судя по находкам, в казахстанском храме Сумбе не утратилась и манера украшения концевых дисков с *tao-te*, обрамляющим жемчужником [24, рис. 2.2]. Вероятно, она и не могла прерваться, так как эти два элемента явились эпической составляющей мифологического образа дракона играющего с жемчужиной. Сюжета переданного в данном случае не прямым, а символическим текстом.

Имеющиеся на территории Шар-Сума фрагменты серо-глиняной черепицы демонстрируют три стилистические разновидности концевых дисков *tao-te* и две разновидности сливов. При этом большая, а на двух типах абсолютно преобладающая часть рисунков выполнена контурным валиком. И только объемная лепнина на дисках первого типа стилистически сильно выделяет их из ряда других (рис. 9). Маски первого вида выделяются скульптурностью образа и присутствием антропоморфных черт, переданных контрастно выступающим носом и широко распахнутыми выразительными глазами, обрамленными длинными ресницами под кустистыми бровями.

Два следующих варианта отличает плоскостное изображение, выполненное контурным валиком. При этом образы преподносятся с высокой степенью стилизации, увеличивающейся от одного варианта к другому. При этом второй изобразительный вариант стилистически близок к способу передачи личин на капельниках, что подразумевает их орнаментальную комплектность и, следовательно, синхронность.

Третий тип еще более схематичен, чем второй и только знание сюжета позволяет узнать в нем *tao-te*. Не исключено, что именно два последних типа оформления дисков личинами *tao-te* являются для Шар-Сума наиболее ранними образцами, а первый

тип происходит из цинского времени известного широким распространением данного изображения на концевых дисках кровельной черепицы.

Фрагменты сливников показывают два орнаментальных мотива: 1) с растительной розеткой; 2) с личиной того же существа, что на дисках. Изображения на всех образцах выполнены более или менее высоким рельефом.

На основании существующих в литературе мнений можно предположить, что первая черепичная кровля Шар-Сума могла появиться в границах XI—XIII столетий. Специальных исследований китайской черепицы последующих столетий в отечественной литературе нам не известно, поэтому пока можно опереться лишь на работу казахстанских коллег, исследовавших монастырь XVIII—сер. XIX вв. Сумбе, где ими найдены диски с *таот-те* и жемчужником. В тексте, к сожалению, не указано, что означают кружки по периметру диска, а схематичный рисунок не дает полного представления. Если это, все таки жемчужная орнаментация, то появляется верхняя дата существования такого рода декора. А это позволяет приблизить дату устройства храма с керамической крышей к дате основания Шар-Сума в XVIII в.

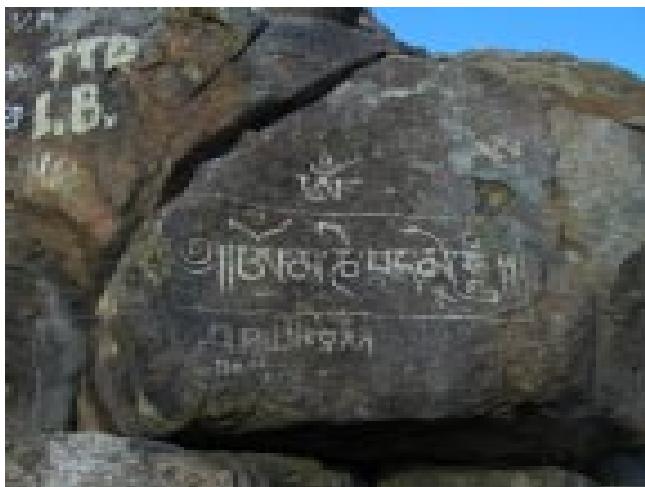

Рис. 19. Буддийский текст на горе Толгой. Вид с Ю

Рис. 20. Восточная часть тюркского княжеского поминальника. Вид с Ю

Отсутствие перечисленных вариантов концептуальных дисков в литературе, в том числе в публикациях С. В. Киселева, Л. Р. Кызылласова и других авторов дает основание предполагать, что отделка черепицы с территории Шар-Сум является новой разновидностью декоративного оформления китайской продукции такого рода и требует дополнительного изучения.

Кроме того, наличие нескольких вариантов черепицы свидетельствует, по крайней мере, о двух-трех перестройках храмового комплекса. Именно с ним территориально связаны находки фрагментов черепицы и элементов декоративной кровельной лепнины. Такое распространение означает, что лишь храмовые здания или главный храм перекрывались дорогостоящей черепицей «ва». Следует отметить, что китайские строители одноразово использовали, как правило, только один вид черепицы, поэтому наличие других вариантов свидетельствует о ремонтах или перестройках с сооружением новых кровель.

Помимо археологических и архитектурных объектов на территории обнаружено множество буддийских изречений выбитых тибетским шрифтом на открытых поверхностях скалы Толгой (рис. 19). Многие надписи успели покрыться темным загаром, подтверждающим их старину. Таким образом, на основании имеющихся письменных, вербальных и материальных источников можно предполагать, что храмовый комплекс в своей истории прошел несколько этапов.

Первый из них относится к позднему каменному веку и эпохе бронзы, на что указывают кремневые изделия с вторичным расщеплением, шлифованный пест, полированное долото и отбойник. Раннее средневековье представлено остатками, предположительно тюркского княжеского поминальника, расположенного примерно в 150 м к северу от храма за скалами ($48^{\circ} 01' 69''$; $91^{\circ} 36' 30''$). Следующий период средневековья в истории комплекса принадлежит предположительно древнемонгольскому позднесредневековому времени, о чем свидетельствуют раскопки одиночного захоронения Шар-Сум 1, проведенные автором в 2007 г. в западном секторе комплекса. Исторический период вполне отчетливо фиксируется отдельными артефактами и разнообразными письменными свидетельствами.

В завершении хочется надеяться на то, что предварительные результаты исследований памятников территории Шар-Сума дают объективные основания для прогнозирования весьма важных и интересных, а, возможно, неожиданных открытий из истории целого ряда культур и народов Западной Монголии.

Библиографический список

1. Ожередов Ю. И. Начало исследований комплекса Шар-Сум в Западной Монголии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. — Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005а. — С. 131-133.
2. Ожередов Ю. И. О работе комплексной экспедиции Томского государственного университета в 2004 г. в Западной Монголии // Природные условия, история и

- культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Кызыл: Изд-во ТувИКОПР СО РАН. 20056. — С. 77-81.
3. Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А. Ю., Томко В. С. Итоги предварительных исследований территории буддийского храма Шар-Сум в Ховдском аймаке Западной Монголии // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. — Барнаул. Азбука, 2008. — С. 255-256.
 4. Рубрук Гильом де Путешествие в восточные страны (Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благости 1253) // Путешествия в восточные страны. Плано Карпини и Гильома де Рубрука. — Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. — Алматы: Гылым, 1993. — С. 75-242.
 5. Мон-Сол теслийн 2002-2004 оны судалгааны ур дун — Улаанбаатар. 2004. — 355 с.
 6. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VII-VIII вв. М.: 1996. Изд-во Государственного музея Востока. — 152 с.
 7. Костров Н. Поездка в Хобдо // Томские губернские ведомости. 1869. 18.04.; 1869.23.05; 1869. 30.05.
 8. Заринь В. и Е. Путешествия А.В. Потаниной. — М.: Географиз, 1950. — 100 с.
 9. Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии. — М.: ОГИЗ, 1948.
 10. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. 1881. Вып. II. Материалы этнографические. — 90 с., табл.
 11. Абдульянов С. Н. Буддийские монастыри Монголии // Буддизм. Каноны. История. Искусство. — М. ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2006. — Т. 2.
 12. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия «Наше наследие») — Изд. репринтное. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. — 512 с.
 13. Киселев С. В. Древние города Монголии. — СА, 1957 — №2. — С. 91-101.
 14. Нямдорж Б. Ховдын хязгаар (1911—1919 он) — Улаанбаатар. 2006. — 270 с.
 15. Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. — М.: Мысль, 1981. — 174 с.
 16. Очерки истории Китая (с древности до «копиумных» войн) — М. Изд-во Вост. лит-ры, 1959. — 580 с.
 17. Кисилев С.В. Из истории китайской черепицы // СА. 1959, №3. — С. 159-178.
 18. Киселев С.В. О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики. // СА. 1960. №3. — С. 311-316.
 19. Кызласов Л. Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города. М. Наука, 1965. — С. 59-119.
 20. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М. «Восточная литература» РАН. 2001. — 488 с.
 21. Евтухова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана. — КСИИМК, 1946. — Вып. XII— С. 72-84.
 22. Искусство стран Востока: Кн. для учащихся ст. классов / А. Н. Анисимов, Л. Н. Гумилев, А. Н. Желоховцев и др. — М.: Просвещение, 1986. — 303 с.
 23. Окладникова Е. А. Занимательное страноведение (география глазами этнографа). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. — 135 с.
 24. Акишев А. К., Григорьев Ф. П. Археологические исследования буддийского монастыря Сумбе // История и археология Семиречья. — Алматы. Фонд «Родничок», «Фонд XXI век», 2001. — С.131-141.
 25. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. — М. Вост. лит-ра, 2004. — 895 с.
 26. Панкова С.В. Китайские прототипы сибирских изображений раннеташтыкского времени // Алтай-Саянская страна и история освоения ее кочевниками. — Барнаул. Изд-во Алт. ун-та, 2007. — С.121-125.
 27. Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. — М. Искусство, 1973. — Малая история искусств. — 319 с.
 28. Древний мир: Энциклопедический словарь. — М. ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 975 с.
 29. История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первобытные очаги рабовладельческой цивилизации. — Ч. I. — Месопотамия. — М. Глав. ред. вост. лит-ры из-ва Наука, 1983. — 534 с.
 30. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). — СПб. Изд-во СПб. ун-та; Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 484 с.
 31. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. — М. Искусство, 1979. — 248 с.
 32. Ставиский Б. Я. К югу от Железных ворот. — М.: Советский художник, 1977. 160 с.
 33. Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. — М.: Вост. лит. РАН, 1998. — 214 с.
 34. Яценко С. Я. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. — М.: Вост. лит. РАН, 2006. — 664 с.
 35. Вишва Чандар Охри Бронзовая скульптура горного района Чамбы // Великая традиция: Шедевры бронзовой скульптуры Индии. — Нью-Дели. Бриджбаси Принтерс Птв. Лтд., 1988. — 180 с.
 36. Малявин В. В. Китайская цивилизация. — М. ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Изд-во Астремль»; ООО «Изд-во АСТ», 2001. — 632 с.
 37. Артамонов М.И. Сокровища саков. — М. Искусство, 1973. — 280 с.
 38. Пелих Г. И. Селькупская мифология. — Томск. Изд-во НТЛ, 1998. — 80 с.
 39. Шавкунов Э. В. Раскопки на Николаевском городище (1960-1962 гг.) // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск. Наука, 1966. — Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь — Вып. 2. — С. 286-296.
 40. Аргудяева Ю. В. Чжуруженская черепица (по материалам археологических разведок 1960 г.) // Археология и этнография Дальнего Востока. — Новосибирск. Наука, 1964. — Древняя Сибирь — Вып. 1. — С. 106-113.
 41. Артемьев А.Р. Буддийская кумирня XIIIв. в низовьях Амура // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Алматы; Омск. 2004. — С. 121-123.
 42. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии. — СА, 1957. — №3. — С. 43-53.

Томский государственный университет. Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского
Получено 21.04.09

Yu. I. Ogeredov

ABOUT THE HISTORY TEMPLE`S COMPLEX SHAR-SUM FROM WEST MONGOLIA

In article generalize preliminary the sums of investigations, conduct on the territory the buddhistian of temple Shar-Sum in Hövd district of West Mongolia.

West Mongolia, buddhistian temple, rebuilding, revival of temple, priests, public prayer, drum

УДК 902

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА И ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1956—1960 ГГ.

В статье на основе архивных материалов рассматривается состояние и развитие шоссейных дорог в Горном Алтае в 1956—1960 гг.

Горный Алтай, Чуйский тракт, автобаза, автобус, автопарк, экономика, грузооборот

Социально-экономическое развитие Горно-Алтайской автономной области в 1956–1960 гг. потребовало развития и совершенствования всех ее инфраструктур, в том числе транспорта и путей сообщения. Из всех современных видов транспорта, в 1956—1960-х гг. в Горном Алтае функционировал только автомобильный. Он осуществлял не только внутренние, но и все внешние экономические связи, а также перевозки пассажиров и почты [1, с. 92]. Согласно данным Управления автодороги Чуйским трактом — ДЭУ 974, движение автомашин по тракту достигло в 1956 г. 300 автомобилей в сутки на 1 км [2, л. 34].

В рассматриваемый период времени большая часть дорог области находилась, в целом, в удовлетворительном состоянии, но с большой изношенностью проезжей части. Нередко дороги имели такие значительные дефекты — как кривые малого радиуса (в силу гористости местности) [3, л. 3]. Проезжая часть гравийных и грунтово-улеченных дорог на всех направлениях не превышала в то время 6 м. Большинство дорог было построено с нарушением поперечного профиля, либо он вовсе отсутствовал, с большой «ямочностью», зачастую на грунтово-естественных дорогах не возможен был разъезд двух машин [4, л. 3]. Это был результат того, что отделы коммунального хозяйства исполкомов, всех уровней, дорожно-эксплуатационные участки слабо следили за состоянием дорог, мостов, тротуаров, паромных переправ, в результате чего, проезжая часть многих дорог находилась в запущенном состоянии. Дорожные знаки, указатели направлений движения, наименования многих населённых пунктов попросту отсутствовали [5, л. 124]. В силу всего этого, дорожно-эксплуатационным службам необходимо было постоянно вести ямочные ремонты гравийных дорог, «утюжку», профилировку, прочистку кюветов, ремонт мостов, труб, железо-бетонных дорожных знаков, изготавливать и устанавливать деревянные надолбы.

Согласно объяснительной записке, приложенной к годовому отчёту Горно-Алтайской автотранспортной конторы, производственная программа за 1956 г. по грузоперевозкам ею была выполнена. Коэффициент использования автопарка был выполнен на 102%. В соответствии с планом предусматривалась работа 164 машин, фактически же ими было занято 168,8. Именно это позволило перевыполнить план в тонно-днях на 109,2% [6, л. 174]. Перевыполнен был план и по части

перевозок пассажиров. Однако, из-за неравномерности потока пассажиров на городских линиях, производственная программа по их перевозке в 1956 г. была не выполнена [6, л. 178]. Не выполнение производственной программы по перевозкам грузотакси объяснялось тем, что вместо 10 планируемых автотранспортной конторой автомашин, она имела в наличии только 7,7. Легковые такси также не выполнили намеченный план. Причина этого заключалась в долгом нахождении машин на ремонте [6, л. 178]. Полученные областью 12 автомобилей (ЗИС-150) из Романовской автороты, с мая месяца и до июля находились на ремонте в Бийском АРЗ. Горно-Алтайская же автотранспортная контора была не в состоянии осуществлять ремонт своими силами, поскольку была плохо оснащена токарными, электросварочными аппаратами и запчастями [6, л. 172].

В 1957 г. в области был проведён текущий ремонт дорог, выполнена программа по заготовке камня, песка, дров, делового леса, а также план озеленения дорог [7, л. 31]. Кроме того, были отремонтированы деревянные балочные мосты через водоток Куех-Танар (он был построен ещё в 1928 г. — Н. П.) и р. Чуя, построенный в 1938 г. [4, л. 5]. Что касается Горно-Алтайской автотранспортной конторы, то согласно отчёту за II-ой квартал, производственная программа по грузоперевозкам не была выполнена. Основная причина этого — невыполнение коэффициента использования парка, простои автомашин из-за нехватки шоферов, резины и «по причине бездорожья» [8, л. 68]. Производственная программа автобусного парка за 1-е полугодие 1957 г. была выполнена. Этому в значительной степени способствовало увеличение числа автобусов в нем. Тогда работало на линии 19 машин [8, л. 67]. Как и раньше, грузотакси опять не справились с плановыми заданиями на 1 полугодие. Как и прежде, на линию выходило меньше, чем планировалось автомашин [8, л. 67].

Согласно сообщению начальника Управления автомобильных дорог Чуйского тракта Ковалёва, в 1958 г. была предусмотрена ремонтная профилировка гравийной дороги с добавлением гравия, а также ремонт двух деревянных мостов, склада материалов, дорожных знаков, посадка вдоль трассы декоративных растений [3, л. 1]. Из пояснительной записки к годовому отчёту за 1958 г. видно, что выделенные деньги на ремонт были потрачены полностью [9, л. 59]. Благодаря это-

му, был отремонтирован деревянный балочный мост через р. Бельгебаш (он был построен в 1934 г. — Н.П.), и ещё один деревянный мост — через р. Курайка, построенный в (1937 г.) [3, л. 5]. Годовой план по заготовке и вывозке леса, дров, камня и другого строительного материала был в 1958 г. ДЭУ — 974 в основном выполнен. Так, план автоперевозок был выполнен на 227%. Этому способствовало получение дополнительных 3-х машин марки ГАЗ-51 [9, л. 59].

Если анализировать работу Горно-Алтайской автотранспортной конторы за 1958 г. в целом, то согласно данным объяснительной записки за 9 месяцев, производственная программа грузоперевозок по т/км была выполнена лишь на 89,5%, за 9 месяцев она «не додала» 169,7 тыс. т [10, л. 186]. Причины этой «недодачи» крылись — в основном — в низкой технической готовности автопарка. Из-за отсутствия резины простоявало в среднем 18 автомобилей, по причине бездорожья — 8 автомобилей и из-за нехватки шофёров не вышли на линию 6 автомашин [10, л. 186]. Программа по пассажироперевозкам также не была выполнена. Если планом предусматривалась работа на линии 28,9 ед. автобусов, то фактически готовыми к работе оказались лишь 27,5 ед. И в этом случае причины «неудачной работы» крылись. Главным образом, в изношенности механизмов: основная масса автомобилей имела большой пробег без капитального ремонта и часто выходила из строя. Отрицательную роль сыграла и большая текучесть кадров, а также и низкая трудовая дисциплина, что, в первую очередь, объяснялось низкой оплатой труда этой категории рабочих.

В 1959 г. по всей стране широко развернулось широкое социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение плана «строительства коммунизма». Грандиозные перспективы его «возведения» вызвали новый трудовой подъём среди коллективов предприятий автомобильного транспорта, в том числе и в Горном Алтае. Исходя из объяснительной записки к годовому отчёту по работе 974-ДЭУ, в области были проведены значительные мероприятия по благоустройству шоссейных дорог. Был отремонтирован к примеру, мост на 547 и труба на 576 км. Чуйского тракта [11, л. 35]. На устройстве кюветов и карьерных работах перестали использовать ручной труд. Отныне в ДЭУ 974 появился кирковщик, скреперы, трактор мощностью в 80 л. с., рыхлители, тяжёлый и моторный катки и поливочная машина [11, л. 35]. Но из-за недостатка квалифицированной рабочей силы и большого простоя машин и дорожных механизмов в ремонте (из-за недостатка запчастей) и малой оснащённости механического парка, запланированные ремонтные работы не были выполнены. Не удалось выполнить и план по заготовке строительных материалов (гравия, песка, леса) и дров [11, л. 36]. В связи с тем, что дороги содержались не лучшим образом, на тракте имели место серьёзные аварии с тяжёлыми последствиями. Так, за 1958 г. и первое полугодие 1959 г. в

крае было совершено 1114 дорожно-транспортных происшествия, в результате которых пострадало 1208 человек, и было разбито 965 автомобилей [5, л. 124]. Горно-Алтайская АТК (начальник Васильев, главный инженер Несмачный — Н.П.) только за второй квартал 1959 г. допустила шесть аварий, в ходе которых погиб один человек и нанесён хозяйству убыток на сумму 1058828 руб. [5, л. 153]. Большинство аварий произошло по причине нарушения правил дорожного движения, а так же в результате выпуска на линию технически не исправных машин.

Не уменьшилось состояние дорог в области и в 1960 г. Как и в прошлые годы, ДЭУ-974 в этот год не выполнило план капитального и текущего ремонта дорог. Главной причиной этого явилось суровая зима, не позволившая вести плановые ремонтные работы в полном объёме [12, л. 37]. В связи с длительным простоям тракторов в ремонте, была не выполнена и программа по заготовке и вывозке строевого леса и дров. Выполнен был лишь план по вывозке камня, что объяснялось его острой потребностью для ликвидации «размывок» на дорогах [12, л. 37].

Согласно отчёта за 9 месяцев 1960 г., Горно-Алтайская автотранспортная контора имела к концу года 20 технически исправных автомобилей ГАЗ-51 (бортовые), 6 — ГАЗ-51 (фургоны), 36 — ЗИС-5-855 (бортовые), 1 — ЗИС-5-355 (бензовоз), 17 — ЗИС-355-М (бензовозы), 96 — ЗИС-150 (бортовые), 22 автомашины марки ЗИС-150 (бензовозы) и 26 — ЗИС-585 (самосвалы), т. е. автопарк насчитывал к концу года 224 исправных грузовых автомобиля [13, л. 133]. Автобусный парк состоял в то время из 32 технически исправных автомашин, из них 14 — марки ПАЗ-651, 3 — ПАЗ-652, 9 — ЗИС-155 и 6 — ЗИЛ-158 [13, л. 133]. Кроме того, имелось 3 грузовых таксомотора (марки ГАЗ-51), 2 легковые такси (М-21 «Волга») и одна легковая машина по обслуживанию организаций (ГАЗ-69, М-20 «Победа») [13, л. 133]. Эксплуатационная скорость легковых автомобилей, согласно данным отчёта автотранспортной конторы, составляла немногим более 12-17 км в час [13, л. 133]. В силу этого план по грузоперевозкам за 1960 г. парком такси не был выполнен: в первую очередь, из-за технических неполадок, отсутствия шоферов и резины. По этим же причинам не был выполнен и план автобусных перевозок.

Но, несмотря на трудности ДЭУ-974 прилагала усилия, чтобы справиться с поставленными перед ней задачами. И, надо сказать, многие из них она решала. Большие работы были проведены её коллективом по приведению дорог в порядок, были расширены полотна дорог, выложены камнем обрывы, пробиты проходы на скальных участках. Словом, Чуйский тракт подвергся значительной реконструкции: во многих местах были убраны валуны и выпрямлены некоторые сложные участки, на перевалах сделаны разъезды, было построено несколько мостов через Катунь и другие реки.

Библиографический список

1. Баева Л. Н., Макошев А. П. Экономическая и социальная география Республики Алтай: Учебное пособие для учащихся. — Горно-Алтайск, 1996.
2. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА), Ф. 414. Оп. 1. Д. 20.
3. Там же. Д. 22.
4. Там же. Д. 21.
5. Там же. Ф. 273. Оп. 4. Д. 13.
6. Там же. Оп. 3. Д. 2.
7. Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 28.
8. Там же. Ф. 273. Оп. 3. Д. 3.
9. Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 29.
10. Там же. Ф. 273. Оп. 3. Д. 4.
11. Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 30.
12. Там же. Д. 31.
13. Там же. Ф. 273. Оп. 3. Д. 6.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 21.04.09

N. V. Pak

The condition and development of motor transport and motorway in Mining Altai in 1956—1960 gg. In article, on the basis archives materials shown the condition and development of motor transport and motorway in Mining Altai in 1956 — 1960 gg.

Mining Altai, motorway of Chuia, motor depot, autobus, automobile park, economy, goods turnover

УДК 902

A. B. Попов

ИСТОРИЯ «БЕЛОЙ СИБИРИ» В НОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСТУПЛЕНИЯ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

В статье анализируются архивные материалы по истории «Белой Сибири», имеющиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также документы, отразившие этот период отечественной истории и поступившие ныне в ГАРФ.

Государственный архив, история «Белой Сибири», гражданская война, архивные документы, общественная и политическая деятельность

Стабилизация межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки содействовала развитию связей в различных сферах, в том числе и в архивоведении. Именно благодаря этому в 1996—1997 гг. в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) поступил из США архив известного общественного и политического деятеля российской эмиграции, сына генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева — К. В. Болдырева. Эти, поистине бесценные материалы были переданы дочерью К. В. Болдырева — Е. К. Болдыревой-Семлер. После их научной обработки в ГАРФ был образован новый архивный фонд № 10055 «Болдыревы: Василий Георгиевич и Константин Васильевич». Структурно фонд Болдыревых состоит из пяти описей: №№ 1-2 — Болдырев В. Г. и №№ 3-5 — Болдырев К. В. общим количеством 664 дела за 1918—1997 гг.^[1]

Описи 3-5 состоят, главным образом, из документов, отражающих общественную и политическую деятельность младшего сына В. Г. Болдырева — видного деятеля Народно-Трудового союза (НТС) К. В. Болдырева. Константин Васильевич Болдырев родился в 1909 г. В 1920 г., т. е. по окончанию гражданской войны в России, он вместе с братом Василием был вывезен матерью —

Любовью Витальевной Болдыревой — сначала в Китай, а затем — в Сербию. Там он окончил, как полагалось в те времена, Кадетский корпус, а потом — Белградский университет. После его окончания Константин Васильевич работал инженером на рудниках на Капелонике и Крупне, которые принадлежали английской компании «Consolidated Mines». В это время, согласно автобиографическим сведениям, он, по рекомендации старшего брата Василия — Члена Центрального правления НСНП (позже НТС) вступает в Союз (по другим сведениям, он вступает в НТС лишь после окончания второй мировой войны). В годы второй мировой войны К. В. Болдырев живёт и работает в Белграде и Вене, а с 1943 г. — в России, где он руководит минским филиалом строительной фирмы «Erbauer». После эвакуации из Минска Болдырев продолжает руководить фирмой, но уже в Тюрингии. За неделю до оккупации ее территории американскими войсками Константин Васильевич был арестован гестапо за «действия несовместимые с военными усилиями Рейха». Причиной ареста послужил отказ К. В. Болдырева направить сотрудников фирмы на разгрузку железнодорожных вагонов с оборудованием для завода «Дора». 10 апреля 1945 г., после бегства охраны гестаповской тюрьмы К. В. Болдырев воз-

вращается в лагерь Нидерзаксверфен. С приходом американцев он назначается ими «организатором и администратором перемещенных лиц в районе ландкрайса Хохенштейн» и вводится в состав Военного Управления американских оккупационных войск. Практическая работа К. В. Болдырева, согласно документам, включала в себя организацию быта, работы и досуга подведомственных ему лагерей ДИ-ПИ: Менхегоф, Фюрстенвальд, Ротвестен и Циренберг. Контингент лагерей состоял из русских эмигрантов 1-й волны, имевших иностранное подданство или бесподданных, «остовцев» из бывших советских граждан, военнослужащих РОА и других добровольческих формирований. Значительное число среди них составляли члены НТС, в т. ч. Островский (Романов) Е. Р., Филиппов Б. А., Левицкий А. С., Артемов А. Н., Максимов С., проф. Осипов Н. И. и другие, ставшие впоследствии руководителями НТС. Документы, характеризующие деятельность К. В. Болдырева на посту администратора лагерей ДИ-ПИ, выделены в описи №3 отдельным подразделом (1.2.1. Материалы, связанные с деятельностью К. В. Болдырева в качестве начальника лагерей ДИ-ПИ). В ней содержатся приказы, докладные записки, финансовые документы и т. п., составленные К. В. Болдыревым или его заместителями. Сведение воедино вышеозначенных документов объясняется не только их важностью, но и позволяет охарактеризовать значительный этап деятельности фондообразователя, раскрыть его как умелого организатора. Согласно ряду воспоминаний, отложившихся в фонде (раздел 3.2. — Письма К. В. Болдыреву), можно проследить, как, благодаря его личным административным действиям и способностям, была налажена жизнь перемещенных лиц, находившихся в лагерях и тем самым спасла жизни многих людей.

Но, несмотря на это, 17 июля 1945 г. К. В. Болдырев был арестован американскими властями и заключен в тюрьму. Причиной ареста послужили многочисленные доносы, обвинявшие его в попытках скрыть от советских репатриационных комиссий «предателей Родины» и «военных преступников». 10 октября 1945 г. К. В. Болдырев был освобожден за «не доказанностью преступления» и продолжил службу в должности администратора лагерей ДИ-ПИ. Этот этап его жизни и деятельности представлен в описи №3 копией «Досье на К. В. Болдырева», составленного американскими следственными службами (раздел 4 — «Материалы о К. В. Болдыреве»). Копия «Досье» была предоставлена бывшему «подследственному» в 1988 г. в результате его запроса в информационный Центр Армии США.

14 мая 1946 г. К. В. Болдырев оставил пост администратора лагерей и всецело посвятил свою деятельность устройству русских лагерей ДИ-ПИ на работу в других странах (в Бельгии, Марокко и др.). При его непосредственном участии была открыта фирма «СОМЕП», под которую был получен заем и пожертвования для устройства перемещенных лиц, переехавших в другие страны. Первая их группа (в количестве

120 чел. — А. П.), состоявшая из бывших курсантов при 2-й дивизии РОА («власовские кадеты» — А. П.) была отправлена — под руководством К. В. Болдырева — в июне 1947 г. К концу того же года в Марокко переселилось около 600 чел. Документы об этом этапе деятельности К. В. Болдырева отложились в разделе 1.2.1. Там же имеются уникальные фотографии, иллюстрирующие этапы переселения членов лагерей ДИ-ПИ в Марокко. Эти материалы включены в раздел 9 — «Фотоматериалы».

Деятельность по переселению русских лагерей ДИ-ПИ и устройству их на работу в Марокко, Бельгию, Францию и другие страны Болдырев продолжал практически до начала 1950-х гг., т. е. до его переезда в США.

Прибыв в США, Константин Васильевич занялся активной преподавательской, публицистической и общественно-политической деятельностью. Будучи своего рода специалистом по вопросам внутренней и внешней политики СССР, он читает лекции и доклады по вопросам антикоммунистической борьбы, международному положению и другие в различных учебных заведениях и общественных организациях США, Франции, Италии, Германии и других странах, организует и проводит манифестации и собрания, направленные на защиту прав человека в СССР, а также выступает с докладами в НАТО и сенате США. Об этом этапе деятельности К. В. Болдырева наглядно свидетельствуют письма, направленные в его адрес от государственных и общественных организаций различных стран с предложениемами выступить на политических конференциях и в учебных заведениях, а также проспекты проведенных им конференций. Значительное место среди документов фонда занимают и творческие материалы К. В. Болдырева за 1945—1984 гг. Тематика его статей, докладов, радиопередач связана с вопросами международной политики, политической обстановкой в СССР, деятельностью советских диссидентов, вооруженных конфликтов на Кубе, Афганистане и других странах, событиями в Венгрии и т. д.

В 1970-х гг., в связи с требованием администрации Джорджтаунского университета им. Дж. Вашингтона, где он являлся профессором, прекратить политическую деятельность, К. В. Болдырев оставляет преподавательскую работу и полностью переключается на политическую работу в рамках НТС. К сожалению, этот этап жизни в его отражен в материалах фонда весьма «недостаточно». О нем свидетельствует лишь небольшая подборка официальных документов, в числе которых значатся планы заседаний Северо-Американского отделения (САО) НТС, программы и повестки дня совещаний и т. п. К 1992 г., в связи с ухудшившимся состоянием здоровья, К. В. Болдырев отходит от активной политической деятельности. А спустя три года, он умирает.

Гораздо больший интерес для исследователей истории «Белой Сибири» представляют архивные материалы отца К. В. Болдырева — генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, выделенные в две описи — № №1-2 — фонда 10055. Первая из них,

т.е. опись № 1, базируется, главным образом, на документах, переданных дочерью К. В. Болдырева — Е. К. Болдыревой-Семлер. В их числе имеется немало писем В. Г. Болдырева, адресованных сыновьям (Василию и Константину — А. П.), жене Л. В. Болдыревой отправленные адресатом из Новосибирска в период с 1928 по 1932 гг., а также биографический очерк Е. К. Болдыревой-Семлер о В. Г. Болдыреве, написанный на английском языке (*The Boldyreff Family (General Wasilly Georgievich and Libov Vitalvna Boldyreff. Clased on family letters and father's notes by Helen B. Semler)*).

Документы, сведения о которых включены в опись №2, имеют несколько другую историю. Первоначально они поступили в Центральный Государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР — ныне это, как уже упоминалось выше, ГАРФ) в 1953 г. из Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), в соответствии с распоряжением Центрального Архивного Управления (ЦАУ) МВД СССР (№33/04429 от 27 июня 1953 г. — А. П.). Ранее эти документы находились в составе фонда №5881 — «Коллекция отдельных документов эмигрантов». После поступления вышеуказанных документов в ГАРФ, было принято решение присоединить архив К. В. Болдырева к вновь формируемому фонду В. Г. Болдырева, основу которого составили материалы уже имевшиеся в ГАРФ. Забегая вперед, отметим, что именно документы описи №2 и привлекут внимание историков Сибири и Дальнего Востока, занимающихся изучением истории Гражданской войны в России. Опись №2, как мы уже упоминали выше, содержит документы, связанные со служебной деятельностью генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева. В первую очередь, это копии приказов, письма и телеграммы, служебная переписка с адмиралом А. В. Колчаком, генералами А. И. Деникиным, А. И. Дутовым и другими, а также его «творческие» материалы: статьи и воспоминания по вопросам военной и политической истории.

Согласно официальной биографии, Василий Георгиевич Болдырев родился в 1875 г. В 1903 г. окончил Академию Генерального штаба. Когда началась русско-японская война, — активный ее участник. В 1911 г. он становится преподавателем Академии Генерального Штаба. В годы первой мировой войны В. Г. Болдырев является сначала начальником штаба второй гвардейской пехотной дивизии, потом — генералом для поручений при командующем 4-армией, генерал-квартирмайстером штаба Северного фронта. С апреля 1918 г. он — член «Союза возрождения России». В сентябре-октябре того же года В. Г. Болдырев принимал участие в Уфимском Государственном Совещании, где вошёл в состав директории (она состояла из 5 человек — Авксентьев, Зензинов, Виноградов, Вологодский, Болдырев — А. П.). 24 сентября 1918 г., указом Временного Всероссийского правительства (ВВП), Болдырев назначается Верховным главнокомандующим Российской вооружёнными силами. После переворота 17-18 ноября 1918 г. Болдырев уезжает в Японию, где он находится до января 1920 г. где ведёт переговоры

с военными и правительственные представителями Японии, знакомится с организацией обучения в военных училищах и Академии Генерального штаба Японии. В своей биографии Болдырев указывает, что выезжал в это время в Японию с целью поиска своей семьи.

16 января 1920 г. он возвращается из Японии во Владивосток. Спустя две недели (31 января 1920 г. — А. П.), здесь пало правительство генерала Розанова и власть перешла к правительству Приморской областной земской управы. Ее распоряжением В. Г. Болдырев назначается Главнокомандующим войсками правительства Приморской областной Земской Управы и становится членом Совета министров. Кроме этого, он избирается «товарищем» (т.е. заместителем — А. П.) председателя Народного собрания Приморского правительства. Однако последнее, как напишет потом он в своих воспоминаниях, не было «хозяином» в крае. Таковым здесь «было Дальнюро коммунистической партии. А в области военной всё руководство находилось в руках Военного совета во главе с Лазо» [1]. Генерал Болдырев с самого начала тесно сотрудничает с ним. Он даже принял предложение С. Лазо и возглавил комиссию по реорганизации армии и повел переговоры с остатками войск генерала В. О. Каппеля о принятии их на службу. 4-6 апреля 1920 г. во Владивостоке, высадились значительные силы японцев. Их появление в городе послужило поводом для так называемого «николаевского инцидента»: тогда партизанским отрядом Тряпицына был уничтожен японский гарнизон в порту Николаевск. В ответ на это, японцами было разгромлено здание Областной земской управы, разоружены части правительственных войск, не успевших выйти из города, а также расстреляны многие члены Военного совета, в том числе С. Лазо. Многих его товарищей по Военному совету, в частности Гервуса и Цейтлина, спас Болдырев, укрыв их у себя на квартире. Во многом, благодаря его усилиям (В. Г. Болдырев имел широкие связи с японскими военными кругами — А. П.), удалось остановить японский террор и возобновить деятельность правительства, в котором Болдырев занял пост командующего сухопутными и морскими силами. Заняв этот пост, он во многом способствовал реорганизации армии, выразившейся в распуске и расформировании воинских частей. Именно на основании его приказов были расформированы: Николо-Уссурийская стрелковая бригада, 1-я Дальневосточная стрелковая бригада, отдельный батальон русского легиона Франции, бронепоезд «Освобождение», Уссурийский стрелковый артиллерийский полк, 1-й Дальневосточный кавалерийский полк и другие части. После прихода к власти — в конце 1920 г. — правительства Антонова В. Г. Болдырев уходит в отставку. Не принимал он участия и в деятельности правительства братьев Меркуловых, сменившем в мае 1921 г. правительство Антонова.

После занятия красными войсками — 25 октября 1922 г. — Владивостока, В. Г. Болдырев был арестован. Сначала он содержался в Уссурийске, а затем был этапирован в Новоникола-

евск (ныне г. Новосибирск). В соответствии с постановлением ВЦИК, В. Г. Болдырев был амнистирован в 1923 г. и освобождён. Проживал он, вплоть до повторного ареста и расстрела 22 августа 1933 г., в Новосибирске. Говоря об этом, следует отметить, что в июне 1927 г. В. Г. Болдырев принимал участие, как свидетель, в процессе атамана Б. В. Анненкова, состоявшемся в Семипалатинске [2, с. 79].

Среди материалов В. Г. Болдырева, имеющихся в ГАРФ, внимание исследователя, безусловно, привлечет его дневник, который он писал в период нахождения в Японии 1918-1919 гг. (общий объем дневника 99 стр. — А. П.). В основном в нем описываются авторские впечатления о стране: о посещении Токийского военного училища, военной академии, зарисовки Токио, Иокогамы и др. Содержатся в дневнике также и размышления генерала Болдырева о взаимоотношениях с союзниками, чехословацкими войсками, об А. В. Колчаке. Интересны его заметки о причинах возникновения большевизма в России. «В силу этого, — пишет генерал, — от практики [мы] уходим в область идей и дела исполинского ищем. Вот почему, отставая и в технике и в общей культуре, мы создаём грандиозные планы. И настоящий большевизм, родившийся в полудикой стране и брошенный в толщу полудикого народа, произвёл всю эту разруху, которая почти целиком исколесила Россию» [1]. Интересна также и его рукопись, написанная им в период вынужденного бездействия в Токио («Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевизмом в России» — А. П.). В частности, В. Г. Болдырев, считает что «...большевизм — [это] мировое зло и борьба с ним — дело всех стран..» [3, с. 79]. В Токио также была написана им и рукопись «Гражданская война и её последствия». Как видно из писем В. Г. Болдырева адмиралу А. В. Колчаку, при общности взглядов на природу большевизма и необходимость демократического устройства будущей России, у них существовали и противоречия в вопросе о помощи иностранных держав, в частности, Японии, в освобождении России от большевизма. Так, Болдырев убеждал Колчака, что «...как ни тяжко сотрудничество в этом отношении с чужеземцами, [это] поможет быстрее вскрыть большевистский гнойник... и это нашло себе оправдание, да и жертвы в конце концов будут меньше, чем при затяжном характере междоусобицы, которая полтора года уже терзает страну...». Пишет В. Г. Болдырев также и о пагубности, и опасности т.к. называемого «атаманского» вопроса, о необходимости постепенно идти к Всероссийскому представительскому органу, «выбив, тем самым, козырь из рук большевиков». Уделял он внимание, причем, немалое, и строительству новой русской армии. Это наглядно просматривается из его заявления от 24 октября 1918 г., сделанного при вступлении генерала в должность Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России:

«Я сделаю всё, что в моей власти, чтобы оказать помощь русскому правительству в деле формирования Русской армии на следующих ясных и понятных условиях:

1. Новая Русская армия должна быть настоящей армией под полным офицерским контролем. Она должна быть без комитетов и комиссаров. Ни офицеры, ни солдаты не должны вмешиваться в политику.

2. Должна быть одна русская армия. Русское правительство должно требовать от союзных представителей, что вся военная помощь будет дана только русскому правительству, но не разным русским военным начальникам, как например, Семенову и Калмыкову. Войска генерала Хорвата должны быть разоружены.

...Все военнопленные не славянского происхождения должны быть заключены в охраняемые лагеря для военнопленных, лучше всего в Забайкалье и на Дальнем Востоке, где американские и японские войска могли бы их охранять» [4].

Внимание историков гражданской войны в Сибири, вне сомнения, должна заинтересовать сохранившаяся в указанном фонде, докладная записка генерал-майора Иванова-Ринова, в которой он характеризует действия чехословацких войск в Сибири. Неожиданна в ней и характеристика действий А. В. Колчака и В. Г. Болдырева. «...Болдырев и Колчак, — подчеркивает он, — может быть и разными путями, но идут к одной цели: реорганизации армии, грозящей ее разрушением...» [5].

В составе материалов фонда В. Г. Болдырева имеются и его приказы, как Главкома вооруженных сил России, управляющего Военными и морскими делами Временного правительства Дальнего Востока, удостоверения В. Г. Болдырева, указ о награждении его Чехословацким боевым крестом, а также телеграммы и записи разговоров Болдырева с представителями чехословацких и американских войск, письма русских и иностранных военноначальников и др. [6]

В связи со сказанным, приведем небезынтересную для исследователей характеристику генерал-лейтенаната В. Г. Болдырева, данную ему адмиралом В. Г. Колчаком. Она зафиксирована в материалах Чрезвычайной Следственной Комиссии от 30 января 1920 г. По приезде в Омск, в сентябре 1918 г., говорил подследственный, «узнал Болдырева. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что хочу ехать на Юг России, никакого определенного дела у меня нет, и я хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу Вас остаться». На это я ответил: «Что же мне здесь делать: флота здесь нет?». Он говорит: «Я думаю Вас использовать для более широкой задачи, но я Вам об этом скажу потом. Если Вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней». Я сказал, что я — человек свободный, у меня есть телефон, данный мне во Владивостоке, и что если он позволит поставить его на его ветке, я могу ждать дальнейших его указаний». Потом я сделал визиты всем членам Директории, познакомился с Авксентьевым, Зензиновым, Виноградовым, беседовал с ними по делам частного порядка. Болдырева я раньше не знал никогда, но его фамилия была мне известна. Я считал его фигу-

рой довольно крупной. Он образованный офицер. Но о его деятельности я ничего не знал; частью лишь слышал о нём, скорее положительные, хорошие отзывы» [6].

Таким образом, при первоначальном ознакомлении образ и биография генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева предстают перед нами, достаточно цельными и понятными — это стойкий антикоммунист, офицер старой русской школы. Хотя, безусловно, не без некоторых странностей, к числу которых, конечно же, следует отнести его тесное сотрудничество с коммунистами С. Г. Лазо, И. П. Уборевичем и др. Загадочна автобиография В. Г. Болдырева, и прилагаемая к прошению об амнистии во ВЦИК. В ней он, в частности, рассказывает о своих экспедициях по исследованию Якутского края, а также об участие в революционной работе и даже неоднократных арестах царским правительством, однако им не упоминается почему-то факт его участия в русско-японской войне. В частности, он пишет, что после экспедиции по исследованию Верхоянского хребта, он вернулся в 1905 г. в Якутск и принял активное участие в революционных событиях, имевших место в крае, за что был осужден властями и 8 месяцев содержался в заключении. Далее он рассказывает о так называемой «Шантарской экспедиции», предпринятой им в 1910 г. «Прошёл, — пишет генерал в вышеозначенной автобиографии, — сухим путём от Якутска до Усть-Май, оттуда по Мае — до Нелькана. Из Нелькана, через Становой хребёт, — до Аяна, где пробыл половину лета и часть зимы 1911 года, занимаясь обследованиями окрестностей Аяна и части Охотского побережья... Вернувшись зимой 1911 г. в Якутск, [я] был арестован 13 ноября и направлен в Петроград, где [был] заключен в Петропавловскую крепость, затем — в тюрьму «Кресты», освобождён без всяких условий 2 марта 1912 г...». Знакомясь с автобиографией, у читателя может сложиться впечатление, что она не может принадлежать одному из самых блестящих преподавателей Академии Генерального Штаба, хотя дальше текст, напечатанный на одной и той же пишущей машинке, повествует, безусловно, о В. Г. Болдыреве — о его избрании членом Директории, его поездке в Японию и др. [7, с. 394-395]. В силу вышесказанного, можно с полным основанием утверждать, что данная «автобиография» В. Г. Болдырева нуждается в дальнейшем, тщательном изучении, с привлечением его послужных списков и т.д. Словом, требуется более тщательный источниковедческий анализ документов фонда В. Г. Болдырева. Возможно, что акцентирование им в «автобиографии» на своей революционной деятельности было вызвано вполне понятными условиями — он находился в заключе-

нии и стремился избежать участия судьбы адмирала Колчака. Подобными причинами объясняется, по-видимому и его заявление во ВЦИК, направленное им 26 июня 1923 г.:

«Внимательный анализ пережитых пяти лет привёл меня к убеждению:

1) что за весь период, только Советская власть оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди хаоса и анархии, созданных разорительной европейской, а затем внутренней гражданской войнами, и в то же время оказалась властью твёрдой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против советской власти является, безусловно, вредной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разорению, возможному вмешательству иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения;

3) что всякое вооружённое посягательство извне на Советскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россию и выражющую интересы рабочих и крестьян, является посягательством на права и достоинство граждан Республики, почему защиту Советской России считаю своей обязанностью.

В связи с вышеизложенным, [я] не считаю себя врагом Советской России и желаю принять посильное участие в новом её строительстве, [в силу, чего] я ходатайствую (в порядке применения амнистии) о прекращении моего дела и освобождении меня из заключения. Если бы представилось возможным, я был [бы] рад вновь посвятить себя прежней профессорской деятельности»[8].

Безусловно, сейчас, уже, многое зная, о методике получения таких признаний, трудно поверить, что оно было до конца искренним.

После освобождения, В. Г. Болдырев проживал в Новосибирске по адресу: ул. Трудовая, 62а. Он состоял в переписке с проживавшими в Югославии женой и сыновьями. В своих письмах Болдырев рассказывал о жизни в Новосибирске, делился советами личного плана и т. д. Примечательно, что первое письмо от жены (Л. В. Болдыревой из Тяньцзина — А.П.) генерал Болдырев получил, уже находясь в заключении во Владивостоке, через И. П. Уборевича [9].

В заключении хочется отметить, что фонд 10055 «Болдыревы: Василий Георгиевич и Константин Васильевич», хранящийся в ГАРФ, будет, безусловно, интересен, в первую очередь, историкам гражданской войны в Сибири. Будут они небезынтересны и для исследователей русской политической эмиграции второй половины XX века, российских эмигрантских политических партий.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.10055. Оп. 1-5.
2. ГАРФ. Ф. 10055. Оп.2. Д.1.
3. Шалагинов В. Крах атамана Анненкова // Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / В. Шалагинов. — М.: Воениздат, 1979.
4. ГАРФ. Ф. 10055. Оп. 2. Д. 3
5. Там же. Д. 4
6. Там же. Д. 2.
7. Арестант пятой камеры. — М.: Политиздат, 1990 .
8. ГАРФ ф. 10055, оп. 2. д. 1.

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
Получено 07.04.09

A. V. Popov

THE HISTORY OF «WHITE SIBERIA» IN NEW THE DOCUMENTS OF STATE ARCHIVES FEDERATION: THE ENTERING FROM UNITED STATES OF AMERICA

In article analysed the archives materials possess by of history of «White Siberia» in the State archives Federation: the entering from United States of America.

**State archives, history of «White Siberia», civil war, archives documents,
social and political activity**

УДК 902

C. B. Селиверстов

ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ НА «ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО» МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассмотрен «евразийский» проект бывшего российского дипломата и ученого А. Н. Мандельштама относительно устройства многонациональных государств, решение в связи с этим русско-турецких отношений — «турецкой проблемы».

**дипломат, ученый А. Н. Мандельштам, многонациональное государство, «евразийцы»,
«евразийский проект», «план-туранизм», «туранская проблема»**

Проблема «справедливого общественного устройства» многонациональных государств и обществ с давних пор привлекала внимание ученых, политиков и общественных деятелей планеты. Не стала исключением из правил в этом плане и Российская империя, которая уже к началу XIX в. представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии (Сибирь и Дальний Восток) и часть Северной Америки (Аляску). В первой половине XIX в. ее территория еще более расширилась — с 16 млн. до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, части Польши, Бессарабии, Кавказа и Закавказья, Казахстана, Приамурья и Приморья. В силу этого, население России возросло (за счет естественного прироста и присоединения территорий) с 37 млн. до 74 млн. человек [1, с. 5]. Однако ее государственное устройство (в плане обеспечения прав народов) оставляло желать много лучшего. Недаром этот вопрос не сходил с повестки дня общественно-демократических кружков и объединений, набиравших силу в России и предлагавших свои планы переустройства Российской империи. В числе таких был, к примеру, во второй половине XIX в. и кружок студентов Московского университета, предрекший в своей прокламации «Молодая Россия» новое общественно-политическое устройство России (после «кровавой и неумолимой» революции). Оно же кружковцам виделось в виде республиканского союза областей, состоявших из самоуправляющихся общин. За Польшей и Литвой они признавали право на независимость [1, с. 108].

Предвидение «москвичей» сбылось, в известной степени, в октябре 1917 г. Однако свершившееся «общественно-политическое устройство быв-

шей Российской империи» не устроило не только значительную часть ее населения, но и мировую общественность. Свидетельство тому — вспыхнувшая в стране гражданская война, поддержанная рядом иностранных государств. Не утихло обсуждение проблемы «переустройства новой России» и после ее окончания. Более того, возникшая «дискуссия» обрела даже международный характер, видную роль в которой была отведена Турции. Она же на протяжении многих столетий (тогда Османская империя — С. С.) играла особое место во внешней политике царской России. Не последнюю роль в их взаимоотношений играло наличие в последней значительного количества тюркских народов, а в Турции — славянского населения. Это обстоятельство весьма «углубляло» интерес российских чиновников к Османскому государству, который не ограничивался служебными делами, а находил свое проявление и в их «интеллектуальной» деятельности. Из числа российских дипломатов в Турции были особенно известны в конце XIX — начале XX в. имена И. А. Зиновьева, Н. П. Игнатьева, Д. А. Капниста, К. Н. Леонтьева, А. Н. Мандельштама, Н. В. Чарыкова, т. е. людей, разных по должностям и взглядам, но внесших немалый вклад в осмысление многообразной по характеру российско-турецкой и российско-турецкой проблематики.

Наибольший интерес из числа вышеназванных лиц у нас вызывала фигура Андрея Николаевича Мандельштама (1869—1939), дипломата, историка, юриста (доктора международного права Санкт-Петербургского университета — С. С.), отдавшего 16 лет (с 1898 по 1914 г. — С. С.) дипломатической службе в российском посольстве в Турции в качестве «первого драгомана (перевод-

чика — С.С.). После этой «службы» он работал в центральном аппарате МИДа, а в 1917 г. был назначен Временным правительством на должность директора Правового департамента МИД России. На рубеже 20—30-х гг. он эмигрировал из СССР и в течение многих лет состоял членом Института международного права».

Нас Андрей Николаевич заинтересовал не только как непосредственный участник российско-османских дипломатических переговоров, имевших место в конце XIX в., но и как ученый, знаток новейшей турецкой истории. Чтобы подтвердить это, достаточно назвать некоторые его труды, такие как «Младотурецкая держава» [2], «судьба Оттоманской империи» [3], а также работы о политике держав по армянскому вопросу [4]. Каждая из вышенназванных работ имеет солидную источниковую базу. Об этом пишет и сам автор. Так, в предисловии к «Судьбе Оттоманской империи» он указывает, что книга написана «на основе добросовестного изучения огромного количества фактов, официальных документов, турецких источников... и собственных наблюдений» [3, с. 5].

Несмотря на то, что политическая ситуация в Европе и мире, о которой писал А. Н. Мандельштам, существенно изменилась за прошедшие десятилетия, тем не менее, можно с полным правом утверждать, что его работы и сегодня не утратили своего научного значения. Попробуем продемонстрировать это на одной лишь работе — на содержательном и пространном «Введении» А. Н. Мандельштама к книге безвестного автора «Турция и пантюркизм», увидевшей свет в 1930 г., в Париже [5, с. 7-33]. Написанное в ней Андрей Николаевичем, без преувеличения, выходит далеко за рамки простого «Введения». Это вполне солидный научный труд, в котором известный российский исследователь суммировал свои взгляды и идеи на достаточно сложный «турецкий вопрос», подвел определенные итоги в осмыслении российско-турецких отношений и наметил пути и возможные перспективы их дальнейшего развития.

Что же касается самого автора работы «Турция и пантюркизм» (первое издание ее вышло под названием «Туран» в 1927 г. — С.С.), то на ее титульном листе значатся слова «Зареванд». Возможно, это фамилия автора работы, а может быть псевдоним. Иначе говоря, сведений об авторе публикации нигде не указано. Но нас интересует не это, а взгляды самого А. Н. Мандельштама, не скрывшего своего имени, при написании своего «Введения». Но, прежде, чем говорить о нем, скажем пару слов о проблемах «пантюркизма» и «пантуранизма» в Советском Союзе. Первый, как известно, рассматривался в нашей стране, не иначе как «реакционно — шовинистическая доктрина турецкой буржуазно-помещичьей верхушки, возникшей в начале XX в. и проповедовавшей объединение тюркоязычных народов под властью Турции» [6, с. 961]. Да иначе руководство СССР, руководствовавшееся интернационально-коммунистически-ми взглядами и политико-классовыми позициями, поступить и не могло. Пример иного восприятия

«пантюркизма» в 1920-е гг. могла дать только эмиграция. Не ограниченные узкими политico-идеологическими рамками ее проницательные исследователи отчетливо понимали значимость данного фактора для России. Осознавал это и А. Н. Мандельштам. Поэтому, начиная с 1930 г., он приступает к распространению объективных сведений о «пантюркизме среди русской публики», в силу ее недостаточной осведомленности о нем. Зная тюркскую общественно-политическую мысль не понаслышке, Андрей Николаевич, не без оснований, полагает, что «пантуранизм» имеет «большое значение для развития государственности будущей свободной России», а потому он требует «величайшего внимания» [5, с. 19-20]. И здесь необходимо отметить один, очень важный момент: автор ведет речь не о советской, а о постсоветской России. Какие же «направления» в развитии будущей российской государственности видаются ему в связи с «турецкой» проблемой?

Чтобы расставить все точки над «и», А. Н. Мандельштам задается сначала вопросом: «А действительно ли тюрко-татарские народы России тяготеют к Турции? Сам же он убежден, что в будущей «свободной России, организованной на началах федерализма и областных автономий, тюрко-татарские народы, конечно же, будут наделены политической самостоятельностью, необходимой для сохранения единой российской государственности. Только удовлетворятся ли они этим, задает себе вопрос ученый, Будут ли тюрко-татарские народы стремиться, «следуя заветам Зии Гек Альпа, федерироваться по племенному признаку с Турцией, или же быть равноправными членами Российской державы, в которой они найдут, в большей степени, чем в Турции, удовлетворение своим экономическим потребностям» [5, с. 20-21]? По мнению, А. Н. Мандельштама, вопрос о реальных намерениях «советских тюркских народов (речь идет о рубеже 20—30-х гг. XX столетия — С.С.) остается далеко не выясненным, а потому, — полагал он, — по отношению тюрко-татар к Совдепии нельзя судить об их будущем отношении к возродившейся России [5, с. 20].

С другой стороны, «намечаются ли уже постоянные линии новой политики Турции по отношению к России? И будет ли эта политика, — задает вполне закономерный вопрос А. Н. Мандельштам, — стремиться «к освобождению тюрко-татарских народов из-под власти России, подобно тому, как в течение столетий Россия стремилась к освобождению балканских народов из-под власти Оттоманской Империи? Наконец, если бы «прочно установившаяся турецкая государственность повела сознательную пантурансскую политику, как должна будет реагировать на нее воскресшая Россия?» [5, с. 21, 23].

В отличие от автора «Турции и пантуранизма» А. Н. Мандельштам считает, что в настоящее время нет «твёрдых доказательств» того, что пантуранизм может стать основанием для «постоянной» политики Турции [5, с. 23]. Однако события Первой мировой войны показали, что российско-турецкие отношения пережили период конфронтации. Принципиально в этом то, зая-

вил бывший дипломат, что «обновленные русский и туранский миры неизбежно осуждены на новые кровавые столкновения» [5, с. 24]. Но при какой «международной обстановке», при каких международных условиях исторический «спор между Россией и Тураном может быть улажен без кровопролития» [5, с. 31]?

А. Н. Мандельштам, в отличие от коммунистических деятелей СССР, не отрицал «проблему пантуранизма» и не считал целесообразным, чтобы она была загнана куда-то «вглубь». По его мнению, вопрос о самоопределении и «о выходе из пределов России тюрко-татарских племен должен был получить не однобокое решение, исходившее лишь из интересов только этих народностей, а основанное также на интересах русской государственности». При этом он был твердо убежден в том, что каждое «национальное меньшинство имеет полное право на культурную автономию и что народам, входящим сплошными массами в пределы какого-либо государства нужно представлять самые широкие политические автономии, и что введение федеральной системы является — в известных случаях — актом величайшей государственной мудрости» [5, с. 29].

Наконец, указывал А. Н. Мандельштам и еще на один немаловажный международный процесс, перспективное значение которого тогда, на рубеже 20-30 гг. XX столетия, мало кто из политиков видел. Он же указывал на аспект, который мы сегодня называем «региональной интеграцией». В частности, он писал тогда о начавшемся «паневропейском движении» и о том, что в мире, параллельно с Лигой Наций, идет «движение в пользу создания других, более тесных, организмов, имеющих целью совместную защиту интересов отдельных группировок держав» [5, с. 30]. И далее А. Н. Мандельштам акцентировал внимание на самом главном, а именно: какое отношение к континентальной «Пан-Европе», к возможному Европейскому союзу будет иметь будущая свободная Россия? В связи с этим, он справедливо подметил, что паневропейское движение стремится к созданию европейской конфедерации «без России». «Такое исключение, — по его мнению, — совершенно естественно», потому что Россия (также как тогда и Великобритания) сама по себе представляет «маленьку лигу наций» и имеет особые интересы, не совпадающие с интересами Европы. При этом, он вполне справедливо, причем в категорической форме заявлял, что географическое положение России «не позволяет ей войти ни в европейскую, ни в азиатскую лигу» [5, с. 31]. Тогда, куда же и в какой регион должна «войти» в будущем свободная Россия? — задавал он вполне закономерный вопрос. Будучи достаточно известным ученым-международником, А. Н. Мандельштам смело излагал свои планы. «Нам кажется, — писал он, — что человечество идет к следующей... конструкции мира: 1. Союз всех народов (Лига Наций), ведающий общими интересами всего человечества; 2. В пределах этого союза [существуют], большие группировки государств, связанных общими интересами...[И], наконец, 3. Отдельные автономные государства в

пределах каждой группы народов...». И здесь, что на наш взгляд, весьма существенно, ученый выделяет «в глобальном мире» уровень «региональной интеграции», или, как он пишет, уровень «больших группировок государств». Он даже называет их — «европейская, американская, великобританская». По его представлениям, Россия (будущая свободная Россия — С. С.) должна входить в отдельную — российскую — группировку [5, с. 31].

Именно при такой международной «конструкции» в Евразии, к которой, по мнению ученого, «по всем признакам, идет человечество», и именно при такой международной системе «спор между Россией и Тураном может быть улажен без кровопролития» [5, с. 31]. Иначе говоря, решение «туранского вопроса», по его мнению, может осуществлено двумя путями. Во-первых, если «российское государство не может отказаться от турецких территорий, находящихся в его пределах, ибо это противоречило бы всем его экономическим и политическим интересам», то Россия обязана в полной мере удовлетворить «экономические, политические и культурные требования» туранских народов. И, во-вторых: «Если бы сама Турция нашла, ввиду наличия в России миллионов ее соплеменников, что ее культурные и экономические интересы более совпадают с интересами России, чем с интересами Европы или Азии, то она могла бы войти в состав российско-турецкой группировки, имеющей такое же особое лицо, как и европейская, и американская группировки народов». При этом, А. Н. Мандельштам, не без оснований, полагал, что «со временем» к этой региональной группировке могла бы примкнуть и Персия [5, с. 32].

Бот создание такого большого «регионального сообщества» в Евразии, еще в 20-30-х гг. ХХ в. виделось нашему опытному дипломату и ученому. В связи с этим, возникают известные параллели: «Восточный союз» в основном именно в такой конфигурации предполагал еще в 80-х гг. XIX столетия другой бывший российский дипломат в Турции — К. Н. Леонтьев. В «Восточной конфедерации», создание которой напрашивалось уже тогда, могли бы участвовать, наряду с Россией и балканскими странами, также Турция и Иран [7, с. 561]. Такой широкой проект мог бы стать, по его мнению, реальной альтернативой сопредельной «европейской федерации». А за несколько месяцев до смерти (он умер в 1891 г. — С. С.) он намеревался довести свою идею о Восточном союзе, «долгими годами выношенную», сведения Государя, в виде «секретной записки», но только не через МИД, руководители, которого, по мнению Константина Николаевича, «слишком мелки для такого взгляда». Но, говоря о «Восточной конфедерации», он уточнил, что в состав союзной Турции должны входить — собственно Азиатская Турция, Сирия, Палестина, Аравия и Египет «с изгнанием англичан и международной нейтрализацией Суэзского канала» [8, с. 191-192]. Таким вот было к началу 90-х гг. XIX в. концептуальное «международно-политическое завещание» К. Н. Леонтьева.

С тех пор как он выступил с ним, со своими оригинальными идеями, прошло (до времени публикации «соображений» А. Н. Мандельштама — С. С.) 40 лет, однако «ключевые действующие лица» этой возможной «внеевропейской» региональной интеграции в Евразии остались те же.

В связи со сказанным выше, следует подчеркнуть, что нельзя отказать А. Н. Мандельштаму в понимании того, что весьма актуально сегодня (т. е. на рубеже 20—30-х гг. XX. — С. С.) и необходимо как для России, так и для Турции, а также для русского, тюрksких и «туранских» народов. При этом автор концепции «российско-турецкой группировки» не просто витал где-то в «глобально-политических облаках», а он достаточно здраво полагал, что его идея о региональной российско-турецкой интеграции «реальнее пантуранизма и уже, во всяком случае, более в духе нашего века» [5, с. 32]. И здесь нельзя не обратить внимание на выражение — «в духе века», поскольку, несмотря на все мировые и национальные конфликты, XX в., действительно, шел к своей «интеграции», окончательное создание которой он предал XXI столетию.

Что касается регионального российско-турецкого согласия как фактора преодоления возможного агрессивного пантуранизма (и, с другой стороны, добавим, — потенциального российского империализма), то обширные комментарии здесь, на наш взгляд, излишни, ибо достаточно четкий вывод сделан на этот счет самим А. Н. Мандельштамом. «Пантуранизм, — справедливо заключил он, — может повести к новой войне... создание [же] российско-турецкого блока... [исключит] ее навсегда из отношений между обеими расами» [5, с. 32]. Он также искренне верил, что «освобожденный [в будущем] от большевистского ига русский народ сумеет говориться с туранскими народами относительно условий дальнейшего политического сосуществования в пределах России». При этом «вместо отказа от своих туранских земель, Россия может протянуть Турции руку для мирного сближения русского мира с туранским в новых формах, вырабатываемых современной международной жизнью» [5, с. 32-33].

Как все это произошло в 90-е гг. XX столетия, — теперь уже известно. Бывшие союзные республики (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Азербайджан) стали после распада СССР суверенными государствами, а автономные республики и области (Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Алтай, Хакасия, Тыва, Якутия и др.) — субъектами Российской Федерации. С другой стороны, как и предполагал А. Н. Мандельштам, не только в Европе, но и вне, ее стали зарождаться и крепнуть «новые формы» международной жизни, происходить сближение государств и народов, проявляться региональные интеграционные тенденции. Постепенно (хотя и не без проблем) начал формироваться (параллельно Европе — С. С.) полноценный и конкурентоспособный Евразийский регион, активное участие в котором принимают и тюркоязычные государства. Дорога туда не закрыта, разумеется, и для Турции. О чем заявил в свое время еще А.Н. Ман-

дельштам, назвавший русско-турецкие, российско-турецкие отношения «великой туранской проблемой» [5, с. 33]. Именно он (одним из первых специалистов-международников — С. С.) сформулировал на рубеже 20—30-х гг. XX в. для будущей свободной России концепцию региональной интеграции, которую сегодня мы с полным основанием можем назвать «концепцией евразийской интеграции». На появление этой идеи, вне сомнения, повлияло и возникновение в 1920-е гг. ранних «паневропейских идей». Но из этого, мы, вправе, должны сделать и другой вывод: реальным толчком для кристаллизации идеи «внеевропейской» (т. е., по существу, евразийской) региональной «группировки» стал, в т. ч. и пантуранизм. Разумеется, А. Н. Мандельштам как русский патриот своей родины, никак не мог принять коначные цели пантуранизма, но осмыслить их «без гнева и пристрастия», он был в состоянии. А уяснив ее, он воспринял идею «пантуранизма» и как вызов, и как фактор к потенциальной, позитивной региональной интеграции на взаимоприемлемых (в т. ч. международно-правовых) основаниях. Хорошо представляя конфронтационный потенциал в российско-турецких отношениях, бывший дипломат (и это весьма важно) стал твердым и последовательным сторонником «обновления и последующего сближения России и Турции».

Иначе говоря, А. Н. Мандельштам выделил в пантюркизме не только «агрессивный пантуранизм» [5, с. 23], но и увидел в нем (в контексте большого российско-турецкого межгосударственного сообщества — С. С.). «возможность толерантного тюркизма». Увидел он в этом контексте и преодоление «агрессивного пантуранизма» и «российского империализма» вполне «справедливого двойника воинствующего пантуранизма».

Словом, идеи А. Н. Мандельштама о «российской группировке европейских государств» и «российско-турецкой группировке» вполне оригинальны. Но подобный подход к обсуждаемой проблеме являлся не произвольной комбинацией в международных отношениях. Мысль о «самостоятельном пространстве» между европейской и азиатской «лигами» было ничем иным как следствием, по существу, евразийского взгляда на Россию и сопредельные с ней страны. Близость идей А. Н. Мандельштама к идеям русских евразийцев 20—30-х гг. — это вне сомнения — очевидна. Правда, в связи с этим, встает закономерный вопрос: «А был ли знаком он с трудами тех эмигрантов, кто называл свои взгляды на мир «евразийством»? Сопоставление фактов дает все основания ответить положительно на этот вопрос. Так, указав на особенность («срединность») географического положения России, не позволяющей ей войти «ни в европейскую, ни в азиатскую лигу», А. Н. Мандельштам, в то же время, отметил, что нельзя не считаться и с фактом существования большого комплекса общероссийских интересов, который, по его мнению, необходимо иметь в виду даже «не вдаваясь здесь ни в какие «евразийские» доктрины». Надо сказать, что такая говорка весьма примечательна, поскольку она означает, что А. Н. Мандельштам был неплохо знаком

с воззрениями российских евразийцев 20-х гг. В этой связи, встает и другой вопрос: «А почему не стал он «вдаваться» в «великую турецкую проблему» с учетом подхода к ней «евразийцев»? Можно предположить, что будучи в прошлом дипломатом, а также ученым — международником, он смотрел на русско-турецкий вопрос с «международно-политической точки зрения», а не с «историко-цивилизационной» или «культурологической». Его, в первую очередь, привлекала не мировоззренческая концепция, не идеяная «доктрина», а «живой» процесс трансформации современных ему международных отношений. Возможно, именно поэтому он и вывел «евразийство» как направление (как подход — С. С.) за пределы своего анализа и выдвинутых им «соображений».

И, касаясь их сегодня, спустя почти 90 лет, мы отчетливо просматриваем во взглядах

А. Н. Мандельштама евразийский геополитический, региональный подход, никак не противоречащий, а, наоборот, углубляющий географические и культурологические размыщения и наблюдения его современников — евразийцев 20—30-х гг.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, мы можем с полным правом утверждать, что «евразийский» проект А. Н. Мандельштама был обращен в будущее его родины и явился, по сути дела, его завещанием ей, которое в полной мере было реализовано ею на исходе XX столетия. Именно тогда, после распада СССР появилась на мировой арене посткоммунистическая Россия, видевшаяся А. Н. Мандельштаму в его проекте федеративным объединением, учитывающим интересы как интересы своих «российских народов», так соседствующих с ними тюркских «евразийских» народов.

Библиографический список

1. Модоров Н. С. История России. 1855-1900 гг. — Горно-Алтайск, 2005.
2. Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. — М.—Пг., 1915.
3. Mandelstam A. Le sort de l' Empire Ottoman. Lausanne-Paris, 1917.
4. Mandelstam A. La Societe des Nations et Pussances devant le probleme armenien. Paris, 1926.
5. Мандельштам А.Н. Введение//Зареванд. Турция и пантуранизм. — Париж, 1930.
6. Энциклопедический словарь. — М., 1984.
7. Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Восток, Россия и Славянство. — М., 1996.
8. «Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // Нестор, 2000. — №1.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Получено 15.04.09

S. V. Seliverstov

THE GLANCES OF «EUROASIANS» ON THE SOCIAL ORGANIZATION OF MULTINATIONAL STATE OF SYSTEM

In article scrutinize the «euroasian» project of russian diplomat, scientist A.N.Mandelshtam relatively the organization of multinational state and the judgement of russian-turkish terms — of «turanic a problem».

diplomat, scientist A.N.Mandelshtam, multinational state, «euroasians», «euroasian» project, «pan-turanism», «turanic a problem»

УДК 39

H. A. Тадина, T. C. Ябыштаев

О СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧНОСТИ АЛТАЙЦЕВ В СВЕТЕ ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ¹

В статье рассматривает причины противоречий между южными и северными алтайцами, приведших к выделению «новых этносов». Под этнонимом «алтайцы» подразумеваются южные группы — алтай-кижи, теленгиты и северные — тубалары, челканцы, кумандинцы, расселенные в Горном Алтае и представляющие титульный этнос Республики Алтай.

Этнос, этничность, алтайцы, этнокультурные традиции, Республика Алтай

В последнее время этнографические (этнологические) знания становятся все более важными для верного понимания общего и особенного в развитии современных народов. Английский термин «ethnicity» (этничность), пришедший к нам из западной социальной антропологии, отражает то, что происходит с «этносами» в условиях гло-

бальной модернизации. В этом смысле «этничность» — это по форме и содержанию современное понятие. Этнологические исследования показывают, что этническая идентичность часто является реакцией на процесс модернизации и неслучайно в последние годы в нашей стране наблюдается резкий рост этнической проблематики [1].

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ (проект № 09-03-61302 а/Т).

В целях реализации регионального проекта РГНФ (№ 09-03-61302а/Т) нами был собран этнографический материал по актуализации этничности в современных условиях этносоциального и этнополитического развития Республики Алтай. Для изучения вопроса была адаптирована методика полевых исследований и научного анализа, как-то сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы, метод этнографического наблюдения и вырабатываемый нами в полевой работе метод опроса на языке изучаемого этноса [2, с. 159-163].

Среди многочисленных вопросов о будущем народов республики актуальной остается проблема деления алтайцев на ряд «этносов»: кумандинцев, челканцев, тубаларов, теленгитов и внесение их в 2000 г. постановлением Правительства РФ в список малочисленных народов Севера и Сибири. В средствах массовой информации неграмотно применяются определения и используются термины: например, в передачах местного телевидения любого знатока традиций и дилетанта народной культуры называют «этнографом», самую многочисленную в республике диаспору казахов называют «этносом», не говоря о том, что отдельными «этносами» стали челканцы, кумандинцы, тубалары и даже теленгиты. С одной стороны, это явление объясняется возможностью благополучного этнического возрождения каждого из них, особенно северных алтайцев, как по облику, так и по культуре: у молодежи появится желание и потребность знания родного языка, обычаяв и традиций своего народа, уменьшится процент смешанных браков, словом, процессы ассимиляции в среде отдельно взятого народа ослабнут. С другой стороны, такое деление на ряд этносов объясняется наблюдаемыми сильными различиями в обрядовой культуре, нравах, обычаях каждого народа, даже у теленгитов, и что якобы давно пора восстановить справедливость и назваться отдельным этносом (народом).

Такая позиция появилась не на пустом месте. Еще алтайским миссионером В.И. Вербицким были замечены этнокультурные различия алтайцев [3]. Введенное им деление алтайцев на «северных» и «южных» по территориально-ландшафтному признаку распространилось в историко-этнографической литературе, но при этом российские путешественники и исследователи XIX в. видели и отмечали в тюркском населении Русского (Горного) Алтая единую этническую общность [4-6]. Неслучайно северные этнические группы (тубалары, челканцы, кумандинцы) и южные алтайцев (теленгиты, алтай-кижи) в прошлом веке составляли единый этнос, хотя до сих пор осознают свое этнокультурное отличие по диалекту, в быту, обычаях, что обосновывается территорией проживания и их этническим развитием.

Географическое положение северных алтайцев предопределило их судьбу: они оказались в большей степени ассимилированными в русскоязычной среде и утратившими знание родного языка, но сохранившими этническое самосознание. Для южных алтайцев, менее ассимилированных, знание родного языка является главным этническим

маркером и поэтому большинство из них с раннего детства говорит на родном языке. В силу большей сохранности таких признаков как знание родного языка, соблюдение родовых обычаяев, сохранение бытовой и обрядовой культуры южные алтайцы всегда выражали надменность над северными группами, утратившими свое «я», прозвав их «туба», в смысле «этнический маргинал». Отсюда вытекают причины прошлых травм этнического сознания северных алтайцев, выраженных в противостоянии стереотипов восприятия «су алтай» (истинный алтаец) и «туба» (обрусовший алтаец), приведших к групповым обидам, во многом определивших идею о дроблении алтайцев на отдельные этносы [7, с. 178-184].

В повседневном внутриэтническом общении алтайцы подразделяют себя по родовой принадлежности и по подгруппам, сосредоточенным по речным долинам. Живущие в одной речной долине осознают себя как единую общность. Регион проживания образует своеобразную территориальную единицу этноса, сосредоточенную вдоль реки. Речная долина осмысливается как этническая, семейно-родовая территория, родной край человека, поэтому, неслучайно, при знакомстве называют не только имя и фамилию, свой сёок, но и реку, в долине которой вырос. В этническом сознании группы, так и ее соседей, сложилось название группы по месту локализации, т.е. по названию речной долины. Оно обычно состоит из двух слов: долина р. Урсул называется «Урсул ичи»: под определением «ичи» имеется в виду низина, окаймленная горными хребтами. Расселенная здесь группа так и называется «Урсул ичинип алтайлары» (алтайцы долины Урсулы) [8, с. 151-159].

Горный Алтай разнообразен по природно-ландшафтным условиям, в нем юг как горный край, отличен от севера. Его северная часть, предгорье, покрыта тайгой и охватывает Чойский, Турачакский и Майминский р-ны. Эта территория северных алтайцев, имеющих общее название, данное южными соседями: «жыши-кижи» — «таёжный человек», в смысле, «таежные люди, таёжники». Другая часть северных алтайцев, сосредоточенная по р. Бии и впадающих в нее р. Лебедь и притока Байгол (Турачакский р-н), имеет другое общее название «куу-кижи», (куу — «лебедь»), «жители по р. Лебедь» или «лебединцы», согласно принятой классификации — «челканцы». В алтайском языке под этим этнонимом понимается название сёока «чалканду» (шалканду), а понятие «северные алтайцы» и вовсе не употребляется. Вместо него используются описательные определения по месту проживания северных групп, такие как «жыштып албаты» (таежный народ), «тәңдертинып улузы» (люди с низовий рек) [9, с. 152-154].

Сторонники деления алтайского народа на ряд этносов ставят основным аргументом наличие локальных особенностей в каждой этнотERRиториальной группе. Во-первых, территория формирования и сосредоточения группы южных и северных алтайцев не может быть одним из главных аргументов превращения ее в этнос. В природном

и этносоциальном отношении эти регионы образуют единый Горный Алтай. Во-вторых, диалектные отличия языка теленгитов или тубаларов не могут являться причиной для выделения их в отдельный этнос, как правило, любой язык состоит из диалектов. В-третьих, локальные отличия в бытовой и обрядовой культуре не следует раздувать до степени особых обрядов отдельного народа, наличие их свидетельствует о разнообразии природных и социальных условий формирования народа: так сегодня теленгиты в большей степени скотоводы, а тубалары огородники. В силу таких хозяйствственно-культурных особенностей у группы вырабатываются бытовые и обрядовые отличия, так на свадьбе южных алтайцев почитание родственников выражается в подношении им той или иной части туши — у теленгитов баранья голова, у алтай-кижи баранья грудинка и крестец от конской туши.

Издавна в речной долине и высокогорной степи коренное население развивалось на разной материальной основе со своеобразной мировоззренческой системой. Анализ собранного этнографического материала позволил осветить ряд проблем взаимодействия природной среды, конкретно, ландшафта, и этноса, в условиях которого он формируется. Изучение обрядовой культуры показывает, что каждый ее элемент несет на себе конкретную знаковую символику числа (чет-нечет), почитание возраста (младшим старшего), единство миров (природы и людей), отражающих особенности мировоззренческих представлений народа.

При сборе полевого материала нам нередко приходилось слышать сведения об этнокультурных отличиях, наблюдаемых в других районах. Например, в с. Шыргайты (Шебалинский р-н) наши информаторы рассказывали о своем опыте сватства в Кош-Агачском районе, объясняя обрядовые несоответствия тех мест влиянием культуры казахов, живущих по соседству. При этом теленгитов называли «казахами», тем самым, отчуждая их от «истинных» алтайцев, каковыми считают себя. Другой пример, на очередном республиканском празднике «Эл-ойын» во время музыкального представления алтайской делегации Усть-Коксинского района в среде зрителей раздалось критическое «яржактар» (в смысле «кержаки»), с намеком на то, что выступающие подвергнуты влиянию культуры старообрядцев, живущих рядом с ними.

Таким образом, в среде алтайского этноса звучит твердое убеждение о своей этнической «мягкости» и склонности к этнокультурному влиянию в иноэтнической среде. Такая позиция, вероятно, возникла не сразу, а в результате наблюдения на протяжении не одного столетия.

Каждый из алтайцев с детских лет знает к какому сёоку-роду он относится. Без понимания своей родовой принадлежности, переходящей по линии отца, невозможно соблюдение родственных отношений, родовых обычаяев авункулата (между племянником и дядей по матери — таай), норм экзогамии (запрета брака внутри сёока-рода, ведущего к кровосмешению и нарушению системы родства) и даже традиций гостеприимства. Обычно при знакомстве называют не только свое имя

и фамилию, но и свой сёок-род, место происхождения (речную долину, район, село), по которому можно определить этнотERRITORIALную группу южных или северных алтайцев.

Следует остановиться на свадебной обрядности южных алтайцев. Ее локальные отличия представляют собой сохранившийся обрядовый фрагмент. При сборе полевого материала произошел уникальный случай у одного из авторов этой статьи, о котором она рассказала в своей книге: «Самый старший мой информатор Алгычи Ташкыновна Борбуева (1891—1993 гг.) рассказала о существовавшем в Шебалинском районе («Беш ичинде») — «в долине реки Песчаная») обычай устанавливать (вкалывать) срезанную березу с восточной стороны аила. На ее макушку повязывали белые ленты кыйра. На нижние обрубленные сучья вешали части туш, предназначенные для сватовских угощений. Такая береза называлась «кыйралу чакы». Этот обычай я нашла сохранившимся в алтайском селе Кучерла («Күйурлу») Усть-Коксинского района. О нем знают и помнят в долине Уймон («Оймон ичинде»). Это было полной неожиданностью обнаружить у алтайцев, проживающих в среде старообрядцев. Интересны архаические обряды, описанные очевидцами в трудах XIX в., которые сохранились в свадьбе теленгитов: например, обычай «кейелеп јурер» (в смысле «зятевать», который был отмечен у теленгитов Н.И. Шатиновой как послесвадебный период: «... раньше жених должен был жить у невесты целый год. Родители невесты должны были кылыгын кэрпэр — «узнать характер жениха» [10, с. 62]. Таким образом, локальные отличия свадебных обрядов позволяют реконструировать единую модель алтайской свадьбы.

Изучение обрядовой культуры необходимо для освещения социального развития алтайского этноса. Свадебная обрядность относится к наиболее устойчивым компонентам традиционно-бытовой культуры, а поэтому является ценным историческим источником. Во-первых, для определения эволюции семейно-брачных отношений (структура семьи, формы заключения брака). Свадебная обрядность представляет собой сложный динамичный организм. В ней сохранились многочисленные пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, отголоски не только древних обрядов и обычаяев, но и тех, которые живы в народной памяти. В связи с распространением бурханизма (начало XX в.) ритуал приветствия сватов у алтай-кижи Усть-Канского и Онгудайского районов пополнился обычаем обмена арчыном можжевельником. В свадебной обрядности бурханистов исчезли архаические обрядовые элементы: ритуальные игры при встрече гостей, эротический «сэйкчиши», были заменены раковины каури-«јыламаш», используемый в украшениях прически и одежду шаманистов, на перламутровые пуговицы, изменился интерьер юрты с появлением объектов поклонения-«јайык» бурханистов [11].

Результатом исследования обрядовой культуры является реконструкция хозяйствственно-культурной жизни народа. В структуре свадебной обрядности объединены различные компоненты ма-

териальной культуры, несущие знаковую нагрузку (одежда, украшения, жилище, пища и т. д.). Освещение их состава, форм и функций определяет не только стабильность или подвижность традиций, но и выявляет смысл, характер и особенности их использования в свадебном обряде. Свадьба выражает особенности мировоззрения народа, его взгляд на место человека в земной жизни, смысл его существования, роль брака и семьи. Совершение обрядовых действий насыщено магической символикой и сопровождаются различными фольклорными жанрами — пословицами, поговорками, песнями.

Наконец, изучение обрядовой культуры дает возможность внести определенный вклад в разработку этнических проблем, связанных с этническим самосознанием, выявить общие обрядовые элементы с другими тюркскими народами, что свидетельствует об общих периодах этнической истории. Этнографические особенности местных вариантов свидетельствуют о продолжающемся развитии обрядовой культуры: где-то подвергается влиянию соседних народов — русских или казахов, неизбежно происходит нивелировка свадьбы, например, европеизированный костюм новобрачных,

брачных, в одних местах происходят активные нововведения, а в других сохраняют старинную свадьбу. Неслучайно говорят, что в каждом селе и районе своя свадьба — такое мнение складывается лишь на первый взгляд, а в основе своей алтайская свадьба до сих пор традиционна. Как сказал один из виднейших современных этнографов С. А. Арутюнов, что «всякая традиция была тоже когда-то новшеством» [12, с. 160].

Собранные сведения рассматриваются в качестве базовых для дальнейшего исследования по проекту. Результаты изучения темы позволяют пролить свет на чрезвычайно актуальные вопросы формирования этничности на фоне этнического сознания и эволюции традиционного мировоззрения. Разобщенность южных и северных алтайцев в виде полярных этностереотипов «алтай-кижи — туба» объясняется степенью русского влияния. Значительную роль при этом играет самосознание людей, составляющий единый этнос: как их взаимная идентификация, так и различие от других подобных общностей в форме антитезы «мы»—«они». Именно в этническом самосознании алтайцев заключается одна из главных особенностей их современного развития.

Библиографический список

1. Этнос и этничность [Электронный ресурс] /Режим доступа: <http://socioline.ru/>
2. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. О методике сбора этнографического материала на языке изучаемого этноса // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история (матер. конф.). — Барнаул, 2007.
3. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. — М., 1893.
4. Радлов В. В. Из Сибири. — М., 1989.
5. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891.
6. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969.
7. Тадина Н. А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия АГУ. — Барнаул, 2008. №4/2(60).
8. Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири (сб. ст.). — СПб., 2007.
9. Тадина Н. А. О русском факторе этнических процессов у алтайцев // Алтай — Россия: через века в будущее (матер. конф.). — Горно-Алтайск, 2006. — Т. II.
10. Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. — Горно-Алтайск, 1981.
11. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX—XX вв.). Горно-Алтайск, 1995.
12. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 21.04.09

N. A. Tadina, T. S. Jabyshtaev

ON THE MODERN ETHNICITY OF THE ALTAI PEOPLE IN THE LIGHT OF THEIR ETHNIC AND CULTURAL TRADITIONS

The article deals with the causes of the antagonism between The Southern and Northern sections of the Altai people that have led to appearing of “new ethnicities”. The ethnonomic “Altai people” embraces Southern group — Altai-kizhi, Telengits and northern ones — Tubalars, Chelkans, Kumandins That live in The Mountainous Altai and the title ethnicity of The Republic Altai.

Ethnic, ethnicity, Altai people, ethnic and cultural traditions, The Republic Altai

УДК 902

O. Ю. Черемнова

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «АЛТАЙДЫН ЧОЛМОНЫ» В 1922—1965 гг.

В статье, на основе архивных материалов, освещена история образования и деятельность областной газеты «Алтайдын Чолмоны» в 1922—1965 гг.

**Горный Алтай, печатный орган, периодическая печать, редакция газеты,
штатные работники, внештатные корреспонденты**

Занимаясь изучением истории печатных органов в Горном Алтае, нам приходится констати-

ровать, что здесь долгое время не существовало своих изданий. Вся периодическая печать посту-

пала в нашу автономную область из других сибирских городов: Томска, Новониколаевска (ныне г. Новосибирск), Барнаула и Бийска. Одной из многих причин, мешавших быстрому проникновению печати в наш регион, являлась его географическое положение (удаленность от развитых городов, гористая местность и т. д.).

Периодическая печать в Горном Алтае начинала формироваться только лишь с предоставлением алтайцам 1 июня 1922 г. автономии. Одним из первых изданий, ставшим после этого выходить в Горном Алтае, явилась газета на алтайском языке «Алтайдын Чолмоны».

В данной статье мы, на основе изучения архивных материалов предприняли попытку показать историю становления печатных органов в Горном Алтае, на примере газеты «Алтайдын Чолмоны», а также провести анализ ее деятельности в указанный хронологический период.

Название данной газеты неоднократно менялось. Первоначально, с ноября 1922 г. по сентябрь 1929 г., газета именовалась «Кызыл Солун табыш» («Красные известия»), а с сентября 1929 г. по январь 1948 г. — «Кызыл Ойрот» («Красный Ойрот»). В январе 1948 г., в связи с переименованием Ойротской автономной области в Горно-Алтайскую, газета получила нынешнее ее название — «Алтайдын Чолмоны» [1].

В решении директивных органов по изучаемой нами проблеме, указывана точная дата начала издания в Горном Алтае областных газет — 7 ноября 1922 г. Причем газета «Кызыл Солун табыш» должна была выходить в свет, как явствует из документа, один раз в месяц и в качестве приложения к газете на русском языке «Ойротский край» [2, л. 2]. В дальнейшем газета стала выходить пять раз в неделю, на четырех полосах [3, л. 1].

Первый номер газеты «Ойротский край» вышел, как уже упоминалось выше, 7 ноября 1922 г., а ее перевод, т.е. первый номер газеты «Кызыл Солун табыш» на русском языке — 15 ноября 1922 г. Поскольку в газетах был идентичный текст, то датой выпуска первого номера газеты «Кызыл Солун табыш», естественно, принято считать 7 ноября 1922 г. [4, л. 1].

Однако выход газеты еще не свидетельствовал о том, что все вопросы, связанные с данной газетой, были решены. Это далеко не так. К примеру, положение о редакции газеты было утверждено лишь 1 января 1953 г., которое подписал начальник управления культуры В. Трушин. В соответствии с ним, основной задачей редакции являлось издание газеты. Для ее решения, редакции предоставлялось право распространять свои и чужие издания на территории города и области, кредитоваться в государственном банке, открывать расчетный, специальный и другие счета, создать и зарегистрировать свой устав. С момента регистрации последнего, редакция стала пользоваться всеми правами юридического лица [5, л. 1].

Во главе редакции газеты стоял редактор, назначаемый приказом начальника отдела издательств и полиграфической промышленности. В его ведении находилось управление делами и

имуществом редакции, заключение сделок, входящих в круг операций редакции. Заведовал редактор газеты, согласно положению, и всеми финансами, вел их контроль и занимался ведением и составлением разного рода отчетов [5, л. 1].

Ликвидация редакции могла производиться только комиссией, назначенной Алтайским краевым Управлением культуры [5, л. 2]. Этим положением пришлось воспользоваться редакции газеты «Алтайдын чолмоны» в 1963 г.: тогда редакции областных газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» были объединены в единое «государственное учреждение». В объединенной редакции тогда числилось всего 24 штатных единицы: редактор, два заместителя редактора, два ответственных секретаря по изданию, четыре заведующих отделами, восемь литературных сотрудников, четыре переводчика, три собкора, выпускающий газету, фотокорреспондент, художник-ретушер, технический секретарь, библиотекарь, старший машинист-стенографист, три машинистки, учетчик отдела писем, ревизор-корректор, четыре корректора, два телетайписта, бухгалтер, счетовод-кассир, завхоз, две уборщицы, два курьера, два шоfera и два вахтера [6, л. 4]

Но это будет потом, пока же на начальном этапе становления национальной газеты надо было решать целый комплекс сложных задач. Одной из них для редакции газеты «Алтайдын Чолмоны» была (причем осталась на долгие годы — О. Ч.), нехватка (а точнее почти полное отсутствие — О. Ч.) квалифицированных рабочих кадров. Решить, конечно же, в известной степени, эту проблему редакции помогли нештатные сотрудники или как их называли по-другому «рабселькоры». Благодаря им, в редакцию газеты регулярно поступали письма из всех районов Горного Алтая, в которых рабселькоры освещали самые различные вопросы развития экономики и культуры автономной области [7, л. 1].

Состав рабселькоров, естественно, был весьма разнообразен. Так, даже в 1963 г. в числе внештатных корреспондентов значились рабочие (10%), колхозники (30%), специалисты сельского хозяйства (15%), врачи и учителя (15%), партийные, комсомольские и советские работники (8%), работники культуры и торговли (10%) и 12% падало на долю интеллигенции и пенсионеров. 63% об общего количества рабселькоров, имели высшее образование [7, л. 32].

Испытывая нехватку штатных квалифицированных кадров, руководство редакции, естественно, стремилось к постоянному увеличению количества внештатных корреспондентов. Штатные работники редакции постоянно занимались, будучи в командировках или встречаясь с населением, привлечением в газету широких народных масс. В те годы было принято считать, что «новые авторы — это новые темы, новые свежие мысли, новые таланты из народа». По мнению высокого начальства, именно корреспонденты из народа могли более доступным и понятным языком рассказать широкому кругу читателей о любых «наших проблемах или достижениях» [7, л. 19]

И, надо сказать, корреспонденты «от народа» тесно сотрудничали с редакцией, буквально заваливая ее огромным количеством писем. В последних всегда присутствовала информация о каких-либо нарушениях на местах, о произволе местного начальства и т. д. И все это подлежало обязательной проверке. По письмам проводились расследования, после чего виновник писал, в свою очередь, письмо в редакцию газеты со своими объяснениями. Благодаря этому, решались проблемы многих жителей Горного Алтая. Так, например, благодаря работе внештатного корреспондента газеты «Алтайдын Чолмоны» в Шебалинском районе были приняты меры по пресечению присвоения средств отпущеных на капитальное строительство, налажена работа радио- и телефонная связь в селе Каспа, приняты серьезные меры в отношении хулиганов в селе Анос, а в Онгудайском районе была упорядочена розничная торговля, налажено снабжение печеным хлебом. За нарушение правил торговли был тогда снят с работы продавец магазина в селе Купчегень, упорядочена торговля в селе Каянча, приведен в порядок сельхозинвентарь в совхозе «Ининском» и т. д. И таких примеров было немало. Ни один район не оставался тогда без проверки по письмам. Иначе говоря, каждое письмо в редакции изучалось, по нему проводилась проверка и принимались соответствующие меры [7, л. 30].

Словом, своевременные письма рабселькоров всесторонне помогали людям, а газету они делали более интересной и содержательной. Они давали возможность вовремя информировать жителей области не только о происходивших в ней, в стране в целом, событиях, об интересных людях, проживавших в Горном Алтае и многом другом.

Но, как это всегда бывает, не все проблемы решались быстро и своевременно, не все шли на встречу газете и не все хотели с ней сотрудничать. Особенno это не хотелось делать тому, кому следовало отчитываться за свои «грехи и оплошности». Так, например, в 1965 г. редакция газеты не смогла опубликовать 125 писем, т.к. ответы на редакционные запросы не были получены газетой. В силу объективных и субъективных причин некоторые письма не были опубликованы, а значит и проблемы, поднятые в них, соответственно, не были решены. Их авторы всегда ждали ответа из редакции. Например, в редакцию газеты поступило письмо о беспорядках, имевших место в колхозе им. Карла Маркса Онгудайского района. Его автор, рабселькор Челтугашева, отправила свое письмо еще 17 декабря 1964 г. Ко-пию последнего, для принятия мер, редакция газеты отправила 19 декабря парторгру колхоза Эликову. Но ответа от него, так и не поступило. Или другой пример. В редакцию поступило письмо, в котором сообщалось о низком качестве выпечки хлеба в селе Кош-Агач. В январе 1965 г., туда был направлен редакцией запрос, но председатель райпотребсоюза не посчитал нужным ответить на него [8, л. 62]. Не лучше обстояло дело с ответами и на рассылаемые редакцией вырезки из газет. Они же отправлялись ответработниками по критическим выступлениям, опубликованным на стра-

ницах областных газет. Например, в газете «Алтайдын Чолмоны» (№21, 1965 г.) была опубликована статья «Требования чабанов». В ней говорилось о плохом обеспечении чабанов промышленными и продуктами товарами. Однако председатель Кош-Агачского РПС ответа на данную статью не дал. В этом же номере была опубликована и статья о плохой работе учреждения культуры на фермах Ябоганского совхоза. Вырезка этой статьи была направлена для объяснений. Но ответа в редакцию тоже не поступило [8, л. 63].

В редакцию шли письма и от обычных читателей. Практически все писали о недостатках в торговом обслуживании населения, о плохой работе культурно-просветительных учреждений, о хозяйственных неполадках и трудовых спорах, о недостатках в работе работников почты и радио, о работе школ, интернатов и медицинских учреждений, о недостаточном развитии физкультуры и спорта на селе, о недостатках в деле охраны природы и окружающей среды, о нарушителях общественного порядка. Редакция газеты брала под особый контроль принятие мер по таким письмам. Надо сказать, расследования по письмам велись достаточно оперативно. О их результатах газета сообщала тоже быстро. Газета либо давала ответ на письмо, если оно было напечатано, либо направляла свое письмо рабселькору, если его письмо по каким-либо причинам не было опубликовано [8, л. 9].

Благодаря письмам рабселькоров и читателей, складывались и рубрики газеты. Так, «Алтайдын Чолмоны» на своих страницах вела такие рубрики как: «В Горном Алтае», «За границей», «В странах капитала», «В братских странах социализма», «В родной стране». Наряду с этими, велись и специальные рубрики: «Здоровье и быт», «Советы врача», «Школа и семья», «Литература и искусство», «Нам пишут», «Наша почта», «Люди, события и новости», «Вокруг света», «Интересные новости» и т. д. На страницах газеты часто появлялись очерки, зарисовки и рассказы. По просьбе читателей она часто публиковала отрывки из новых художественных произведений советских писателей, в том числе Л. В. Кокышева, Э. М. Палкина, а также консультации по трудовым спорам и др. [9, л. 31]. Почти в каждом номере газеты печатались критические заметки и статьи. Критика, как уже упоминалось выше, не оставалась незамеченной, все критические статьи обсуждались на местах и по ним принимались меры, о чем с мест направлялись отчеты [9, л. 32].

Каждый отдел при написании своих статей, обязательно использовал письма читателей, которые подкреплял другими примерами из действительной жизни, т.е. проводил расследование по данному письму и подтверждал его полученными дополнительными фактами и делился этим с читателями. Обязательно высказывал свои выводы и предложения для решения какого-либо возникшего вопроса [10, л. 3]. Такая связь газеты с широкими массами города и деревни определяла и ее повседневную деятельность. Проиллюстрируем это на примере работы редакции газеты «Алтайдын Чолмоны» в 1963 г. Тогда она всецело планировала свою работу с учетом мнений своих читателей.

Так, в начале года ею были разосланы во все районы области анкеты, в которых каждый респондент мог изложить свое мнение о работе газеты, ее недостатках, высказать свои пожелания по улучшению работы газеты. Благодаря этим анкетам, редакция воочию смогла увидеть как положительные, так и негативные моменты в своей деятельности, лучше увидеть и понять потребности и запросы своих читателей [11, л. 31].

Были у редакции газеты «Алтайдын Чолмона» и проблемы. Без них, никогда не обходится деятельность любого учреждения, организации, особенно такой, как редакция газеты. Одной из самых острых ее проблем была работы типографии. Последняя же, как показывала практика, работала крайне неудовлетворительно над выпуском областных газет и набором книжной продукции. Согласно технологии выпуска газет и договору, заключенному между редакцией и типографией, последняя была обязана набирать и верстать две полосы в день. Однако типография систематически не выполняла условий договора. В силу этого, выпуск газеты ежедневно находился под угрозой срыва. Газета постоянно нарушала график ее подписания в печать: вместо 6-7 часов вечера, в соответствии с положением о газете и договором, а гораздо позже, как правило, после 12 часов ночи или же в 5-6 часов утра следующего дня. Постоянно допускались буквенные и грамматические ошибки, не говоря уже о стилистических [12, л. 1].

В связи с этим, многим работникам редакции, а

также наборщикам и верстальщикам самой типографии приходилось работать по 15-18 часов в сутки, что приводило к их полной усталости и неврному истощению [12, л. 6]. Такой график и условия работы нередко становились причиной семейных неурядиц у журналистов и работников газеты. В силу их, многие работники отказывались выходить на работу в ночную смену [13, л. 15].

В связи с возникавшими «сложностями» и «неувязками», редактору газеты приходилось то и дело обращаться к руководству области с жалобами, на некачественную работу типографии редакции, на срыв ею условий договора, заключенного между типографией и редакцией газеты. Приходилось порой редактору сигнализировать и о случаях намеренной порчи номера: нередко фотографии, помещаемые в газете, менялись, по невнимательности работников типографии, местами. Поэтому в последующих номерах редакции приходилось вносить поправки и извинения [13, л. 3].

Однако, если говорить о деятельности редакции газеты «Алтайдын Чолмона» в целом, то она вела в указанный выше хронологический период очень серьезную, сложную и действительно нужную своим читателям работу. Она помогала разбираться им в сложных внешнеполитических, внутриполитических вопросах, а также в проблемах, которые возникали у читателей, жителей Горно-Алтайской автономной области, в их повседневной жизни.

Библиографический список

1. Комитет по делам архива Республики Алтай (КПДА РА) Ф. Р-631. Оп. 1. (предисловие)
2. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 46.
3. Там же. Ф. Р-364. Оп. 2. Д. 1.
4. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 46.
5. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 2.
6. Там же. Ф. Р-364. Оп. 2. Д. 1.
7. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 4.
8. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 3.
9. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 4.
10. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 3.
11. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 4.
12. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 6.
13. Там же. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 3.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 27.04.09

O. Y. Cheremnova

THE FORMATION AND ACTIVITY OF NEWSPAPER «ALTAI CHOLMONY» IN 1922—1965 YEARS
In article, on the basis archive materials, throw light the formation and activity of newspaper «Altai Cholmony» in 1922—1965 years.

**Gorni Altai, printed organ, periodical press, editorial office,
staff workers, supernumerary correspondents**

УДК 902

O. N. Shmakov

КАДРОВЫЙ ВОПРОС В РАБОТЕ УРАЛЬСКОЙ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ ХХ В. (по материалам Пермской губернии)

В статье, на основе опубликованных и архивных источников освещена работа Уральской потребительской кооперации по обеспечению ее квалифицированными кадрами в начале XX века.

**Пермская губерния, Уральская потребительская кооперація, потребительские союзы,
кадровый вопрос, Единый кооперативный закон, Временное правительство**

В начале XX века Уральский край, по праву, выдвинулся в число регионов империи, имевших

наиболее развитую сеть кооперативных организаций. Быстрый количественный рост различных ко-

оперативов и союзов сразу же создал большой спрос на профессиональных работников кооперации. В этой связи, надо сказать, что по охвату уральского населения кооперативными формами деятельности сельская местность значительно опережала город. Так, к 1911 году 85% всех имевшихся в регионе потребительских лавок обслуживали непосредственно деревню [1, с. 9]. Такая ситуация во многом и предопределяла крестьянский характер кооперативного движения в крае и еще больше актуализировала кадровый вопрос.

Образование союзов в сфере потребительской и кредитной коопераций в стране на рубеже первого десятилетия XX века положило начало масштабной подготовке кооперативных кадров (специалистов). Именно союзы стали выделять целевые средства на их профессиональное обучение, устраивать курсы и лекции, выпускать кооперативную периодику, учебные пособия и т. д. Кооперативная интеллигенция, локализованная в слое союзного руководства, была кровно заинтересована в расширении своих профессиональных рядов.

Говоря о решении кадрового вопроса в то время, следует отметить, что в кооперативной среде бытовали две главных точки зрения на характер профессионального обучения. Согласно первой из них, подготовка будущего специалиста должна была ограничиваться только практическим освоением изучаемого предмета. Другая же часть кооператоров вполне справедливо полагала, что низкий уровень грамотности крестьянского населения не в состоянии обеспечить широкое распространение новых идей, а поэтому она считала, что кооперативную работу необходимо было совмещать с общеобразовательной. И данную точку зрения, это надо, вне сомнения, подчеркнуть, разделяло большинство российских кооператоров, в том числе и Уральское союзное руководство [2, с. 12].

Однако высказывая вполне справедливые замечания, оно не слишком проявляло себя на практике. Работа по повышению уровня грамотности российского, в частности, уральского крестьянства, велась «ни шатко ни валко». Причина этого заключалась, главным образом, в том, что вплоть до начала первой мировой войны возможности не только Уральской потребкооперации, но и общероссийской кооперации в целом, в сфере подготовки своих кадров были весьма ограничены. Вдохновителем и организатором кооперативного движения в этом направлении выступала, как правило, та часть разночинной интеллигенции, которая придерживалась «народно-социалистического» направления и видела в кооперировании единственный способ защиты крестьянского хозяйства от деструктивных процессов, вызванных «бурным» развитием отечественного капитализма. Если же говорить о самодержавном государстве в целом, то оно, в принципе, поддерживало развитие кооперативных форм деятельности, особенно кредитных, но было вынуждено контролировать все просветительские мероприятия кооперативов. Если же говорить об Уральских союзах, то права на систематическую образовательную работу они официально получили только в военные годы, когда верховная власть воочию

убедилась в огромном хозяйственном потенциале кооперации и ее патриотической позиции. Эта позиция государства в полной мере нашла свое отражение в вышедшем в марте 1917 года в Едином кооперативном законе, принятом Временным правительством, который разрешил кооператорам свободно объединяться в союзы, а также он предоставил им полные права на широкомасштабную культурно-просветительскую деятельность. По вполне справедливому замечанию столичной прессы, новый закон отразил особенность русской кооперативной школы, которая сочетает в себе как долгосрочные хозяйственные, так и образовательные цели. Таким образом, «постфевральский» период в истории развития кооперации можно с полным правом назвать временем ее наибольшего общественного роста. Но это будет несколько позднее, пока же мир, в том числе и Россия, неумолимо приближалась к мировой войне. И она грянула, как известно в июле 1914 года.

Увязывая ее начало и дальнейший ход ее развития с интересующей нас проблемой, можно с полным правом констатировать, что первая мировая война до предела обострила для кооперативного дела кадровый вопрос. В результате военных мобилизаций, количество грамотных кооперативных работников, особенно счетоводов, резко сократилось. Хотя, с другой стороны, число потребительских обществ быстро и неуклонно увеличилось. Обострению ситуации в них содействовал и продовольственный кризис, создавший в стране свою своеобразную товарную «горячку», которая охватила все слои российского населения. В таких условиях руководство кооперативных союзов, в том числе и уральских, должно было, с одной стороны, решить продовольственную проблему, а, с другой, — обеспечить стабильное пополнение кооперативного сектора специалистами и нормализовать тем самым работу своих низовых звеньев. С этой целью кооперативные союзы прибегли к помощи и возможностям Москвы в решении данных актуальных проблем. И Уральская потребкооперация в этом плане не составила исключение.

Возможность учиться в Москве на стипендии краевых союзов уральцы получили уже в 1915 году — в народном университете им. Шанявского, где сосредоточились лучшие по тому времени кооперативные кадры (А. В. Чаянов, А. Е. Кулыхный, Н. А. Каблуков, В. Н. Зельгейм и др.). Курс обучения в данном учебном заведении предполагал знакомство с принципами деятельности Московского союза потребительских обществ (МСПО) и Московского народного банка (МНБ), а также других крупнейших кооперативных структур, функционировавших в то время в дореволюционной России [3, л. 25].

Но, используя открывшееся образовательные возможности в Москве, Уральская потребкооперация сделала главный акцент в решении кадрового вопроса — подготовки профессиональных кадров, — беспокоившего ее, на свои собственные силы и возможности, а именно на организацию обучения при местных кооперативных союзах, которые обладали достаточной для этого матери-

альной базой. Так, Союз потребительских обществ Северо-Восточного района (г. Пермь) имел (согласно собранным об организациях сведениям) достаточно богатую библиотеку, типографию, два кинематографа, три «волшебных фонаря» (своего рода кинопроектора), а также располагал кооперативной секцией в естественно-научном музее и профессиональной школой с двухгодичным курсом обучения. Таким образом, сведя воедино все свои «силы и возможности», Уральская потребительская кооперация и развернула свою работу по подготовке необходимых ей кадров. Основные расходы по подготовке «широкого круга нужных им специалистов» союзы брали, как правило, на себя. Была согласована ими (в принципе) и плата за обучение того или иного специалиста. К примеру, плата за подготовку счетовода на соответствующих курсах при Уральском союзе потребкоопераций (г. Екатеринбург) составляла в 1916 году 20 руб. с человека или 15% от общей суммы в 135 руб. [4, л. 27-28]. Пермский союз, предполагая вести в дальнейшем подготовку специалистов для своих подразделений, организовал в 1917 году бесплатные курсы для учителей, обучение на которых проходило 100 человек. В учебную программу данных курсов входили следующие предметы: теория и история кооперации, организация и практика потребительских обществ, счетоводство, законоведение, культурно-образовательные мероприятия, а также принципы деловых взаимоотношений потребительских и кредитных кооперативов и союзов.

Важную роль в обеспечении квалифицированными специалистами потребительских коопераций и союзов, в организации кооперативного обучения на местах сыграли, наряду с указанными выше учебными заведениями, и курсы, организованные уездными земствами. Среди таковых, функционировавших в интересующее нас время в Пермской губернии, следует в первую очередь отметить, двухнедельные курсы, «устроенные Оханским земством Пермской губернии» и работавшие в 1914 и 1915 гг., которые окончило 88 человек, из которых 62 человека сразу устрои-

лись на работу в кооперативах. Почти все обучаемые, согласно анкетным данным, принадлежали к крестьянскому сословию, и для большинства из них земледельческий труд являлся главным источником существования (такой ответ дали 59 чел. или 70% опрошенных). Остальную часть слушателей составили (опять-таки, согласно анкетам) служащие различных ведомств, в том числе «три земледельческих учителя и один священник». В возрастном отношении, среди «обучившихся» преобладали люди от 15 до 20 лет (41%) и от 30 до 40 лет (34%), причем, исключительно мужчины (85 человек из 88 опрошенных). Свое образование указали 85 слушателей, среди которых 77 человек обучались «в сельской местности (церковно-приходская школа, начальное училище, двухклассное училище), а остальные — «в городских условиях (высшее начальное и духовное училища)». Большинство кооператоров занимали должности в административных аппаратах обществ (49 чел. или 79%). Две трети слушателей посетили курсы в первый раз. 75% всех участников закончили обучение полностью, показав при этом следующие знания: сдали экзамены на «отлично» — 6 человек, на «хорошо» — 51 человек, на «удовлетворительно» — 16 человек, и «слабо» — 6 человек. По месту работы или занятости выпускники курсов распределились так: примерно половина бывших слушателей работала в кредитной секции, треть — в потребительской, остальные — в сельскохозяйственной и промышленной секции [5, л. 68]. Занятия в них проводились, как правило, земским персоналом и отдельными кооператорами.

Подводя итого всему сказанному выше, следует отметить, что профессиональное обучение кооператора было неотделимо от его идеологической подготовки. В силу этого, ключевая задача уральского союзного руководства по подготовке квалифицированных специалистов для себя заключалась в «формировании кооперативного войска», что, в конечном итоге, имел вполне определенный смысл.

Библиографический список

-
1. Уральский кооператор. — 1911. — №3.
2. Кооперативная жизнь. — 1913. — №2.
3. ЦИАМ, ф. 635, оп. 3, д. 64. | 4. Уральский кооператор. — 1916. — №23.
5. ГАПО, ф. 262, оп. 1, д. 28. |
|---|---|

Челябинский государственный педагогический университет
Получено 24.04.09

O.N. Shmakov

THE REGULAR QUESTION IN WORK THE URALIAN OF CONSUMERIAN CO-OPERATION IN BEGINNING XX CENTURY (on the materials of Permian of province)
In article, the paper written on basis of publications and archive materials throw light the work the Uralian of consumerian co-operation in beginning XX century (on the materials of Permian of province).

Permian of province, Uralian of consumerian co-operation, consumerian unions, regular question, United co-operation law, Temporary government

УДК 902

Н. П. Шмакова

ПЕРВЕНЦЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: ИЗ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В статье, на основе анализа политики Советского правительства показано развитие металлургической промышленности на Южном Урале в 30-х гг. XX века.

Советский Союз, Советское правительство, Южный Урал, первые пятилетки, развитие металлургической промышленности, новые города

30-е годы XX столетия вошли в историю Советского государства как время бурного промышленного развития, важный этап экономической модернизации страны. В соответствии с установками партийных съездов относительно народнохозяйственного развития СССР, в планах первых пятилеток большое внимание уделялось социально-экономическому развитию Уральского региона. Решениями партии и правительства здесь предусматривалось создать второй основной угольно-металлургический центр. В результате успешного решения этой задачи, Урал сразу же выдвигался (по капитальным затратам) на второе место среди экономических районов страны, а по вложениям в новое строительство — на первое место.

Значительную, если не сказать определяющую, роль в модернизации Советской страны должна была сыграть Челябинская область, которая, как известно, занимала очень выгодное географическое положение: она находилась, по сути дела, почти в центре страны, на рубеже Европы и Азии. Согласно данным разведок геологов, в ее недрах находились самые разнообразные полезные ископаемые, к тому же здесь имелись квалифицированные кадры, которые нужны были стране для создания новой индустриальной базы.

Особое место в деле индустриализации страны партийно-советское руководство отводило металлургической промышленности. В 30-е годы прошлого столетия основным ее центром продолжал оставаться Урал, где в соответствии с новыми народно-хозяйственными планами пятилеток, возводился новый металлургический комбинат — Магнитогорский. Решение о его сооружении было принято, как известно, в январе 1929 года. Спустя полгода (1 июля 1930 г.), была произведена закладка первой доменной печи, а 5 июля того же года — нового города — Магнитогорска. Учитывая ту роль, которую должен был играть новый комбинат в модернизации страны, ее партийное руководство определило специальным постановлением ЦК ВКП(б) (от 25 января 1931 г.) и мощность Магнитогорского металлургического комбината (ММК) — в 4 млн. тонн чугуна в год [1]. То значение, которое придавали партия и правительство ММК, предопределили и статус данной стройки. «Магнитка», по образному выражению Г.К. Орджоникидзе, стала «Знаменем страны». На ее строительстве трудились представители 39 национальностей, 108 учебных заведений Советской страны готовили кадры новостроящемуся комбинату, более 150 заводов поставляли оборудование для будущего первенца «мировой ин-

дустрини». Заботу страны о нем отразила и официальная статистика: участие в строительстве ММК в 1930—1931 гг. принимал каждый третий рабочий отечественных предприятий, а также свыше 800 специалистов и рабочих из зарубежных стран. Активное участие в возведении Урало-Кузбасского индустриально-металлургического центра принял Всесоюзный Ленинский комсомол: он взял шефство над этимистройками.

Внимание партийно-советского руководства страны, ее хозяйственных и общественных органов к всесоюзным стройкам, в частности, к возведению Магнитогорского металлургического комбината, естественно, принесло свои плоды: 1 февраля 1932 г. (в дни работы XVII партийной конференции ВКП(б)) выдала первый свой чугун самая мощная в Европе домна №1 Магнитогорского комбината. А спустя три с половиной месяца, — 7 июня 1932 г. — вступила в строй действующих и комсомольская домна №2, которая уже на 18-й день после пуска достигла своей проектной мощности, т.е. это было сделано в три раза быстрее, чем первая.

В июле 1933 г. металлурги «Магнитки» ввели в строй прокатный стан «500». Благодаря этому, они уже в августе 1934 г. дали стране первую плавку стали. Ее получение знаменовало собой, что отныне ММК стал предприятием с законченным металлургическим циклом. С 1 декабря 1935 г. завод полностью отказался от государственных дотаций и стал давать стране самый дешевый металл. Это позволило ему прочно занять в СССР (накануне войны) место флагмана черной металлургии.

В 1929 г. развернулось, как известно, в соответствии с предписаниями партийных съездов, и строительство Челябинского электротермического комбината (ЧЭТК), в состав которого входили ферросплавный, электродный и абразивный заводы. И хотя комбинат не значился ни в пятилетнем плане Уралмета, ни в первых вариантах пятилетнего плана развития Урала, потребность страны в высококачественных сталях понудила руководство страны принять решение о его скорейшем строительстве. На митинге 7 ноября по поводу закладки фундамента ферросплавного завода строители дали слово: ровно через год после закладки пустить в эксплуатацию первую электропечь. И они, чтобы сдержать свое слово, вступили в настоящую «схватку» с природой. Не взирая на суровую уральскую зиму, строители начали сооружение своего предприятия. Для строителей это был первый опыт зимнего бетонирования. При проектировании завода инженеры ориентировались

изначально на американское оборудование, но длительные переговоры о его покупке закончились для СССР безрезультатно. В силу этого, пришлось срочно размещать заказы на него в Европе, в том числе и в Германии, хотя нашим специалистам было известно, что немецкое оборудование было рассчитано на печи большого размера. Однако немецкие фирмы, изготавлившие его, обязались поставить необходимое СССР оборудование лишь в конце октября. Но в силу обстоятельств, они не выдержали этот график и перенесли сроки его поставки на февраль 1931 г. Все это нарушало все графики работы строителей. Это обстоятельство вынудило стройку стать на три дня.

Необходимость немецких фирм вынудила советских инженеров срочно искать выход из создавшегося затруднительного положения. И они нашли его. В августе 1930 г. главный инженер С. В. Семенов и главный металлург комбината А. П. Сергеев обнаружили на одном из заводов г. Сатки (Челябинской области) старую электропечь фирмы «Сименс-Шуккерт». По решению ВСНХ СССР она была перевезена в Челябинск. Огромный объем работ, на выполнение которого в мировой практике уходило не менее полугода, строители ЧЭТК выполнили всего за два месяца. Для этого им пришлось трудиться в 3 смены. И они преодолели все трудности: 7 ноября 1930 г. электропечь дала первый металл. Словом, строители сдержали свое слово.

Этот день — 7 ноября 1930 г. — стал днем рождения отечественной ферросплавной промышленности, а г. Челябинск стал родиной первых в стране ферросплавов. Уже первые их анализы показали, что челябинский феррохром по качеству не уступает продукции самых знаменитых в то время сталелитейных заводов Круппа.

25 июля 1931 г. вступила в эксплуатацию первая очередь завода (в составе 7 электропечей) [2]. Приказом по «Спецстали» от 29 октября 1931 г. ЧЭТК был переименован в Челябинский электрометаллургический комбинат (ЧЭМК). В 1932 г. челябинские электрометаллурги перекрыли проектную мощность предприятия. В том же году завод вошел в состав созданного треста союзного значения — «Спецсталь», которому поручалось организовать в стране производство качественной стали.

Этому во многом способствовала и первая Всесоюзная научно-практическая конференция по ферросплавам, которая состоялась в Челябинске. В ней приняли участие ведущие электрометаллурги страны: К. П. Григорович, В. С. Емельянов, А. М. Самарин, П. П. Шипулин, А. П. Сергеев и др. На конференции были подведены итоги научно-исследовательской работы в области ферросплавов, обобщен опыт Челябинского завода и намечены пути дальнейшего развития этой отрасли промышленности. До конца 1933 г., т. е. до ввода в строй первых печей Зестафонского и Запорожского ферросплавных заводов, ЧЭМК являлся единственным поставщиком ферросилиция, феррохрома и ферровольфрама народному хозяйству страны.

В 30-е гг. на Южном Урале расширялась и реконструкция старых действующих предприятий. В соответствии с постановлением СНК СССР от

25 февраля 1931 г. «О черной металлургии», «древесноугольные» заводы Урала должны были стать главной базой снабжения страны высококачественным металлом [3, с. 275]. Коснулась реконструкция и Златоустовского завода. В соответствии с нею, на нем были построены новые цехи, благодаря чему, металлурги впервые в мире получили нержавеющую сталь, которая по своим качествам не уступала знаменитому «булату Аносова». Изделия из нее сохраняли зеркальную чистоту и блеск в любых условиях. Для примера, скажем, что Златоустовской нержавеющей сталью была облицована в свое время станция «Маяковская» Московского метрополитена. Наряду с вышеупомянутой «нержавеющей», коллектив предприятия освоил и наладил выпуск 30 марок высококачественных сталей. На производство высококачественного металла перешли в последующие годы Ашинский и Саткинский чугуноплавильные заводы, Уфалейский, Катав — Ивановский, Кусинский, Миньярский и Нязепетровский металлургические предприятия.

Успешно развивалась на Урале и цветная металлургия. Страна, как известно, остро нуждалась в то время в никеле, цинке, алюминии, кадмии и других цветных металлах, необходимых для развития многих отраслей промышленности. В декабре 1939 г. построенный ударными темпами Уфалейский завод, стал первенцем никелевой промышленности СССР: он начал выпускать продукцию, которая по своим качествам не уступала ее зарубежным аналогам. В силу этого, данный Уфалейский завод стал не только производственным предприятием, но одновременно с этим он превратился и в научно-техническую лабораторию этой промышленной отрасли. 1 мая 1937 г. здесь был получен и первый отечественный кобальт. До 1939 г. весь электролитический никель в СССР производился только в Верхнем Уфалее.

15 апреля 1935 г. в строй действующих вступил и Челябинский цинковый завод, где впервые металл был получен гидроэлектролитическим способом. Это был большой успех в развитии отечественной цветной металлургии. Как известно, до начала 30-х гг. прошлого столетия 90% потребности страны в цинке удовлетворялось за счет его импорта из-за рубежа [4, с. 112]. Спустя год после получения на предприятии первого цинка, на нем было налажено и производство кадмия. Чтобы увеличить производство столь необходимых для отечественной промышленности полиметаллов, в эту работу включились вскоре Карабашский медеплавильный и Кыштымский медеэлектролитный заводы, на которых с этой целью была проведена соответствующая реконструкция.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что в 30-е гг. XX века Южный Урал превратился, в результате претворения в жизнь народнохозяйственных планов первых пятилеток, в ведущий центр металлургической промышленности страны. Согласно официальной статистике, он давал в 1937 гг. 12,2% всесоюзной выплавки чугуна, 11,2% стали и 12% проката; 18,5% — меди, 27% — ферросплавов, 50% — цинка, 100% — никеля [5, л. 2-3].

Накануне Великой Отечественной войны Челябинская область по праву занимала первое место в Советском Союзе по производству никеля, второе —

по выпуску ферросплавов и третье — по выплавке чугуна и стали.

Библиографический список

1. «За индустриализацию», 1931, 26 января.
2. «Челябинский рабочий», 1931, 25 июля.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. (1917—1967 гг.). — М. 1967.
4. Челябинск неизвестный. Вып. 1. — Челябинск, 1996.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).Ф. 804. Оп. 2, д. 16.

Челябинский государственный педагогический университет
Получено 17.04.09

N. P. Shmakova

The first-borns of first five-years: from the history of metallurgical industry on the South Ural. There is on the basis of analysis of Soviet Government policy shown the development metallurgical industry on the South Ural in 30 years XX century.

Soviet Union, Soviet Government, South Ural, first five-years, development metallurgical industry, new towns

УДК 902

Е.А. Штанакова, А.В. Эбель

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ОБРАЗОВАНИЯ МЕРЗЛОТНЫХ ЛИНЗ В КУРГАНАХ АЛТАЯ

В статье рассматривается проблема подкурганной мерзлоты и реконструкции курганов скифского времени на Алтае.

Горный Алтай, Южная Сибирь, курган, мерзлота, насыпь, реконструкция

Алтай — одно из тех мест, где встречаются древние погребения с подкурганной мерзлотой. В Горном Алтае такие места представлены урочищем Пазырык, плато Укок и Кош-Агач, долинами Юстый, Уландрый, Сайлюгем и т.д. На сопредельных территориях подобные погребения встречаются в Восточном Казахстане, Западной Монголии, Синьцзяне, Туве.

«Оледеневшие гробницы Горного Алтая дали учёным уникальный материал для суждения об особенностях хозяйства, быта, социального устройства и духовного мира одного из древних обществ Южной Сибири» [1, с. 19]. Одним из первых попытался объяснить процесс образования подкурганной мерзлоты С.И. Руденко. Согласно его гипотезы, кроме климатических условий значимую роль в образовании мерзлотной линзы играла каменная наброска, которая служила своего рода конденсатором холода в зимнее время за счёт более быстрого, по сравнению с почвенной поверхностью, охлаждения камня. В летнее время каменная наброска являлась слабо теплопроводным покровом, предохраняя замёрзшую под ней почву от прогревания. В результате этого внутри кургана создавался особый микроклимат, благоприятствовавший усилению и сохранению мерзлотного процесса [1, с. 11-12]. Образовывалась мерзлотная линза в течении нескольких лет в результате взаимного воздействия климата и конструктивных особенностей кургана [2, с. 20].

В конце двадцатых начале тридцатых годов XX века научный мир познакомился с Алтайским феноменом — мерзлотными погребениями. В Шибинских, Туэтинских и Пазырыкских, так

называемых «царских» курганах, были обнаружены, мало того, мумии да еще в толще льда, что, естественно, позволило ученым соприкоснуться со многими артефактами, впервые дошедшиими до наших дней почти в первозданном виде. Но как показала история мерзлотные курганы — явление на сегодняшний день довольно редкое и мало изученное (на наш взгляд), Особенно это касается природы возникновение «курганной мерзлоты». Если кратко обобщить результаты всех исследований проведенных в этой области за последние почти восемьдесят лет, то получается, что мерзлотные линзы возникают приблизительно в одно время с самими курганами и происходит это естественным путем. Большая насыпь играет роль термоса, не позволяя остывшему за зиму земле достаточно прогреться, в результате попавшая в погребальную камеру влага замерзала, образуя дополнительную защиту органики от разложения. Но в данном случае возникает закономерный вопрос, почему именно на Алтае и именно в курганах пазырыкской культуры? Как известно, ни в Хакасии, ни в Туве в курганах с большой и высокой насыпью мерзлоты нет и не было, хотя природно-климатические условия тех районов практически совпадают с алтайскими или являются еще более суровыми. А на Алтае мерзлота или ее остаточные явления обнаружены в совершенно различных ландшафтно-климатических районах. Высокогорные, более двух тысяч метров над уровнем моря, тундрово-степные плато Укок, долина Уландрый и соседние районы Монголии, высокогорная (более полутора тысяч метров) лесостепь долина Пазырык и в межгорных котловинах (с высотами до семисот метров) в долинах рек Урсул (Шибе,

Тукта), Каракол (Башадар) [3, с. 65], Бухтармы (Берель) [4, с. 62].

Попыткой решить данный вопрос может явиться всестороннее изучение как особенностей самой курганной мерзлоты [5, с. 122] так и конструкций погребальных сооружений. Приведенное ниже описание реконструкции пазырыкского кургана является одним из примеров таких попыток. Данная работа преследовала две основные цели:

1. Уточнить конструктивные особенности погребального сооружения и процесса их создания;

2. Установить внутри погребальной камеры температурные датчики способные в автоматическом режиме фиксировать внутреннюю температуру в течении длительного времени.

В летний полевой сезон 2008 года были проведены реконструкционные работы по восстановлению одного из погребений, относящегося к скифской эпохе Алтая.

В качестве объекта для реконструкции был выбран небольшой курган в долине р. Уландрый под порядковым номером 3, относящийся к могильнику Уландрый II. Могильник Уландрый II «находится в 10 км к западу от пос. Ташанта, на правом берегу р. Уландрый и в 2 км вниз по реке от могильника Уландрый I. Насчитывает 13 курганов» (рис.1) [6, с. 167]. Цепь курганов в могильнике имеет стандартную ориентацию — Север-Юг. Этот могильник был открыт и исследован ещё в конце 60-х — на протяжении 70-х гг. XX в. известным археологом В. Д. Кубаревым, автором монографии «Курганы Уландрыка». Он определил хронологическую принадлежность исследованных им курганов. Могильники были отнесены к пазырыкской культуре Алтая, охватывающие ее пазырыкский и шибинский этапы. Большинство уландрыйских погребений принадлежат к шибинскому этапу [6, с. 131], в том числе и, выбранный нами. Курган №3 имеет следующие координаты: N=49,69784; E=089,11273 и находится на высоте 2125 м н.у.м. Этот курган наиболее подходит для проведения реконструкции, так как он имеет оптимальные средние размеры и выгодные координаты, т.е. объект находится в 20 м от дороги на пос. Ташанта и в 140 м от реки, что упрощает задачу по установке экспедиционного лагеря.

В задачи плана реконструкции входило воссоздание внутреннего устройства камеры, приближенное к реально существовавшим, а также внешнего облика кургана — насыпи и крипидного кольца.

До начала раскопок В. Д. Кубарева, размеры насыпи составляли с севера на юг 9 м, а востока на запад 10 м, форма насыпи была почти квадратная [6, с. 169]. К началу нашего эксперимента примерный диаметр кургана составлял 12 метров, а форма его была окружной. Высота отвала с южной стороны равна 60 см, а

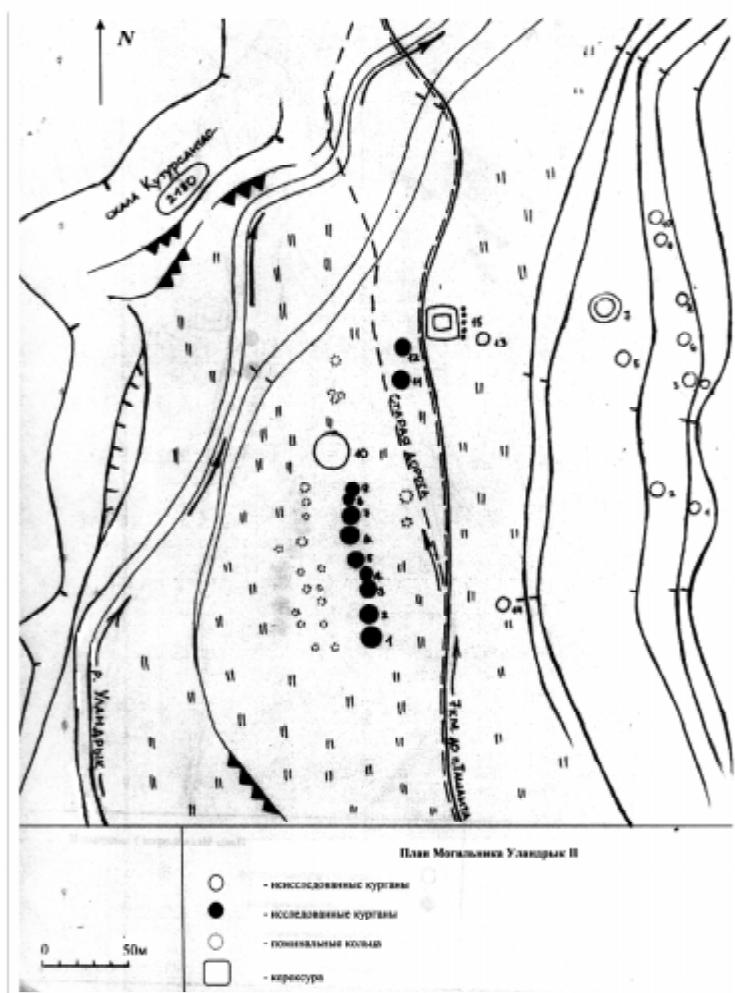

Рис. 1. (по Кубареву В. Д.)

с северной — 10 см. Глубина западины — 1 м, а её диаметр — 4,1 м. Центр западины заполнен крупными валунами, галькой мелких и средних размеров, песчано-глиняным грунтом коричневато-рыжеватого цвета, частично задернован.

Начальным этапом реконструкции стала расчистка могильной ямы. После извлечения валунов и щебня, находившихся на поверхности западины, начался процесс извлечения грунтового заполнения ямы. На глубине 80 см стали встречаться остаточные части древнего сруба, находившегося в хаотичном порядке по всему периметру ямы. По мере удаления грунта из могильной ямы она стала обретать подквадратную форму. Изначальные размеры ямы были 270 × 260 × 230 [6, с. 169]. Размеры dna зачищенной нами ямы составляли 2 × 1,5 м.

Следующий этап — создание деревянного ящика, изготовленного из лиственничных неошкуренных плах, имитирующего деревянный сруб реальных погребений. Его размеры 1,5 × 1 м, высота 50-55 см. Перекрытие попечное — из семи плах. Получившуюся модель установили по центру ямы. Внутри ящик оставили полым.

Теперь нам предстояло заполнить пространство погребальной ямы и заняться восстановлением внешнего облика погребения. Могильная яма была заполнена грунтом отвала. Его хватило, чтобы заполнить яму лишь до уровня перекрытия. Далее стали использовать тот грунт, который был выбран при раскопе ямы. Теперь она оказалась заполненной до уровня древней поверхности.

Далее следовал один из самых важных этапов реконструкции — создание основы для курганной насыпи — кри-

пидного кольца — и собственно самой насыпи. Предположительно, криптида была призвана удерживать насыпь, не давая ей терять полусферическую форму. Некоторые погребения, имеющие сложное строение насыпи (т. е. земляной холм и каменную наброску) снабжены двойной криптидой. Вероятно, внутреннее криптидное кольцо удерживает грунтовую насыпь, а внешнее — каменную наброску.

После того, как была выложена внутренняя криптида по краю уже заполненной ямы, из оставшейся почвы был образован холмик покатой конической формы в центральной части кольца. Далее было выложено следующее криптидное кольцо (рис. 2). Создавать каменную наброску начали с выкладки крупного рваного камня по кругу, начиная с верхней центральной части грунтового холмика. Был также выложен и второй каменный слой по аналогичной технологии. Общая вы-

сота кургана — составила 0,8 м, толщина каменной наброски 0,3 м (рис. 3).

Судить об изменениях, происходящих в течение года, мы сможем только после снятия показаний с температурных датчиков.

Устройства, фиксирующие температурные колебания, были установлены внутри пластиковой трубы (проходящей через центр погребения) на разной глубине. Первое устройство — у самого основания трубы, т.е. практически на дне камеры; второй — в центре; третий — ближе к поверхности. Расположенность устройств на разной глубине даст материал для сравнения температурных показаний.

Конечно, данный эксперимент не должен ограничиваться одной реконструкцией. Для того, чтобы сделать полноценные выводы по поставленной проблеме необходимо провести ряд подобных работ, что займёт несколько лет.

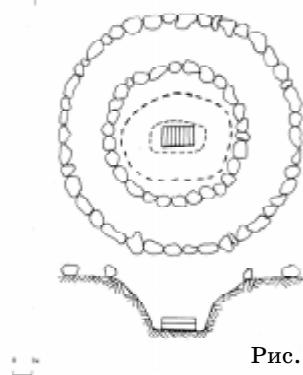

Рис. 2.

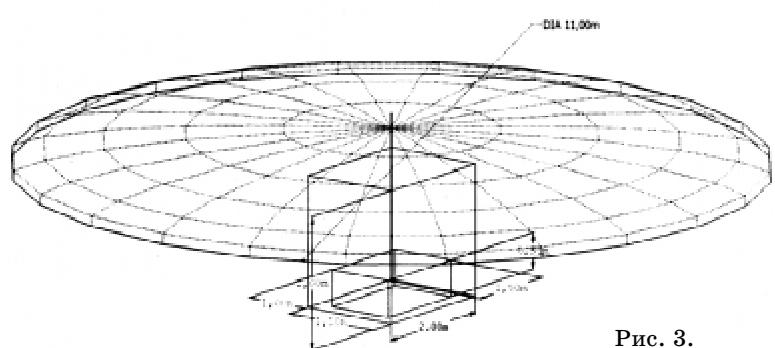

Рис. 3.

Библиографический список

1. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в Скифское время. — М-Л, 1953. — 404 с.
2. Полосымак Н. В. Стерегущие золото грифы. — Новосибирск, 1994. — 126 с.
3. Кубарев В. Д. Археологические памятники бассейна Урсула: некоторые итоги и перспективы изучения // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. — Горно-Алтайск, 2007. — 338 с.
4. Самашев, З., Джумабекова, Г., Базарбаева, Г., Онгар, А. Перспективы изучения курганов с мерзлотой в Казахстанском Алтае // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. — Горно-Алтайск, 2007. — 338 с.
5. Марченко С. С. Климатология, география, геология // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы, — Горно-Алтайск, 2007. — 338 с.
6. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987. — 304 с.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.04.09

Shtanakova, A.V. Ebel

FOR THE QUESTION ABOUT THE NATURE OF FORMATION OF FROZEN THE LENS IN BARROW OF ALTAI

In article examine the problems under barrow frozen and the reconstruction of barrow the skif of time.

Gorny Altai, South Siberia, barrow, frozen, embankment, reconstruction

УДК 902

A. В. Эбель

ПАМЯТНИКИ ГОРНОРУДНОГО ДЕЛА В ГОРНОМ АЛТАЕ

В статье освещены новые объекты древнего горнорудного дела в Кош-Агачском районе, Республики Алтай, обнаруженные автором.

Металлургия, горнорудное дело, руда, Горный Алтай, медные рудники

В изучении древнейшей истории горнорудного дела и металлургии имеются определенные трудности, так как древние горные выработки и свя-

занные с ними шлаковые отвалы подвергались разрушению рудниками нового времени. Но, несмотря на все трудности, археологическое изуче-

ние памятников такого рода позволяет проследить не только состояние горнорудного дела, но и организацию труда коллективов людей, с ним связанных.

Начало научному изучению археологических памятников было, как известно, положено Д. Г. Мессершмидтом в 1720—1727 гг. Однако материалы его экспедиции были опубликованы сравнительно недавно опубликованы [1, с. 56].

Некоторое время спустя, — в 1733—1743 гг. — путешествие по Сибири совершил другой известный ученый-путешественник И. Г. Гмелин. Он посетил и описал Сырский, Базинский и Майнские медные рудники, расположенные на территории современной Хакасии и на правом берегу Енисея — Луказский медеплавильный завод и древние медеплавильные печи, имевшиеся возле него [2, с. 6].

В 1770 и 1772 гг. по Сибири путешествовал крупнейший русский естествоиспытатель, академик П. С. Паллас. Напряду со всем прочим, интересовавшим его, им были описаны и различные археологические памятники. Особое внимание им было уделено обследованию медных месторождений, разрабатывавшихся в то время — рудникам Алтая и Хакасско-Минусинской котловины. Придавая большое значение изучению древнейших рудников, П. С. Паллас посвятил им специальную свою работу: «Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различающими от копей Римских» [3, с. 312-317].

В начале XIX в. историей и археологией Сибири занимался горный инженер Г. И. Спасский. На страницах издаваемого им журнала — «Сибирский вестник» — им была опубликована статья «О чудских копях Сибири», с таблицей рисунков каменных и медных орудий древних рудокопов [4]. «Чудским копям» посвятил свою работу и академик Э. И. Эйхвальд, в которой он уделил немало внимания характеристике алтайских руд, горных выработок, плавильням и обнаруженным в них орудиям древних плавильщиков [5, с. 55].

Эта проблематика заинтересовала в конце XIX—начале XX в. и известного тюрколога, академик В. В. Радлова. В своей работе — «Aus Sibirien» (Из Сибири) — им приведены сообщения о многочисленных чудских шурфах и шахтах, обнаруженных на Алтае, а также о находимых в них каменных и медных инструментах, принадлежавших древним рудокопам [6].

Крупный вклад в исследование древностей Южной Сибири и Центральной Азии внес академик Д. А. Клеменц. В 1886 г. им была издана книга «Древности Минусинского музея». Как в этом труде, так и в своих отдельных публикациях, посвященных этой проблематике, он обратил свое пристальное внимание древнейшим медным и железным рудникам [1, с. 76].

Деятельность медных рудников и плавильных заводов оживила геологические исследования, которые были направлены на создание новых и наращивание запасов старых, уже известных еще с XVIII в., месторождений полезных ископаемых. В результате этих исследований, в

отечественной историографии появились статьи, посвященные отдельным месторождениям, в которых содержались весьма ценные наблюдения, касавшиеся древней металлургии. Горные инженеры сообщали в них не только сведения о медных месторождениях, но и достаточно подробно описывали попадавшиеся при земляных работах древние горные выработки «на медь» и плавильные печи.

Основой для возникновения, а затем и для мощного развития древней медной индустрии, к примеру, на Алтае явились богатые металлом медные месторождения, расположенные в отрогах горных систем. Как указывал П. С. Паллас, в Сибири «нет не единой горы, а особливо в сей стране, где бы находились древние огарки, или полу выплавленные колчаданы, также древние копани и шурфы...» [3, с. 171].

Древние медные рудники, которые, еще в недавнем прошлом, было принято называть «чудскими», стали известны, в результате поисков русских рудознатцев, в первой половине XVIII в. В процессе этих поисков находили, прежде всего, следы «чудских» горных работ [7, с. 92].

Благодаря именно этому обстоятельству, на сегодняшний день на территории Рудного Алтая практически не осталось ни одной древней разработки. И современным исследователям приходится создавать реконструкции древних технологий добычи населением Рудного Алтая металла, полагаясь на далеко не полные сведения людей, весьма далеких от истории и археологии, либо опираться на данные, полученные при изучении специалистами данной проблематики на сопредельных с Рудным Алтаем территориях. Поэтому-то и не поддается оценке важность обнаружения и исследования нетронутых грабителями древних разработок.

В этом плане, можно сказать, очень повезло автору настоящей статьи. В полевой сезон 1996 г., работая в составе международной экспедиции, организованной Горно-Алтайским государственным университетом и Брюссельским Королевским музеем, ему и бельгийским коллегам удалось обнаружить и обследовать памятник древней металлургии. Он располагался в 35 км от районного центра Кош-Агачского района — с. Кош-Агач — Республики Алтай, в долине реки Себистей. Осмотр памятника выявил наличие выходов окисленных медных руд и следы добычи руды человеком в древности. На памятнике были зафиксированы четыре так называемые «закопушки» на выходах рудных тел. Сделанные древними «рудокопами» ямы имели следующие размеры (в метрах):

	длина	ширина	глубина
Яма №1	15,5	9,2	1,6
Яма №2	10,3	7,4	1
Яма №3	8,6	5,4	0,6
Яма №4	1,4	1,2	0,3

Выработки располагались вдоль выхода рудного тела — по линии ЮВ—СВ. В 25 м от памятника находилась расколотая плита, предположительно использовавшаяся в качестве наковальни для дробления руды. На таковое ее применение

указывает большое количество колотого кварцита, обнаруженного нами рядом с ней [8].

К сожалению, задачи, решаемые совместной алтайско-белгийской международной экспедицией не позволили ее членам более детально изучить данный памятник. На основе же лишь визуального его осмотра и анализа, описанных в научной литературе подобных памятников, имеющихся на сопредельных с Алтаем территориях, можно предположить, что данное месторождение эксплуатировалось довольно длительное время и причем небольшой группой людей. Добытая ими руда подвергалась примитивному обогащению и перемещалась к месту выплавки. Более обобщенные выводы можно сделать лишь после детального изучения этого, без преувеличения, уникального памятника древней металлургии.

Себистей. Древняя выработка. Яма №1

Себистей. Древняя выработка. Яма №2

Себистей. Древняя выработка. Яма №3

Библиографический список

1. Кызласов, Л. Р. Начало сибирской археологии. Историко-археологический сборник. К 60-летию со дня рождения А. В. Арциховского и 35-летию его научной и общественной деятельности / Л. Р. Кызласов. — М., 1962.
2. Сунчугашев, Я. С. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине / Я. С. Сунчугашев. — М., 1975.
3. Паллас, П. С. Рассуждения о стариных рудных копях в Сибири и их подобиях с венгерскими, различающими от копий римских / П. С. Паллас // Академические известия на 1780 год. Ч. 5. — СПб., 1780.
4. Спасский, Г. И. О чудских копях Сибири / Г. И. Спасский // Сибирский вестник. Ч. VII. — СПб., 1819.
5. Эйхвальд, Э. И. О чудских копях / Э. И. Эйхвальд. — СПб., 1885.
6. Радлов, В. В. Из Сибири / В. В. Радлов. — М., 1987.
7. Бублейников, Ф. Д. Геологические поиски в России / Ф. Д. Бублейников. — М., 1956.
8. Полевые материалы археологической экспедиции 1996 г.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.04.09.

A. V. Ebel

MONUMENT OF MINING BUSINESS IN MOUNTAIN ALTAI
In clause to be spoken about new objects of ancient mining business in area Kosh-Agachskom of republic Altai.
Metallurgy, mining business, ore, Gorni Altay, copper mines

РЕЦЕНЗИИ

Алтайские горные офицеры XVIII—XIX вв. Сборник документов. — Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. — 496 с.

Феномену истории юга Западной Сибири — формированию там (в частности, на территории Алтая) во второй половине XVIII—XIX вв. крупнейшего в России сереброплавильного комплекса отечественные исследователи уделили немало внимания. Благодаря этим их усилиям, нам стало ведомо, что десятки тысяч приписных крестьян и тысячи мастеровых людей своим нелегким, изнуряющим трудом приумножали ежедневно богатства страны, пополняя ее казну золотистым серебром. Свой вклад в это «государственное дело» вносила и небольшая когорта горных специалистов. Прибыв, из разных мест, на Алтай, они, вне зависимости от чина и звания, вносили, с «обязательным государственным делом» и свою посильную летпу в развитие экономики и культуры Алтайского горного округа. Именно эти специалисты — горные офицеры, — по праву считавшиеся «элитой» алтайского горнозаводского производства, стали «главной силой», определявшей уровень развития горнозаводского производства в регионе, а также составившие основу научного потенциала горного ведомства и страны в целом.

Отдавая должное «элите» алтайского горнозаводского производства, исследователи, занимавшиеся изучением истории, экономики и культуры Алтайского края в «кабинетский период» — т. е. в период, вобравший в себя вторую половину XVIII—XIX века, — естественно, не могли обойти своим вниманием тему «горных офицеров» и, конечно же, называли их имена. Но среди сотен горных офицеров и чиновников, посвятивших свою жизнь «служению Отечеству» на далекой окраине Российского государства, зачастую звучали одни и те же имена, в частности, И. И. Ползунов, Ф. В. Геблер, П. К. Фролов, П. П. Аносов и некоторые другие. Эти, вполне заслуживающие внимания имена, со временем стали перекочевывать со страниц одного издания в другое, в силу чего широкому читателю, не исключая и историков, почти не были известны имена А. В. Беэра, В. С. Чулкова, Е. П. Ковалевского, И. Г. Гериха, И. С. Христиани, И. Г. Улиха и других выдающихся деятелей горнозаводской России. Именно в силу их незнания и сложилась в стране, в частности, на Алтае и в Сибири вполне соответствующая вышеозначенным нашим познаниям оценка деятельности горных офицеров часто сводившаяся к банальным фразам вроде того, что «Иван Ползунов изобрел паровой двигатель, а Петр Фролов построил первую в России чугунно-рельсовую дорогу». И больше о деятельности горных офицеров на Алтае не приводилось ни строчки. Чтобы понять весь объем работы, который выполняли на Алтае, как специалисты, горные офицеры, познать их быт и культурный уровень, а также многое другое, связанное с ними, и проходило «красной нитью» через всю их жизнь, надо было обращаться к архивным документам. Однако на их поиски нужно было время, притом немалое, которого у большинства исследователей, как правило, не было. Но, главное в этом деле состояло в том, что человек, обратившийся к поискам архивных материалов XVIII в., обязан был владеть навыками их чтения, т.е. знать азбуку и письмо того времени, а следовательно, и владеть навыками чтения документов XVIII в.

Решение этой сложной исследовательской проблемы (для многих исследователей истории Алтая, его горнозаводского производства XVIII—XIX вв.) существенно облегчилось с выходом в свет рецензируемого сборника до-

кументов «Алтайские горные офицеры XVIII—XIX вв.», подготовленного сотрудниками Управления архивного дела Алтайского края Л. В. Ермаковой, О. Н. Дударевой, Т. Г. Мальцевой, при участии также преподавателей Барнаульского государственного педагогического университета А. В. Концева и В. Б. Бородаева. Почти на пятистах страницах рецензируемого издания опубликовано (в переводе на доступный для современного читателя русский язык) свыше 240 архивных документов, в которых отражена жизнь, производственная и общественно-культурная деятельность семи «Начальников Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов (А. В. Беэра, А. И. Порошина, Г. С. Качки, В. С. Чулкова, П. К. Фролова, Е. П. Ковалевского и П. П. Аносова)», четырех «Горных специалистов (И. С. Христиани, И. И. Черницына, Ф. В. Стрижкова и М. С. Лаулина)», пяти «Горнозаводских изобретателей (И. И. Ползунова, К. Д. Фролова, П. М. Залесова, С. В. Литвинова и П. Г. Ярославцева)» и пяти «Исследователей Алтая (П. Е. Старцова, И. Г. Леубе, В. В. Петрова, Ф. В. Геблера и А. И. Кулибина)».

Словом, созданный алтайскими архивистами научный труд является собой полноценный сборник архивных документов, использование которых позволит исследователям, в чем мы глубоко убеждены, существенно расширить источниковую базу своих научных и научно-публицистических работ, посвященных изучению истории социально-экономического и общественно-культурного развития Алтая и его населения в XVIII—XIX вв. И такого рода убеждение рецензента является отнюдь не «дежурной фразой», высказываемой его коллегами в подобных ситуациях. Наше заключение всецело опирается на реалии жизни. Убедительным доказательством этого могут служить ранее изданные сборники архивных документов¹, в числе составителей которых были уже упоминавшиеся выше сотрудники Управления архивного дела Алтайского края — Л. И. Ермакова, О. Н. Дударева и Т. Г. Мальцева. Учитывая широкую востребованность у исследователей и у читателей вышеназванных работ, полагаем, что и рецензируемая ныне публикация также будет востребована самыми разными категориями читателей. Учитывая небольшой тираж сборника документов (всего 800 экземпляров), целесообразно, на наш взгляд, уже сегодня ставить вопрос о подготовке его второго издания. В связи с этим, можно пожелать его авторскому коллективу попробовать расширить круг документов, характеризующих жизнь и деятельность горных офицеров за счет архивных материалов, имеющихся в других региональных архивохранилищах, в первую очередь, Свердловской и Читинской областей, ибо многие горные офицеры, служившие на Алтае, были затем (или до этого) связаны службой на Уральских или Нерчинских железо-сереброплавильных заводах.

Высказав данное пожелание, продолжим разговор о рецензируемой работе. Она же, на наш взгляд, благодаря включению в ее структуру целого комплекса разнохарактерных документов,

дает возможность читателю увидеть и понять сущность «одной корпоративной сословной группы» российского общества XVIII—XIX вв., которую, по определению отечественных исследователей, являли собой, особенно, начиная с 30-х гг. XIX вв., горные офицеры и горные инженеры. Дает возможность рецензируемый сборник (документы №№ 56–70) представить читателю и внешний вид алтайских горных офицеров. В свете сказанного, становится вполне понятной широкому читателю часто употребляемая историками, применительно к г. Барнаулу фраза, что с 1760 г. он стал «городом красных мундиров». И ей составители сборника дают разъяснение: в соответствии с Сенатским указом от 27 апреля 1761 г., парадные мундиры горных офицеров Колывано-Воскресенского ведомства состояли из «красных кафтанов и зеленых камзолов с серебряным позументом», а «буднишные» — такого же цвета и покрова, но «токмо без позумента». Красные мундиры имела и воинская команда, находившаяся под управлением Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства.

Не продолжая далее перечисление тематики исследований, которые можно изучать, опираясь на материалы рецензируемого сборника, отметим лишь, что она достаточно обширна. Особенно «повезло» в этом плане широкому кругу проблем, касающихся жизни и деятельности алтайского чиновничества XVIII—XIX вв. Для решения этих задач, исследователи данного направления (и не только этого) получили в свое распоряжение (благодаря, без преувеличения, титаническому труду составителей по переводу письма XVIII в. на современный русский язык) документы, отражающие различные стороны деятельности начальников Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов, горных специалистов, горных изобретателей, отразившие не только их непосредственное участие в развитии горнозаводского производства на Алтае, но и характеризующие личные качества каждого из них, семейное положение специалиста и его образовательный уровень, трудовую деятельность, сведения о наградах и продвижении по службе, но и личный вклад каждого горного специалиста в развитие горнозаводского производства, в развитие экономики и культуры региона и его населения.

Говоря о достоинствах рецензируемого сборника документов, нельзя не отметить еще об одной заслуге составителей. Учитывая, что орфография и стилистика письма, особенно XVIII в., весьма специфичны, авторами сборника проделана еще одна масштабная историографическая работа. Дело в том, что документам XVIII в. присуща излишняя, порой совсем ненужная (но соответствовавшая правилам их составления) информационная детализация. Именно ее исключение потребовало от составителей предельного внимания при подготовке к печати каждого документа. Эта их работа (т.е. опущение ненужного текста) оформлена отточием, а также его заключением в угловые скобки. Большая работа проведена архивистами и по уточнению датировок документов. За основу в этом деле ими бра-

лось или учитывалось (при отсутствии «прямой даты») время составления документа, содержание текста, подписания, утверждения или публикации (обнародования) документа, а также дата сопроводительного документа. Об этой работе составителей свидетельствуют квадратные скобки, а также «авторские примечания», т. е. пояснения, вкрапленные в текст приводимого ими материала. И, наконец, два слова еще об одной ответственной и непростой работе составителей — «Словаре понятий и терминов», авторами которого являются О. Н. Дударева и Л. Н. Ермакова. Его наличие в сборнике — это неоценимая помощь вышеназванных лиц исследователям. Дело в том, что терминология развивавшегося в России горнозаводского производства всецело была позаимствована им у Западной Европы, где тон в развитии металлургической промышленности задавали германские (саксонские) специалисты. Поэтому наличие и значение «Терминологического словаря» в сборнике, с этой точки зрения, просто неоценимо.

И как положено в таких случаях, заключая все выше сказанное, сделаем итоговый вывод. Он же будет единственным и вполне закономерным: выход сборника документов «Алтайские горные офицеры в XVIII—XIX вв.», подготовленного сотрудниками Управления архивного дела Алтайского края, способствовал существенному приращению источников базы по истории зарождения и дальнейшего развития на Алтае горнозаводской промышленности в XVIII—XIX вв., изучению жизни и быта специалистов, содействовавших ее успешному становлению.

Н. С. Модоров,
доктор исторических наук,
профессор (Горно-Алтайский государственный университет)

Примечания

1 Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения архивного фонда Алтайского края. XVII- начала XX вв./Государственная архивная служба Республики Алтай. Управление архивного дела администрации Алтайского края. — Горно-Алтайск, 2000; От уезда к республике. Сборник архивных документов. 1917-2001./Государственная архивная служба Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 2001; В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области. Государственный архив Томской области. — Горно-Алтайск, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ

Проект издания книги «Русский Алтай на карте 1864 года»

Первые карты Алтая, составленные русскими «изографами», появились в XVII—XVIII веках и были рукописными. Каждая из них, и это без преувеличения, уникальна в своем роде. Как известно, составление рукописных карт в XVIII веке началось на основе данных инструментальной съемки, которая велась в то время с помощью нивелира или теодолита. Но, несмотря на определенные «сложности» в составлении карт, на них, а точнее, как говорили в то время, на «чертежах» появляется градусная сетка, которая создавалась геодезистами на основе определения географических координат отдельных пунктов. Однако появление отдельных «чертежей» не свидетельством того, что в указанное выше время появилась общая карта Русского Алтая. Эта задача была решена только в XIX веке, благодаря использованию картографами данных инструментальной съемки. Однако первые карты, появившиеся в то время, были мелкомасштабными, на них изображались, главным образом, лишь основные реки и крупные горные хребты.

Кропотливая работа по составлению первой подробной карты Русского Алтая началась в 1856 и закончилась в 1864 году. Эту, без преувеличения, грандиозную работу осуществила Межевая экспедиция Алтайского горного правления под руководством инженера-полковника Ф. Х. Мейена. На созданной ею карте был впервые отображен весь Алтайский горный округ (в масштабе десять верст в одном дюйме (примерно 4,2 км в 1 см) — Авт.). Создание столь подробного общего «чертежа» нашего региона стало, поистине, выдающимся достижением алтайских топографов. Тиражировать данную карту решили типографским способом. Её листы были напечатаны в 1868 г. в знаменитом картографическом заведении Алексея Ильина в Санкт-Петербурге, где создавались в то время карты, главным образом, для Генерального штаба России. Словом, в этом известном заведении российской столицы и появилась первая типографская карта Алтая.

Однако она была издана небольшим тиражом (в середине XIX века — Авт.) и, уже столетие спустя, карта 1864 года стала раритетом. Дело в том, что вышеуказанные топографическая карта Алтая была напечатана на 23 отдельных листах размером 40 на 48 см, и полным комплектом практически нигде не сохранилась. Так, на сегодняшний день, нам не известна ни одна библиотека, где бы это издание имелось в полном объеме. Поэтому наши взоры были обращены, главным образом, к архивным фондам. В результате долгих поисков в них, нам удалось собрать оцифрованные копии отличного качества всех листов вышеназванной, огромной карты Алтая. В этой связи, естественно, возникла закономерная необходимость её переиздания, как первоклассного научно-популярного материала по истории, географии и топонимике юга Западной Сибири.

В качестве первого, вполне закономерного шага к реализации задуманного, мы планируем подготовить публикацию тех листов карты, на которых изображена территория Русского Алтая, хронологически датируемая серединой XIX века. Надеемся, что такое издание будет интересно не только для жителей Алтая, но и для туристов, посещающих нашу горную страну и пытающихся познать историю и культуру населения, проживающего (и ранее проживавшего) на данной территории.

Планирующаяся к изданию карта Алтая, естественно, будет дополнена новыми отдельными элементами. В частности, все имеющиеся на карте 1864 года географические названия предполагается воспроизвести не только русским, но и латинским алфавитом, что должно облегчить пользование данной картой иностранцам — туристам и ученым. Кроме того, будут составлены «Summary» и «Contents» на английском

языке. И самое главное — карта Алтая — этот, без всякого преувеличения, уникальный источник будет (верно надеемся на это) качественно исполнен в полиграфическом плане. Авторы издания также надеются на то, что их детище, отражающее прошлое Горного Алтая, не пройдет незамеченным ни у широкого читателя, ни у специалистов. А чтобы это случилось, приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных в появлении такого издания лиц. Будучи пособием для краеведов, специалистов и ученых, а также для всех, кто интересуется прошлым своей малой родины, публикация карты предполагает закономерную её презентацию в Республике Алтай и Алтайском крае. Смеем также надеяться, что планируемая нами к публикации книга может стать и хорошим подарочным изданием как для жителей Алтайского региона, так и для его гостей.

В связи со всем вышеизложенным, мы просили бы всех, заинтересованных в издании книги «Русский Алтай на карте 1864 года» лиц, рассмотреть вопрос возможного их участия в финансировании предлагаемого нами проекта. По предварительным расчетам, издание вышеназванной книги (при тираже 500 экземпляров) обойдется издателям в 200 тыс. рублей. Авторы-составители готовы выкупить 100 экземпляров по себестоимости.

Предлагаемое издание должно, на наш взгляд, иметь следующую структуру:

Структура книги	страниц
1. Титул, оборот титула	2
2. От составителей	2
3. Исторический очерк и документы	10
4. Археографическая справка	2
5. Полистное издание «алтайской» части карты 1864 г. по разработанной схеме (1 полный лист карты — на 6 разворотов)	120
6. Топонимический очерк будет подготовлен проф. О. Т. Молчановой, автором «Топонимического словаря Горного Алтая» (Горно-Алтайск, 1979)	12
7. Географический указатель на русском языке	8
8. Географический указатель в латинице	8
9. Summary	1-2
10. Contents	10
11. Содержание (на разворот с Contents)	2
12. Выпускные сведения	1
Общий объем книги формата А4 равен примерно	170

Технические характеристики книги	
Формат издания	29 × 21 см
Объем	170 страниц
Плотность бумаги — примерно	120 г/м
Текст	двухколонник
Карты	цветные
Книжный блок	шитый (не клееный)
Форзацы	цветные
Переплет	твердый

Тираж — 500 экз. Из них 16 экз. книги издатель высыпает бесплатно в Книжную палату и в Алтайскую краевую библиотеку.

Копирайт — авторы-составители.

ISBN — обязательен.

Подготовка оригинал-макета — делает издательство, либо сторонний специалист за отдельную плату.

Авторы проекта, лауреаты премии Демидовского фонда 2007 года:

Б. Б. Бородав, методист лаборатории исторического краеведения БГПУ

А. В. Концев, кандидат исторических наук

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);

- УДК;

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).

- Ключевые слова (на русском и английском языках)

- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.

- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.

- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].

- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на диске) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются.

Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15.
Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru